

С Е Р И Я

• ВУЗОВСКАЯ НАУКА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ •

**ОБЩЕСТВО
В ЭПОХУ КРИЗИСА
ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
актуальные проблемы
права, экономики
и межкультурной
коммуникации**

Т О М I

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА:
ПОИСК ИДЕАЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

С Б О Р Н И К С Т А Т Е Й

РОСТОВ-НА-ДОНУ — 2022

УДК 34
ББК 67
О-28

*Печатается по решению редакционной коллегии научного журнала
«Спутник высшей школы» (№3 от 24.11.2022 г.)*

Р е ц е н з е н т ы :

*И. Ю. ОСТАПОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права
УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева*

*Х. В. ПЕШКОВА (БЕЛОГОРЦЕВА),
доктор юридических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных
и финансово-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Воронежский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России»*

Н а у ч н ы е р е д а к т о р ы :

*И. А. ИВАННИКОВ,
доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор;
А. Н. РАТЬКОВ,
кандидат юридических наук, доцент*

О-28 Общество в эпоху кризиса глобализации: актуальные проблемы права, экономики и межкультурной коммуникации / Серия «Вузовская наука: от теории к практике». В 2 т. Т. 1. Развитие Российского государства и права: поиск идеальной модели: сборник статей. — Ростов-н/Д: Спутник науки, 2022. — 195 с.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-6049066-2-0

В первом томе сборника статей представлены научные работы участников Всероссийской научной конференции с международным участием «IV Сочинские юридические чтения на тему: «Развитие Российского государства и права: поиск идеальной модели», состоявшейся на площадке Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов 2 ноября 2022 г. Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений, интересующихся актуальными проблемами права, экономики, истории, сферы международных отношений и политологии.

© Спутник науки, 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Развитие Российского государства и правовой системы в XXI веке: поиск идеальной формы. <i>Иванников И. А.</i>	10
Историческое развитие положений об уголовном наказании несовершеннолетних в России. <i>Арефинкина Е. Г.</i>	26
Об усилении уголовно-правовой охраны избирательных прав граждан в современных условиях. <i>Городецкая Е. А.</i>	35
Влияние римского частного права на процесс исторической эволюции гражданского законодательства Беларуси. <i>Ермолович В. И.</i>	49
Взаимосвязь юридической ответственности, законности и справедливости. <i>Иванников А. И.</i>	65
Российское государство и право: правовые особенности федеративной модели государственного устройства. <i>Капустина М. А.</i>	69
Духовность православная, западная и светская: системы ценностных ориентаций. <i>Лебедев В. Д.</i>	79
Роль конституционной реформы 2020 года в РФ в вопросе перспектив развития и гармонизации законодательства Приднестровья с законодательством России. <i>Малярчук О. А.</i>	94
Основные направления укрепления суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации. <i>Михайлов А. Е.</i>	106
Бюджетный метод ведения государственного хозяйства в контексте становления и модификации государства. <i>Пешкова (Белогорцева) Х. В.</i> ...	123

Дифференциация досудебного производства в уголовном процессе: поиск эффективной формы расследования преступлений. <i>Ратьков А. Н.</i>	135
Британский и американский конституционализм как модель устойчивой государственности в контексте российского конституционного опыта. <i>Сидорова Т. А.</i>	150
Государственно-правовая форма России конца XX — начала XXI вв. через призму трансформации правоотношений государственной (общенародной) собственности. <i>Толмачева Е. Н.</i>	167
Уголовно-правовая охрана конституционного строя Республики Абхазия. <i>Хагба Е. Г.</i>	188

**IV СОЧИНСКИЕ
ЮРИДИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Избранные статьи

г. Сочи, 2 ноября 2022 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

2 ноября 2022 года в г. Сочи на площадке Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов состоялись, ставшие уже традиционными, IV Юридические чтения. Основателем, организатором и инициатором проведения каждых Юридических чтений является доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор **Иван Андреевич Иванников**, который своей энергией и активным участием в обсуждении выносимых на Чтения проблем подвигает своих маститых коллег и молодых ученых к исследованию государственного устройства во всем многообразии возникающих вопросов.

В этот раз тема научного форума, получившего статус Всероссийской научной конференции с международным участием, была определена как «Развитие Российского государства и права: поиск идеальной модели».

Напомним, что I Юридические чтения состоялись в 2020 году и были посвящены 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

II Чтения, в 2021 году, в связи с очередной круглой годовщиной отмены в России крепостного права, были приурочены к 160-летию этого значимого события.

Тема III Юридических чтений, в контексте внесения в Конституцию России в 2020 году поправок и дополнений, звучала следующим образом: «Духовно-нравственные ценности Конституции Российской Федерации»).

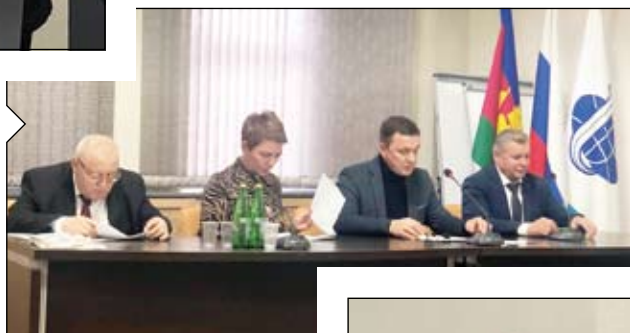
Формат проведения IV Юридических чтений позволял принять участие в работе данного научного форума как очно, так и посредством видеовключения. Из тридцати ученых, пожелавших выступить на конференции, имели степень доктора наук — 9, а степень кандидата наук — 12

ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Доклад профессора
И. А. Иванникова

Президиум
IV Юридических
чтений

Заслушивается
доклад в формате
видеовключения

Выступает
А. Н. Ратьков

представителей разных научных школ России и зарубежья. В частности, свои взгляды на развитие не только Российского государства и права, но и своих государств представили ученые из Белоруссии, Казахстана, Приднестровской Молдавской Республики и Республики Абхазия. Российское научное общество на Чтениях составили представители научных школ, развивающихся в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Саратове, Самаре, Ростове-на-Дону, Воронеже, на Сахалине и в Крыму.

Безусловно, как и всегда, интерес вызвало выступление **Ивана Андреевича Иванникова** о поиске идеальной формы развития Российского государства и правовой системы в XXI веке.

На правовые особенности федеративной модели государственного устройства России обратила внимание кандидат юридических наук, доцент Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС (г. Санкт-Петербург) **Мария Александровна Капустина**.

О значении бюджетного метода ведения государственного хозяйства для становления и модификации любого государства рассказала доктор юридических наук, доцент Воронежского института ФСИН России **Христина Вячеславовна Пешкова (Белогорцева)**.

Живое обсуждение вызвал доклад **Игоря Юрьевича Остаповича**, доктора юридических наук, профессора кафедры конституционного права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, на тему «Нужно ли защищать конституционные (уставные) права человека в субъектах Российской Федерации?», которое продолжилось после выступления об историко-правовых уроках государственной модели СССР доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Междуна-

родного юридического института **Сусанны Джамиловны Багдасарян**.

Поступили многочисленные вопросы и к **Елене Николаевне Кузнецовой**, кандидату юридических наук, доценту кафедры государственного и административного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева после освещения ею результатов авторского научного исследования «Особенности и распад Союза ССР: проблема взаимосвязи».

Были и другие интересные и глубоко научные выступления, часть из которых размещена в настоящем сборнике.

При подведении итогов состоявшихся чтений все участники отметили актуальность прозвучавших проблем, выразили надежду на продолжение работы конференции в избранном формате и, желательно, при очном участии.

А. Н. Ратьков, кандидат юридических наук, доцент

Развитие Российского государства и правовой системы в XXI веке: поиск идеальной формы

Иванников Иван Андреевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,

Сочинский институт (филиал)

Российского университета дружбы народов;

Сочинский филиал

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России),

г. Сочи, Россия, e-mail: freiheit2061@gmail.com

УДК 342

Аннотация. *Статья преследует цель обосновать необходимость не только принятия новой Конституции России, но и качественного обновления всех ветвей государственной власти, разработку и обоснование новой идеи, способной объединить граждан исторической России.*

Ключевые слова: *Россия; Конституция России, форма Российского государства; форма государственно-территориального устройства; форма государственного режима; судебная власть; идеология.*

Вопрос о форме Российского государства вызывает дискуссии не первое столетие, так как связан с такими ценностями, как демократия, эффективная государственная власть, государственно-территориальное единство, рост численности населения, социальная справедливость, честные выборы, справедливый закон и другие.

В современных условиях модернизация формы Российского государства, с учетом ориентации на рост уровня и качества жизни населения, по нашему мнению, невозможна без принятия новой Конституции России. Об изменении Конституции Российской Федерации 1993 года или принятии нового Основного закона РФ пишут и говорят некоторые политики и ученые еще с конца 1990-х годов. Принятие новой Конституции России, как представляется, должно быть связано с изменением формы Российского государства.

После реформы Конституции Российской Федерации в 2020 году с подобными предложениями выступают многие авторы академических журналов. Следовательно, нужно ждать существенных перемен в правотворческой политике России.

Целью статьи является рассмотрение лишь некоторых проблемных аспектов, касающихся перспектив развития формы государства и правовой системы России в начале XXI столетия в контексте возможных путей их модернизации. При этом осветить или даже упомянуть вскользь обо всех проблемных сторонах формы Российского государства и правовой системы России в рамках одной статьи не представляется возможным.

Считаем, что в России в течение текущего столетия на референдуме следует решить вопрос о форме правления и структуре власти. Существенные перемены необходимы, на наш взгляд, в системе судебной власти. Упразднение 5 февраля 2014 года Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и исключение из Конституции Российской Федерации ст. 127 стало началом конституционной реформы, которая так и не завершилась обновлением судейского состава Верховного и Конституционного судов Российской Федерации и всех нижестоящих судов.

По примеру ряда государств в будущей Конституции России необходимо будет предусмотреть нормы о создании в системе разделения властей таких институтов, как электоральные суды и электоральные прокуратуры. Их целесообразно сформировать в федеральных округах и на уровне Федерации. При этом они не должны подчиняться ни Верховному Суду Российской Федерации, ни Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Современный уровень развития российского общества характеризуется высокой степенью политического и правового нигилизма, истоки которого заложены в Декларации о государственном суверенитете Литовской ССР 1989 года и аналогичном документе по линии РСФСР от 12 июня 1990 года, которые были приняты в нарушение Конституции и законов СССР, положили политическое и юридическое начало прекращению существования Советского Союза. Следуя примеру РСФСР, многие союзные и автономные республики СССР повально стали принимать декларации о государственном суверенитете. Так, 25 августа 1990 года Верховный Совет Абхазии принял «Декларацию о государственном суверенитете», что спровоцировало абхазо-грузинский конфликт 1992–1993 годов.

Самоопределение и отделение республик соответствует принципу самоопределения народов в международном праве, который заключается в выборе народом своего пути развития. Проблемы реализации данного принципа для многих народов сопровождалась вооруженным противостоянием. В Абхазии самоопределения желало большинство населения, проживающего на территории автономии. Самоопределения Косово в отношении Югославии и Сербии желали сильные державы. Признание 19 февраля 2008 года Косово одновременно стало и нарушением принципа нерушимости

границ, и нарушением принципа реализации самоопределения нации. Думается, вряд ли после событий 2014 года удалось бы реализовать право на самоопределение Абхазии и Южной Осетии.

Противников самоопределения республик и прекращения существования СССР 3–4 октября 1993 года в Москве разгоняли у здания Верховного Совета Российской Федерации. После этого отрешенный от должности президента Российской Федерации Б. Н. Ельцин и его окружение организовали 12 декабря 1993 года референдум по принятию новой Конституции Российской Федерации, текст которой предварительно был одобрен Венецианской комиссией Совета Европы.

Профессор А. В. Малько, писал, что авторы проекта Конституции Российской Федерации 1993 года не доверяли российскому народу и обратились за поддержкой к Западу. Политики в окружении Б. Н. Ельцина, «... на словах радея о народовласти, правовом государстве и гражданском обществе в России, не рискнули вынести свой проект на всенародное обсуждение, а пошли «по более демократическому пути: обратились за помощью к так называемым “авторитетным демократам” — в Комиссию Совета Европы “За демократию через право”, <...> которая была создана в 1991 г.» [7, с. 3].

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 года проблема суверенитета субъектов Российской Федерации неоднократно приводила к противоречиям между органами власти Федерации и ее субъектов. Глава Республики Алтай и Председатель Правительства Республики Алтай направили в 2000 году запрос в Конституционный Суд Российской Федерации о конституционности положений Конституции Республики Алтай (Основного закона), принятой

7 июня 1997 года с изменениями по Конституционному закону Республики Алтай от 2 июня 1999 года. Речь шла о суверенитете Республики Алтай (ст. 4 и 162), об объявлении собственностью Республики Алтай всех природных ресурсов на ее территории и запрете складирования в республике радиоактивных отходов; о том, что судебная система на территории республики организуется и действует на основе федеральных законов и законов Республики Алтай (ст. 154). Рассматривая данный запрос, Конституционный суд Российской Федерации отмечал, что современные независимые государства имеют государственные символы: герб, флаг, гимн, которые отражают самобытность, природу и традиции народа, проживающего на территории данного государства. В федеративных государствах субъекты Федерации не могут быть суверенными, так как власть федеративных органов действует на территории этих субъектов, а федеральная Конституция суверенных государств обладает верховенством на всей территории страны [2].

Согласно части 2 статьи 5 Конституции Российской Федерации, республики в ее составе называются государствами. Если государство имеет признак государственного суверенитета, то республики в составе Российской Федерации являются субъектами Федерации и не могут быть государствами. Поскольку они не имеют статуса суверенного государства, термин «государство» при характеристике республики в составе Российской Федерации из части 2 статьи 5 в новой Конституции России в будущем должен быть исключен. Тем более что определение республики как государства нарушает часть 1 статьи 5 Конституции Российской Федерации о равноправии субъектов Федерации.

В будущей Конституции России должно быть закреплено идеологическое многообразие и государственная идеоло-

гия, но при этом должны запрещаться политические партии и иные общественные объединения, деятельность которых направлена на насильственное изменение основ государственного и общественного строя, подрыв безопасности государства. Об этом писали профессора Н. И. Матузов [8, с. 51–60], А. Ф. Черданцев [11, с. 5] и другие.

Статья 14 Конституции Российской Федерации гласит, что Российская Федерация является светским государством, и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. После изменений и дополнений 2020 года в Конституции Российской Федерации появилась статья 67.1, которая в части 2 закрепляет норму о том, что Российская Федерация отражает тысячелетнюю историю, хранит память предков, которые передали потомкам «идеалы и веру в Бога». В данном случае возникает вопрос, а не противоречит ли данная норма статье 14?».

И еще один аспект следует отметить: всё же, как представляется, тысячелетней истории Конституция Российской Федерации не хранит. Так, не хранит Конституция государственно-правовые ценности советского периода истории страны. Большевики выступали против буржуазных ценностей и их носителей. Для них были важны классовые интересы, идея мировой революции. Ничего существенного не переняла Российская Федерация от СССР в духовно-нравственной сфере, а СССР — от Российской империи [5, с. 5].

На научно-практических конференциях 2022 года, посвященных 100-летию образования СССР, иногда звучали аналитические доклады о причинах и последствиях прекращения существования сверхдержавы. Не исчезла угроза и прекращения существования Российской Федерации, но уже по другим основаниям. Внесенные в 2020 году изменения в Конституцию Российской Федерации 1993 года

превратили Основной закон страны в еще более противоречивый с точки зрения юридической техники документ. С. Н. Бабурин отметил, что вопрос о необходимости принятия новой Конституции России, после изменений Конституции в 2020 году обозначился еще острее [4, с. 6].

В начале XXI века Россия была слабым государством. Эта слабость в первую очередь касалась неразвитости бюрократического аппарата. Российские элиты, сформированные в 1990-е годы, были (как и часть общества) морально неустойчивы и являлись приверженцами идеологии права силы, а не силы права. Для многих из них по разным причинам оставались непонятными принципы равноправия, социальной справедливости, а для некоторых и принцип законности. Они не задумывались о том, что внешние силы, которые разрушали СССР, будут препятствовать объединению территорий бывшей сверхдержавы; что экономические круги США, Великобритании, ФРГ и Франции окажутся глухи к мнению народа на референдумах и вообще не станут учитывать такую форму волеизъявления впредь. Формирующиеся российские элиты на первых порах не осознавали значения идеологии во внешней и внутренней политике, которая, как известно, овладев массами, становится материальной силой. Не разработана была новая (взамен утраченной советской) объединяющая страну государственная идея (миссия). Не секрет, что часть представителей российской элиты не являлись патриотами своей страны, хотя говорили они на русском языке и росли в русско-центричном культурном пространстве. Академик Российской академии наук В. А. Тишков отмечал, что «накануне распада в СССР кроме русских в качестве родного языка называли русский язык около 19 млн человек других национальностей и 69 млн человек указали, что свободно

владеют им в качестве второго языка» [10, с. 554]. Впрочем, лица, знающие русский язык и русскую литературу, могут и не быть сторонниками «русскости» как мировоззренческой традиции. События на Украине 2014–2022 годов показали, что среди граждан этой страны немало русскоязычных оппонентов «русского мира» и России как его центра.

После государственного переворота на Украине в феврале 2014 года состоялись референдумы в Крыму и Севастополе, по итогам которых эти регионы вышли из состава Украины и воссоединились с Российской Федерацией. Русское и русскоговорящее население Луганской и Донецкой областей изменило статус своих территорий на республиканский. Появились Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР). На создание ДНР и ЛНР официальный Киев отреагировал объявлением «антитеррористической операции» (АТО), развязав террор против гражданского населения.

Российская Федерация не признала суверенитет ДНР и ЛНР в 2014 году, так как, видимо, считала возможным разрешить конфликт иначе. Многие говорят о том, что в тот момент Российская Федерация могла прирасти обширными территориями, которые населяло русскоязычное население. Через восемь лет идеологическая, международная и военнополитическая ситуация существенно изменились, причем не в пользу Российской Федерации.

В процессе обсуждения изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году предлагалось закрепить в ней положение о государствообразующей роли русского народа.

21 февраля 2022 года Президент России В. В. Путин подписал Указ № 71 «О признании Донецкой Народной Республики». В п. 1 Указа записано, что, учитывая волеизъявление народа Донецкой Народной Республики, а также то, что

Украина отказалась от мирного урегулирования конфликта на Юго-Востоке в соответствии с Минскими соглашениями, Российская Федерация признает ДНР в качестве суверенного государства. В. В. Путин подписал аналогичный указ и о признании ЛНР.

С началом специальной военной операции 24 февраля 2022 года актуализировалась тема перспектив присоединения к Российской Федерации новых территорий Украины. На протяжении лета 2022 года в российских СМИ часто сообщалось о том, что осенью на территории ДНР, ЛНР, а также Херсонской и Запорожской областей, возможно, состоятся референдумы о вхождении данных территорий в состав Российской Федерации. Это выдвинуло на повестку дня вопросы о том, на каких принципах и в каких границах возможно присоединение Херсонской и Запорожской областей в состав Российской Федерации

Правовая основа присоединения новых территорий к России содержится в ст. 4 ФКЗ РФ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации». Она гласит, что в качестве субъекта в Российскую Федерацию может быть принято иностранное государство или часть иностранного государства по их обоюдному согласию. Новый субъект может получить статус республики, области, края или автономного округа [1]. Такое право есть в конституциях многих государств мира.

А. В. Темиров отмечает, что «в конституциях государств допускается возможность увеличения территории государства («в нацию могут быть приняты другие провинции»), но не упоминается, как правило, о возможности ее сокращения, т. е. подразумевается, что такое сокращение противоречит принципам целостности и неприкосновенности государственной территории».

Основными формами самоопределения территорий в рамках федеративного государственно-территориального устройства могут быть: «1) образование субъекта федерации, 2) формирование административной автономии, 3) формирование муниципального образования, 4) изменение границ субъектов федерации, административных автономий и муниципальных образований. Образование субъекта федерации и изменение границ субъектов федерации характерно только для федеративных государств» [9, с. 107].

Увеличение территории России в 2014 году за счет присоединения Крыма и Севастополя было осуществлено демократическим путем. Заявление о том, что в условиях войны для обеспечения безопасности граждан необходимо проводить электронное голосование о присоединении к Российской Федерации некоторых областей Украины, вполне себя оправдывает, если представительность референдума и прозрачность системы учета голосов будут обеспечены. Попытки срыва референдумов путем террористических актов делают невозможным пребывание некоторых областей юго-востока Украины в составе Украины.

19 сентября 2022 года Общественная палата Луганской области обратилась к главе ЛНР и Народному совету ЛНР с просьбой провести референдум о вхождении в состав Российской Федерации. 20 сентября 2022 года Народный совет Донецкой Народной Республики принял Закон «О референдуме Донецкой Народной Республики по вопросу о вхождении в состав Российской Федерации на правах субъекта Российской Федерации». 20 сентября 2022 года было объявлено о том, что в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях в период с 23 по 27 сентября 2022 года пройдут референдумы, на которых будет решаться вопрос о вхождении этих территорий в состав Российской Федерации.

Проблема состояла в том, чтобы обеспечить защиту населения этих территорий в процессе проведения референдумов. Большинство членов Совета Безопасности ООН осудили проведение референдума в Украине. В этой связи неизбежно возникают международно-правовые проблемы. Еще одна группа проблем связана с тем, что с точки зрения своего формального правового статуса Украина — унитарное государство, и ее территории не имеют права сепарации. Своего согласия на проведение референдума на территории Запорожской и Херсонской областей 23–27 сентября 2022 года Украина, разумеется, не давала и не передавала суверенитет на эти территории Российской Федерации. 23 сентября 2022 года Генеральная прокуратура Украины возбудила уголовное дело по факту посягательства на территориальную целостность в связи с проведением референдума в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. В то же время игнорировать желание большей части населения определенных территорий есть нарушение принципа справедливости. Принцип «пусть рушится мир, но торжествует закон» здесь как и всегда не уместен, а насилие в отношении участников референдума есть преступление против человечности и демократии. В 1980 году в Канаде был проведен референдум о независимости в провинции Квебек, а в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии состоялся референдум о независимости Шотландии 18 сентября 2014 года. И это не привело к гражданской войне.

Референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях 23–27 сентября 2022 года состоялись. Последствия референдума, безусловно, изменили форму государственно-территориального устройства Российской Федерации. 29 сентября 2022 года Президент Российской Федерации подписал два указа: «О признании Херсонской области» и

«О признании Запорожской области». Ссылаясь на принципы международного права о равноправии и самоопределении народов, которые закреплены в Уставе ООН, учитывая волеизъявление народа Херсонской и Запорожской областей на референдуме 27 сентября 2022 года, в указах заявлено о признании суверенитета и независимости Херсонской и Запорожской областей [3].

30 декабря были подписаны договоры о вхождении в состав Российской Федерации ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей. Многие страны мира заявили, что не намерены признавать результаты состоявшихся референдумов. Возможно, в будущем, перспективы отсроченного признания результатов референдумов международными организациями и государствами будут зависеть от успехов Российской Федерации по защите населения присоединенных территорий, повышения их уровня защищенности и качества жизни. Во всяком случае мировой опыт в сфере международного права подобных прецедентов не знает.

В. В. Кецба отмечает, что признание одними государствами других может быть открыто заявленным или «... молчаливым, вытекающим из поведения (действия или воздержания от действий) данного государства» [6, с. 77]. В мировой истории были случаи, когда недружественные страны или правительства долгое время не признавали вновь созданные государства, их глав или правительства. Однако укрепление мощи непризнанных государств, рост их авторитета на международной арене со временем всё же вынуждали с ними считаться и в конечном итоге их признавать.

Отделение Пакистана от Индии (штата Кашмир), Приднестровской Молдавской Республики от Республики Молдова, создание Турецкой Республики Северного Кипра (за счет отторжения территорий от Республики Кипр) диплома-

тическим путем так и не были урегулированы. Ирак, который ранее считал Кувейт своей провинцией, под давлением извне признал суверенитет Кувейта в 1994 году. Китайская Народная Республика не признает суверенитет Тайваня и до сих пор считает его частью своей территории. Карабахская проблема — камень преткновения между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения — привела к открытому военному столкновению.

Подводя итоги исследования государственно-территориального устройства в России, можно сделать несколько общих выводов:

1. В начале третьего тысячелетия необходимо расширить возможности влияния граждан на государственную власть по вопросу принятия решения о форме государственного режима, государственно-территориального устройства и государственного правления. Вполне оправдал бы себя в этом смысле формат участия граждан в обсуждении законопроектов, а затем в референдумах.

2. Следует избрать по принципу «снизу вверх» — путем многоступенчатых выборов — обновленный российский парламент (возможно, при этом имеет смысл заимствовать швейцарский опыт организации прозрачных и справедливых выборов).

3. В случае изменения формы государственного правления, государственно-территориального устройства и государственного режима, очевидно, потребуется принятие нового Основного закона. Как известно из исторического опыта, лишь те конституции принимаются на столетия, которые проходят горнило предварительного всестороннего обсуждения на общенародном референдуме. Если Россия будет развиваться в будущем как федеративное государство, то каждый субъект Федерации должен иметь свою демократическую

конституцию и свод нормативных правовых актов, которые также не должны исключать возможность их модернизации в дальнейшем при условии, что эти законы не будут противоречить федеральной Конституции. Если же Россия будет развиваться как унитарное государство, то создателям новой Конституции имеет смысл учесть опыт государственного строительства Российской империи, СССР и Китайской Народной Республики, а также других развитых унитарных государств.

4. Разработчики новой Конституции России должны взять на себя ответственность за политическое будущее народа и государственной власти, указать пути ответа на вызовы, которые встали перед страной в XXI веке и напрямую связаны с угрозами самому факту существования Российского государства.

5. Эволюция конституционного развития России отражает фундаментальные основы политической и правовой культуры народов, проживающих в нашей стране. Уникальность будущей Конституции России будет заключаться не только в том, что этот юридический документ закрепит суверенный статус государственной власти в сложных внешнеполитических условиях, но и принципы взаимоотношений между населением и субъектами государственной власти, включая морально-нравственные основы общероссийской идеологической парадигмы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».* — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34452/e0162340496fee7f37bc2075865f9faefa616c1e/ (дата обращения: 19.08.2022).

2. Постановление Конституционного суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”». — URL: legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-07062000-n/ (дата обращения: 24.08.2022).
3. Указ Президента РФ «О признании Херсонской области». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209300002> (дата обращения: 30.09.2022).
4. Бабурин С. Н. Конституционная реформа 20209 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1.
5. Иванников И. А. Духовно-нравственные ценности Конституции Российской Федерации // Юридические чтения: сборник статей III научно-практической конференции с международным участием на тему: «Духовно-нравственные ценности Конституции Российской Федерации» (г. Сочи, 7 апреля 2022 г.) / науч. ред. И. А. Иванников. — Ростов-н/Д — Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2022.
6. Кецба В. В. Международно-правовое признание суверенных государств. Курс лекций. М., 2012.
7. Малько А. В. Конституционная политика как особая разновидность правовой политики // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4.
8. Матузов Н. И. О методологической ситуации в российском правоведении // Вестник саратовской государственной академии права. 2008. № 4.
9. Темиров А. В. К вопросу о специфике присоединения территории одного государства к территории другого независимого государства // Аграрное и земельное право. 2017. № 2.

10. Тишков В. А. *Российский народ: история и смысл национального самосознания* // Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2013.
11. Черданцев В. Д. *Интегративное недопонимание права* // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5.

BRIEF

**DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE AND LEGAL SYSTEM
IN THE 21ST CENTURY: THE SEARCH FOR AN IDEAL FORM**

Ivannikov Ivan Andreevich,

*Doctor of Law, Doctor of Political Science,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship
University of Russia and the Sochi Branch of VGUYu
(RPA) of the Ministry of Justice of Russia,
Sochi, Russia, e-mail: freiheit2061@gmail.com*

Abstract. *The article aims to substantiate the need not only for the adoption of a new Constitution of Russia, but also for a qualitative renewal of all branches of state power, the development and justification of a new idea that can unite the citizens of historical Russia.*

Key words: *Russia; the Constitution of Russia; the form of the Russian state; the form of the state-territorial structure; the form of the state regime; the judiciary; ideology.*

Историческое развитие положений об уголовном наказании несовершеннолетних в России

*Арефинкина Екатерина Геральдовна,
кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса
юридического факультета Сочинского института
Российского университета дружбы народов,
г. Сочи, Россия, e-mail: arefinkina@mail.ru*

УДК 343.1 (019)
ББК 67.408.02

***Аннотация.** Без осмысления исторических реалий невозможно анализировать направления эволюции отечественного уголовного законодательства, поскольку устойчивость правовых норм проверяется преимущественно условиями их развития. Институт наказания несовершеннолетних в своем развитии прошел долгий и сложный путь. Его становление находилось в тесной взаимосвязи с состоянием социальной, экономической и политической ситуации в стране, а также задачами уголовной политики.*

***Ключевые слова:** наказание несовершеннолетних; уголовное законодательство об ответственности несовершеннолетних; несовершеннолетний нарушитель.*

Развитие уголовного законодательства о наказании несовершеннолетних в нашей стране сложно себе представить без осмысления его эволюции, поскольку

ку устойчивость и жизнеспособность правовых норм всегда проверяется историческими реалиями.

Нужно отметить, что изначально уголовная ответственность несовершеннолетних мало чем отличалась от уголовной ответственности взрослых, с которыми подростки наказывались фактически наравне, без учета возрастных особенностей. Это было связано с отсутствием в юридической науке того времени понимания того, что детство должно относиться к особо защищаемому периоду в жизни человека, в связи с чем и не существовало системы специальной защиты детей в судах и тюрьмах.

Уголовное Уложение 1903 г. включило в себя все прогрессивные положения, которые существовали на тот момент не только в российском, но и в зарубежном праве. Законодатель устанавливал различные возрастные категории, влияющие на наказание несовершеннолетних, регламентировал особенности его индивидуализации и особо отмечал недопустимость совместного содержания несовершеннолетних со взрослыми осужденными [3, с. 159]. Вместе с тем неопределенность при выборе вида наказания и критериев его назначения имели негативную тенденцию в правоприменительной деятельности. К середине XIX века отчетливо стал проявляться тот факт, что наказание зачастую превращается не в борьбу с преступностью несовершеннолетних, а в «истребление виновных».

22 января 1910 года был торжественно открыт Санкт-Петербургский суд по делам несовершеннолетних. Огромное значение в деятельности суда по делам несовершеннолетних имел институт попечителей. Для организации попечительского наблюдения российская правовая практика использовала две формы, регламентированные законом: 1) ответственный присмотр, который носил характер предварительного испытательного наблюдения и, по сути,

успешно выполнял функцию условного осуждения, отсутствовавшую в тот период в законодательстве; 2) ответственный надзор, представлявший собой меру, назначаемую по приговору суда. То есть в начале XX века уже высказывались достаточно прогрессивные мнения относительно применения наказания к несовершеннолетним, которые не потеряли своей актуальности и по сей день. Таким образом, отечественному законодателю в тот период удалось сформировать достаточно развитую и последовательную систему уголовной ответственности несовершеннолетних при сохранении широких рамок судебного усмотрения.

Серьезные изменения в уголовно-правовой политике в части норм о наказании несовершеннолетних произошли после революции 1917 года и распада Российской империи.

Законодатель сделал попытку ухода от дореволюционных положений о смягчении ответственности несовершеннолетних, построив вслед за известной песней «наш новый мир» в том числе и в сфере юриспруденции, приняв, как тогда казалось новому революционному правительству, более прогрессивные нормативные акты, которые почти полностью заменили наказание лиц до достижения ими семнадцати лет комплексом воспитательных мер. Уголовное законодательство этого периода, допускало назначение наказания подросткам лишь в исключительных случаях (совершение несовершеннолетним особо тяжких преступлений против жизни и злостный рецидив) [2, с. 40]. При всей внешней позитивности произошедших изменений на фоне плачевной социально-экономической ситуации в стране и того, что множество детей остались беспризорными и безнадзорными, произошел значительный всплеск преступности в детской среде, что породило необходимость создания системы профилактики преступности. Хотя законодательные меры в

отношении наказания несовершеннолетних были не достаточно продуманы, в целом нужно отметить прогрессивную идею молодого Советского государства об отказе применения к несовершеннолетним мер, связанных с лишением свободы. В тот период к ним применялись в основном лишь медико-педагогическое воздействие и условное осуждение. Таким образом, к середине 1920-х гг. в России зародились гуманистические начала в сфере уголовного производства по делам несовершеннолетних с минимальным применением карательных мер, а также наметились пути к решению проблем охраны жизни несовершеннолетних, предупреждения правонарушений в их среде на государственном уровне.

Уголовное законодательство 1930–1940-х гг., исходя из господствовавшей в тот период общегосударственной политики скорейшей ликвидации преступности, отличалось карательным упрощенным подходом к борьбе с преступностью несовершеннолетних, которая рассматривалась как антисоциалистический элемент, требующий немедленного искоренения преимущественно методами репрессии [1, с. 218].

Дальнейшее усиление уголовного наказания в отношении несовершеннолетних было обусловлено реалиями военного времени Великой Отечественной войны 1941–1945 гг, которые детерминировали рост детской беспризорности, преступности. Это обстоятельство объективно ограничило развитие социальной помощи подросткам и потребовало концентрацию всех государственных ресурсов и мощностей в военной и производственной сферах. В силу объективных исторических причин декларативные положения о правах и свободах человека были парализованы общей установкой обеспечения прежде всего интересов государства при игнорировании интересов отдельной личности. В

связи с этим фактическими (а не провозглашенными в законодательстве) целями наказания стали не исправление и перевоспитание осужденных, а их изоляция. Начиная с 1941 г. и до принятия Основ уголовного законодательства в 1958 г., положение было таково, что по подавляющему количеству преступлений ответственность несовершеннолетних наступала с 14 лет, по незначительному кругу преступлений — с 12 лет. История уголовной политики России показала, что репрессивными мерами невозможно сократить детскую преступность. Усиление уголовных мер без усиления профилактической работы с подростками не способствовало сокращению преступности. В результате изменений, произошедших в уголовном законодательстве, в угоду главенствующей тогда концепции принуждения как универсального средства борьбы с преступностью был забыт накопленный ранее опыт мер воспитательного характера. Ошибочность принятого направления была очевидна на практике. В отсутствие возможности применения к несовершеннолетним преступникам мер воспитательного характера, часто назначались реальные наказания на непродолжительный срок. Это приводило к плачевным результатам. Осужденные подростки, общаясь в местах лишения свободы со взрослыми преступниками либо с неоднократно судимыми сверстниками, возвращались домой после отбывания наказания, усвоив новые асоциальные взгляды, привычки, наклонности, которых у них не наблюдалось до этого [1, с. 25]. Печальные последствия чрезмерной строгости наказания к несовершеннолетним того периода ощущались в Советском государстве спустя многие годы. Подростки, прошедшие тюремную «школу», уже «на воле» начинали жить по криминальным законам, которые очень четко и быстро впитывали «на зоне». Многие известные крими-

нальные авторитеты того времени начали свою «карьеру» именно в несовершеннолетнем возрасте, в котором такую важную роль играет реакция эмансипации, потребность в самореализации и наличии авторитета, желание подражать значимым сверстникам и взрослым.

Уголовно-правовая и процессуальная реформа 1950–60-х гг. учла, что строгость наказания в отношении несовершеннолетних не является панацеей от роста преступности среди данной категории лиц и ведет к их ещё большей криминализации в среде закоренелых преступников, поэтому в тот период возраст уголовной ответственности повысился до 14 лет за совершение наиболее тяжких преступлений, опасность которых доступна пониманию в этом возрасте, а для уголовного наказания за совершение иных преступлений был определен возрастной порог в шестнадцать лет.

УК РСФСР 1960 года имел достаточно большое количество норм, регулирующих специфику уголовной ответственности несовершеннолетних, рассредоточенных по всему кодифицированному нормативному акту. Поэтому становился очевидным недостаток, связанный с отсутствием отдельной главы, посвященной этим вопросам. Кроме того, отдельные положения УК РСФСР 1960 г., ориентированные на учет возрастной специфики несовершеннолетних, не были должным образом конкретизированы и формализованы.

В Уголовный кодекс РФ 1996 г. были включены многие положения ранее действовавшего законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних. Необходимо отметить, что в нем впервые законодатель предусмотрел специальный раздел, посвященный несовершеннолетним, что было логичным и последовательным шагом законодателя, который учел в нормах уголовного права социально-психологические особенности данной возрастной катего-

рии. Это было прогрессивной инициативой, призванной максимально содействовать достижению целей уголовного наказания. Действительно, влиять на ресоциализацию несовершеннолетних необходимо путем использования в первую очередь воспитательных и профилактических мер. Наказание же, связанное с лишением свободы, стоит рассматривать как крайнюю меру, применять которую нужно лишь тогда, когда испробованы все остальные способы воздействия, в том числе и уголовно-правовые.

Анализируя развитие законодательства советского периода об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних, необходимо отметить следующее.

Институт наказания несовершеннолетних в своем развитии прошел долгий, весьма противоречивый исторический путь: от отсутствия формально закрепленных критериев избрания той или иной меры наказания несовершеннолетним до формирования достаточно стройной и гуманной системы наказания в отношении лиц данной возрастной группы. Как говорится, прошлое учит настоящее не повторять его ошибок в будущем. Поэтому, глядя на генезис норм о наказании несовершеннолетних в историческом ключе, безусловно, необходимо сформулировать и предложения в отношении дальнейшего развития данного правового института. Стоит сказать, что строгость наказания не приносит желаемого эффекта в профилактике преступности среди несовершеннолетних, но и чрезмерный гуманизм, попустительство также губительны здесь и неминуемо приводят к печальным результатам. Меры уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних должны быть не столько жесткими, сколько последовательными и неотвратимыми. Борьба с преступностью подростков исключительно с помощью наказания абсурдно. Безусловно, если

преступление совершено, то правоприменитель должен использовать всю силу уголовного права, делегированную ему законом, и исходя из принципа минимизации репрессии сделать так, чтобы несовершеннолетний осознал все последствия содеянного им, раскаялся и впредь воздерживался от совершения общественно опасных деяний. Но нужно помнить и о том, что уголовное наказание — следствие, а бороться нужно с первопричиной преступного поведения подростков. Для этого нужны действенные меры профилактики, активно поддерживаемые со стороны государства как на уровне законодательного регулирования, так и достаточного финансирования этой сферы деятельности: должны выделяться значительные средства на организацию детского досуга во всех регионах страны; повышаться роль воспитательной функции образовательных организаций, которая на сегодняшний день фактически утрачена; осуществляться своевременная и эффективная, планомерная работа с группами риска (не для отчетности, а на результат) и пр.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крюкова Н. И. *История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. №6. С. 23–27.*
2. Скрипченко Н. Ю. *Развитие законодательства о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних преступников (досоветский, советский и постсоветский периоды // Вопросы ювенальной юстиции, 2008. С. 35–40.*
3. Таганцев, Н. С. *Русское уголовное право в 2 ч. Часть 2/Н. С. Таганцев. М.: Юрайт, 2020. — 446 с. Текст электронный // ЭБС Юрайт [сайт].*

BRIEF

**HISTORICAL DEVELOPMENT THE PROVISIONS
OF CRIMINAL PUNISHMENT BY THE MINOR IN THE RUSSIA**

Arefinkina Ekaterina G.,

*Candidate of Juridical Sciences, docent,
head of the Criminal Law and Process Department of Sochi Institute
(branch)*

*of the Russian University of Peoples' Friendship,
Sochi, Russia, e-mail: arefinkina@mail.ru*

Abstract. *Without understanding the historical realities it is impossible to analyze the directions of further development the native legislation, since the stability of legal norms is checked mainly by the conditions of their genesis. The institution of juvenile punishment in its development has gone a long and difficult way. Its formation was closely related to the state of the social, economic and political situation in the country, as well as the tasks of criminal policy.*

Key words: *punishment for minors; criminal legislation on responsibility of minors; minor violator.*

Об усилении уголовно-правовой охраны избирательных прав граждан в современных условиях

Городецкая Елена Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент,

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко;
Центральная избирательная комиссия Приднестровья, председатель,
г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика,
e-mail: sovetnikvs@yandex.ru*

УДК 342.8

Аннотация. В статье изложены результаты сравнительно-правового анализа законодательного регулирования ответственности за фальсификацию подписных листов. Автор рассматривает текущее состояние законодательства и правоприменительной практики Приднестровья, обосновывает необходимость введения специальной уголовно-правовой ответственности за умышленную подделку подписей избирателей в подписных листах.

Ключевые слова: избирательная кампания; избирательные права; избиратели; ответственность; подписные листы; кандидат; избирательные комиссии; проверка подписных листов.

12 декабря 2021 года в Приднестровье в условиях гласности свободно и открыто состоялись выборы президента. Состоявшиеся выборы явились суверенным и подлинным проявлением власти и воли при-

днестровского народа. Международные наблюдатели высоко оценили уровень организации выборов, соответствие избирательных процедур международным стандартам. В ходе избирательной кампании были созданы все условия для реализации пассивного избирательного права; для осуществления и выявления свободно выраженной воли избирателей; предпринят комплекс мер для обеспечения доступности голосования для различных категорий граждан, в том числе и находящихся на лечении в инфекционных госпиталях.

Несмотря на позитивные итоги прошедших выборов и высокие оценки качества их проведения со стороны избирателей и международных наблюдателей, выявлена необходимость оказания уголовно-правового воздействия на состояние общественных отношений в сфере реализации избирательных прав с целью повышения эффективности предотвращения вреда этим общественным отношениям. В противном случае мнению социума о праве и ценностно-идейным установкам в выборах как важнейшем институте народовластия может быть нанесен непоправимый вред.

Каждое изменение законодательного регулирования — это реакция на состояние объективной реальности. Сложившаяся в период избирательной кампании по выборам Президента Приднестровья 2021 года ситуация с представлением отдельными кандидатами сфальсифицированных подписных листов сформировала правотворческий замысел, направленный на ужесточение уголовно-правовой ответственности за нарушения в этой сфере правоотношений. Стимулом для формирования данного предложения явились действия отдельных кандидатов по внесению фиктивных сведений в подписные листы и подделке подписей избирателей, якобы проставленных в поддержку этих кандидатов. Подача этими кандидатами в ЦИК Приднестро-

вья документов, заведомо непригодных для принятия избирательным органом решения о регистрации кандидатов, попытки создания в интернет-пространстве негативного имиджа избирательных комиссий и условий для подрыва доверия к итогам выборов свидетельствуют о необходимости предотвращения впредь подобных действий мерами уголовно-правовой ответственности.

В ходе избирательной кампании к кандидату чаще всего применяются меры конституционно-правовой ответственности в виде отказа в регистрации, предупреждения в адрес кандидата либо отмены в судебном порядке регистрации кандидата. Ранее эти меры демонстрировали высокую степень эффективности, поскольку искомой целью кандидата была регистрация и возможность быть включенным в избирательный бюллетень. Однако предвыборные реалии текущего периода свидетельствуют о том, что отдельные кандидаты выдвигаются не с целью достижения статуса зарегистрированного кандидата или избранного президента, депутата и т. д., а с целью ввести элементы конфликтности в избирательный процесс, создать иллюзию предвзятости и ангажированности избирательных комиссий и несправедливости выборов в целом. Оценивая степень вреда, которую подобные действия наносят как отношению избирателей к избирательному процессу, так и морально-психологическому климату в избирательных комиссиях, приходим к выводу о своевременности введения более эффективных мер ответственности, которые обеспечили бы должную превенцию нарушений избирательных правоотношений. Как отмечает А. Г. Головин, «необходимо вырабатывать в обществе психологическую установку, заключающуюся во внутреннем ощущении и осознании гражданами как значимой ценности избирательных свобод, которыми

личность пользуется ответственно, сознавая себя неотъемлемой частью коллективного источника власти — многонационального народа» [1, с. 9]. Соответственно, использование этих свобод в неправовых целях должно искореняться.

За совершение общественно опасных посягательств на избирательные права граждан в Уголовном кодексе Приднестровья (далее — УК) предусмотрена уголовная ответственность. Так, уголовная ответственность наступает за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (статья 137 УК), фальсификацию избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов (статья 138 УК) и за фальсификацию итогов голосования и незаконную передачу избирательного бюллетеня (статья 138–1 УК). Положения диспозиций названных норм не претерпевали изменений уже более пяти лет.

Статья 138 УК в настоящее время предусматривает наступление ответственности за совершение следующих действий:

- фальсификацию избирательных документов, документов референдума;
- неправильный подсчет голосов;
- заведомо неправильное установление результатов выборов, референдума;
- нарушение тайны голосования.

При этом в настоящее время может быть привлечен к ответственности по указанной статье только специальный субъект — член избирательной комиссии.

Зарубежный опыт правового регулирования уголовной ответственности за преступления в сфере избирательных правоотношений свидетельствует о более подробной регламентации тех деяний, за которые наступает уголовная от-

ветственность, в частности за подделку подписей избирателей в подписных листах.

Как указывают российские ученые [6, с. 83], лексическое обособление подделки подписного листа в диспозиции соответствующей статьи уголовного закона известно не только российскому законодательству, но и законодательству Швейцарии (ст. 282 УК), Узбекистана (ст. 146 УК), Казахстана (ст. 147 УК). В Российской Федерации выраженное в фальсификации подписных листов деяние нашло свое отражение в отдельной части статьи 142 УК Российской Федерации. Уголовный кодекс Узбекистана в статье 146 предусматривает уголовную ответственность за внесение фиктивных записей в подписные листы.

Введение уголовной ответственности за фальсификацию подписных листов, которая, как правило, сопряжена с подкупом и действием организованной группы лиц, позволит предотвратить совершение подобных деяний и выдвижение кандидатов, которые своей целью ставят не реализацию пассивного избирательного права, а создание негативного эмоционального фона вокруг избирательных комиссий и манипуляцию общественным сознанием.

Опасность распространения таких манипулятивных технологий заключается, в том числе, в их психологическом воздействии на избирателя. Безусловно, «психологической сущностью деятельности кандидата», как указывает В. Г. Зазыкин, «является целенаправленное психологическое воздействие на сознание избирателей с целью программирования их выбора» [2, с. 7]. Избиратель на постсоветском пространстве в силу исторически сложившейся зависимости от влияния политических событий на жизнь и благополучие каждого, очень политизирован и вовлечен в политические процессы. «Наш избиратель, как свидетельствуют

социально-психологические исследования, в большинстве своем крайне чувствителен к психологическим воздействиям и психологически слабо защищен от манипуляций. Для любой избирательной кампании, особенно в период предвыборной агитации, характерно интенсивное психологическое воздействие на избирателей» [2, с. 7].

Нередко к совершению общественно опасных посягательств на избирательные правоотношения приводит реализация «эгоистических интересов участников избирательного процесса, в том числе стремление использовать электоральные конфликты в качестве средства привлечения повышенного внимания общественности к конкретным субъектам избирательной кампании» [2, с. 12]. Недобросовестные участники избирательного процесса подбирают такие способы воздействия на подсознание избирателей, которые снижают сознательный контроль и анализ поступающей информации, заменяют рациональное и аргументированное убеждение верой в какие-то конспирологические замыслы. При этом, как отмечает В. Г. Зазыкин, недобросовестными кандидатами «ориентация осуществляется на так называемый милтон-модельный язык, то есть язык невысокой точности, но создающий иллюзию высокой правдоподобности» [2, с. 13].

Как справедливо указывает С. М. Шапиев, «для того, чтобы раскрутить политика, нужен неожиданный ход, продуманная система показательных акций, драматургически выстроенных и удобных для телевизионного показа... Некоторая скандальность». Сегодня ввести в драматическое поле максимальное количество избирателей и манипулировать их сознанием гораздо проще, поскольку необходимую информацию масштабировать, причем анонимно, с легкостью возможно посредством публичных чатов в социальных се-

тях. При этом легкости масштабирования прямо пропорционально увеличение в арсенале команды нечистоплотного кандидата методов, противоречащих законодательству и нарушающих этику предвыборной борьбы в цивилизованных странах, а также сложившиеся нравственные устои в обществе. Существует прямая корреляция между уровнем выборов (а, значит, привлекательностью мандата), и изощренностью незаконных избирательных технологий, а также степенью лживости доносимой до избирателей информации.

Сбор подписей предусмотрен избирательным законодательством как необходимый элемент процедуры выдвижения кандидата и необходимое условие для регистрации. Согласно требованиям пункта 2 статьи 54 Избирательного кодекса Приднестровья «количество подписей, необходимых для регистрации кандидата, должно составлять не менее 2 процентов, но не более 3 процентов от числа избирателей, зарегистрированных на территории избирательного округа» [3, с. 68].

Когда целью действий кандидата является не получение мандата выборного лица, а создание препятствий для борьбы за мандат для другого кандидата либо создание у электората нужных актору иллюзий, вред наносится не только конституционным правам отдельно взятого кандидата, но и системе публичной власти в целом. Для того чтобы публичная власть могла создавать блага для народа, она должна быть стабильной, эффективной и сильной. Необходимым условием обретения этих качеств публичной властью является доверие к ней населения. Доверие к выборам — важнейшая его часть.

Наиболее распространенными способами фальсификации подписных листов являются подделка подписей избирателей и дат проставления подписей, которые должны

выполняться избирателями собственноручно и только с момента подачи кандидатом уведомления о начале сбора подписей. Для фальсификации подписных листов предвыборный штаб кандидата проводит подготовительные мероприятия кадрового и информационного характера. В первую очередь, разными способами добываются паспортные данные избирателей. Например, кандидат получает доступ к базам данных с личной информацией граждан. Либо кандидат, его штаб обманным путем получают эти данные у самих избирателей — под видом переписи населения, под видом сбора подписей за того кандидата, к которому лояльно настроено большинство, сбора заявлений, а также с использованием ресурсов интернета.

Далее штаб кандидата рекрутирует граждан, обладающих навыками копировать почерк граждан, и организует заполнение подписных листов ложными сведениями без контакта с избирателями и демонстрации реальной поддержки ими своей кандидатуры. Российской практике уже известны случаи привлечения к уголовной ответственности за подобные правонарушения, а именно: «... ряд подписных листов содержали сведения о волеизъявлении граждан, которые к моменту сбора подписей умерли, что подтверждается копиями актовых записей о смерти. Действия обвиняемого были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 142 УК РФ. За аналогичные действия приговором Звенигородского городского суда Московской области от 23 марта 2012 г. по делу № 1–5/2012 кандидат на должность главы городского округа, был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 142 УК РФ. Обвиняемый с целью ускорения процедуры сбора подписей избирателей обменялся своими подписными листами с подписными листами выдвинутых путем самовыдвижения кандидатов на должность главы городского

округа и фальсифицировал подписи избирателей и даты внесения подписи в подписных листах» [5]. За указанные деяния лицо было привлечено к уголовной ответственности, однако надо понимать, что по таким делам редко удастся собрать необходимые доказательства и привлечь виновных к уголовной ответственности.

Учитывая изложенное, обоснованным представляется вывод о том, что установление специальной уголовной ответственности повысит информированность граждан о противоправности действий по фальсификации подписных листов, и, соответственно, в значительной мере предотвратит совершение подобных действий. При этом исключение какого-либо репрессивного влияния предлагаемой нормы на эту сферу достигается установлением требования в уголовном законе о наличии прямого умысла на фальсификацию подписных листов.

Представляется востребованной и подлежащей законодательному закреплению новая, вторая часть статьи 138 Уголовного кодекса Приднестровья «Фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов»:

«2. Подделка подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата, инициативы проведения референдума или заверение заведомо подделанных подписей (подписных листов), заведомо неправильное составление подписных листов, в том числе, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо соединенные с подкупом, принуждением, применением насилия или угрозой его применения, а также с уничтожением имущества или угрозой его уничтожения, либо повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняе-

мых законом интересов общества или государства, — наказываются штрафом в размере от 5000 (пяти тысяч) до 8000 (восьми тысяч) расчетных уровней минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок от 2 (двух) до 5 (пяти) лет.

Примечание. Лицо, впервые совершившее деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам государственной власти, избирательным комиссиям или иным образом способствовало предотвращению или пресечению преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Субъективная сторона должна характеризоваться прямым умыслом. Субъектом преступления может быть кандидат, сборщик подписей, лица, непосредственно осуществляющие подделку подписей избирателей и дат проставления подписей (те графы подписного лица, которые подлежат заполнению избирателем собственноручно), лица, включенные в инициативную группу по проведению отзыва выборного лица либо по проведению референдума.

Критерием разграничения предполагаемой новой второй части статьи 138 УК Приднестровья и ст. 5.24 КоАП Приднестровья «Подделка подписей избирателей, участников референдума» будет заведомость как показатель наличия умысла на совершение общественно опасного деяния.

Подделка подписей избирателей в подписных листах в целях имитации поддержки избирателей нивелирует поставленную перед институтом сбора подписей цель законодателя: создать специальные условия, позволяющие исключить из избирательного процесса тех участников, ко-

торые не имеют достаточной поддержки избирателей» [4]. Чтобы выявить действительную и реальную поддержку избирателями кандидата, необходима всесторонняя и действенная проверка подписей на предмет их достоверности. Для проверки достоверности подписей в подписных листах избирательные комиссии направляют запросы в уполномоченные государственные органы и организации, привлекают экспертов органов внутренних дел. В процессе такой проверки экспертом выявляются факты подделки подписей и дат проставления подписей избирателей. Полученные из уполномоченных органов государственной власти ответы на запросы также ложатся в основу выводов избирательной комиссии о внесении в подписные листы недостоверных данных. Таким образом, выводы о недостоверности подписей избирателей в связи с их фальсификацией основываются на выводах эксперта-почерковеда, документах, полученных от органов регистрационного учета граждан и протоколе избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, к которому прилагается подробное заключение рабочей группы.

Несмотря на поступательное развитие электоральных процедур и организационных основ деятельности избирательных органов, минимизацию организационных и технических барьеров, отмечается негативная тенденция увеличения числа злонамеренных действий, направленных на дискредитацию избирательного процесса, повышение уровня эмоционального напряжения и негативного информационного фона избирательных процедур. Постоянно изменяющиеся условия выстраивания коммуникативных связей между участниками избирательного процесса, стремительно меняющиеся каналы и скорость донесения до избирателей информации требуют адекватного отражения

в законодательстве и правоприменительной практике используемых приемов и средств реализации избирательных прав граждан.

Общественная опасность фальсификации подписных листов в настоящее время недооценивается и должна быть ясно сформулирована, осознана и предотвращена. Усиление тенденций безнаказанного и анонимного распространения в глобальной сети Интернет недостоверной информации и злоупотребления свободой участия в выборах требует установления заградительных барьеров деструктивным действиям в целях недопущения срыва выборов и обеспечения их результативности, а также установления баланса между свободой реализации пассивного и активного избирательных прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин А. Г. Категория свободных выборов в рамках конституционно-правовой концепции делегирования власти народом // *Избирательное законодательство и практика*. 2021. № 4. С. 9
2. Зазыкин В. Г. Психологические аспекты избирательного процесса. [Электронный ресурс]: избирательные кампании: психологический взгляд на проблему. — URL: <https://www.rcoit.ru/upload/iblock/894/06.pdf> (дата обращения: 12.03.2022 года).
3. *Избирательный кодекс Приднестровья от 9 августа 2000 г. №332–3 (СЗМР 00–3)*. Тирасполь: Ликрис, 2021.
4. *Определение Верховного суда Российской Федерации от 26 сентября 2014 г. № 127-АПГ14–9*. [Электронный ресурс]: URL: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D

- 0%B5%D0%BB%D0%BE/127-%D0%B0%D0%BF%D0%B314-9 (дата обращения: 12.03.2022).
5. Ревазов М. А. Уголовная ответственность за нарушение избирательного законодательства УК РФ. [Электронный ресурс]: практика применения ст. 142, ст. 142.1. — URL:/https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiL_r6quiKz2AhVt_7sIHbpmAwEQFnoECAQQAQ&url=https%3A%2F%2Fpravoprим.spbu.ru%2Fyurisprudentsiya%2Fzaschhitappravgrazhdan%2Fitem%2F436ugolovnayaotvetstvennostzanarushenieizbiratelnogozakonodatelstva.html&usg=AOvVaw0g49QmY9iUiIqhgcqsjaO (дата обращения: 12.03.2022).
6. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме. Научно-практическое издание / Шапиев С. М., Соктоев З. Б., Кругленя А. Н. / Под ред. С. М. Шапиева. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2016. 205 с.

BRIEF

**ON STRENGTHENING THE CRIMINAL LAW PROTECTION
OF ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS' ELECTORAL RIGHTS
IN THE CURRENT CONTEXT**

Gorodetskaia Elena A.,

Candidate of Law, Associate Professor,
Pridnestrovian State University named T. G. Shevchenko,
Central Election Commission of Pridnestrovie, Chairman,
Tiraspol, Pridnestrovie, e-mail: sovetnikvs@yandex.ru

Abstract. Based on comparative-law analysis of the legislative regulation of responsibility for falsification of signature sheets the author sub-

stantiates the need of establishing in Pridnestrovie a special criminal responsibility for deliberate fake of voter's signature in signature sheets and another falsification of signature sheets.

Key words: *election campaign; electoral rights; responsibility; signature sheets; candidate; election commissions; verification of signature sheets; voters.*

Влияние римского частного права на процесс исторической эволюции гражданского законодательства Беларуси

Ермолович Виктор Иванович,

кандидат исторических наук, доцент,

Белорусский государственный экономический университет,

г. Минск, Беларусь, e-mail: jermalovich7@gmail.com

УДК 34 (37) 091: 347

Аннотация. В представленной статье на основе сравнительного анализа источников римского частного права и законодательства Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского (название белорусского средневекового государства) и Республики Беларусь исследован процесс влияния норм римского частного права на формирование основных институтов гражданского права Беларуси. Автором данной статьи установлены основные пути рецепции норм римского частного права в средневековое и современное право Беларуси. Выявлены нормы римского частного права, которые оказали существенное влияние на формирование современного гражданского законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: источники права; римское частное право; Законодательство Юстиниана; Кормчая книга; глоссаторы; Статуты Великого княжества Литовского; гражданское законодательство Беларуси; право собственности; обязательственное право.

Юридические источники Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского уже в XIV–XV вв. свидетельствуют о правоприменении ряда норм римского частного права на территории средневековой Беларуси. В связи с этим возникает вопрос об источниках рецепции норм римского частного права в правовую систему средневекового государства наших предков. Ключом к разрешению вопроса о пути и источниках рецепции норм римского частного права в правовую систему Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского является источник отечественного церковного и светского права именуемый в историко-правовой литературе как Белорусская редакция «Кормчей книги», основу которой составляют Киевский и Рязанский списки «Кормчей книги», соответственно датированные 1274 г. и 1284 г. [1, с. 139]. Русские исследователи И. И. Срезневский и Я. Н. Щапов независимо друг от друга установили, что данный источник (Киевский и Рязанский списки) является идентичной копией сербской редакции «Номоканона», точнее его Иловичского списка, датированного 1262 г., авторство которого принадлежит первому главе Сербской православной церкви, родному брату короля Сербии Савве Неманичу [1, с. 139; 2, с. 135]. Факт правоприменения данного источника на территории средневековой Беларуси зафиксирован многочисленными историческими источниками в XV веке, в частности речь идет о Туровском и Пинском списках Белорусской «Кормчей книги» [2, с. 153]. Однако оригинальный текст указанных источников в ходе нашего исследования выявить не удалось. Автор данной статьи установил и исследовал более поздний источник Белорусской «Кормчей книги» — Жировичский и Пинский его списки, которые были выполнены на территории Беларуси

в начале XVII в. Проведенный текстовый анализ вышеназванных источников позволяет нам согласиться с точкой зрения И. И. Срезневского и Я. Н. Щапова, что основным источником Киевского, Рязанского и нескольких десятков других списков «Кормчей книги», которые «ходили» на территории современной России, Украины и Беларуси, был именно сербский — Иловичский список «Номоканона» 1262 г. [3]. В содержании проанализированных нами источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирона» [4, с. 240 а — 249 а, 267 б — 327 б; 5, с. 240 а — 250 а, 268 а — 328 б]. Данный факт свидетельствует о том, что нормы римского частного права были реципированы почти одновременно в право средневековой Беларуси и Германии и гораздо раньше, чем в право нашей западной соседки Польши.

Вместе с тем мы не склонны отрицать и западноевропейский путь рецепции римского частного права в структуру правовой системы средневековой Беларуси. Однако это был не германский путь, как традиционно предполагалось ранее, а итальянский! Начиная с VI в. н. э. на территории средневековой Италии непрерывно применялись многие нормы Свода законов императора Юстиниана, которые нашли свое отражение в Институциях, Новеллах и Кодексе. В XII в. в Болонском университете сформировалась школа глоссаторов, которая занималась толкованием Свода законов Юстиниана и ознакомила с ним весь образованный мир эпохи Средневековья. В XIII в. в Болонью съезжались студенты не только из Италии, но и из стран Западной и Центральной Европы. Их число составляло до 10 тысяч человек [6, с. 29]. Глоссаторы и их последователи — постглоссаторы преподавали римское право не как

право Италии, а как международное право, которое имело силу закона для всего Западного мира, поскольку ему не противостояло местное право. В своем учении глоссаторы опирались, во-первых, на утверждения о продолжении существования римской империи, во-вторых, на внутреннюю ценность римского частного права.

То, что началось в Болонье, продолжили другие итальянские и французские юридические школы в Падуе, Париже, Бурже, которые посещались представителями многих стран Европы. В XV в. в числе студентов Болонского университета были и уроженцы из Беларуси — Альберт Гаштольд и Ян Радздивил [7, с. 38]. Знания, полученные ими в Болонском университете, были использованы при подготовке первого Статута Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1529 г. В частности, А. Гаштольд с 1522 г. был канцлером Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и возглавлял комиссию по созданию Статута 1529 г. Именно по его инициативе в указанный Статут были включены правовые нормы о том, что лица, не являющиеся уроженцами Великого княжества, не имеют права занимать государственные должности приобретать на территории государства недвижимость. Мы имеем определенные основания считать, что предложенные нормы А. Гаштольдом и изложенные в ст. 25, разд. I Статута 1529 г. [8, с. 40–41], были сформулированы под влиянием римского частного права, а именно в их основу был положен *beneficium principale* Юстиниана [7, с. 38].

В Статуте 1529 г. содержится также ряд норм наследственного права, которые были заимствованы из римского частного права — это положения о лицах, способных составлять завещания [8, с. 67] и свидетелях завещания [8, с. 66]. Сюда следует отнести и постановление Статута, лишавшее

наследства непослушного сына, которое было заимствовано из 115-й Новеллы Юстиниана [9, с. 72].

Четко просматривается влияние римского частного права и на формирование институтов деликтных обязательств в Статуте 1529 г. Например, обязательства вследствие повреждения чужой вещи возникали из деликта *damnum iniuria datum*. По закону Аквилія возмещался как имущественный вред, так и сплачивался штраф — *роена*. За повреждение вещи несколькими лицами можно было взыскать полное возмещение с каждого. Так, если несколько лиц уронят бревно и придавят человека, то все они подлежали наказанию по закону Аквилія [10, с. 399]. Данный принцип — полного возмещения вреда нашел свое отражение и в Статуте 1529 г., где на деликтвента возлагалась обязанность возратить законному владельцу его имущество и возместить причиненные убытки вдвойне [8, с. 107–108]. Следовательно, потерпевшее лицо имело право на возмещение последствий как реального ущерба, так и упущенной выгоды. Ответственность деликтвента, как и в римском частном праве, носила штрафной характер, поскольку потерпевшее лицо получало возмещение в большем размере. При этом следует обратить внимание на тот факт, что штрафная санкция в римском частном праве равнялась размеру возмещения, который удваивался или возрастал в четыре раза в зависимости от вида явного или скрытого *furtum*, то по Статуту 1529 г. данный вид штрафа только удваивался.

Статут Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1529 г. представлял собой обширный по своему объему и содержанию закон, состоящий из тринадцати разделов, делившихся на артикулы (статьи), и содержащий нормы частного, публичного, процессуального права

и судоустройства. Статут 1529 г. формировался на основе норм средневекового белорусского права и римского частного права. Логично изложенная структура Статута в форме статей и глав, лаконичный язык изложения норм права являются прямым свидетельством того, что авторы кодификации знали и умело применяли на практике передовую для своего времени теорию права, которая базировалась на основе достижений римского права.

В Статутах Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1566 г. и 1588 г. мы также встречаем ряд правовых норм, которые были заимствованы из Институций Гая и Деликтов Юстиниана. Например, по своей структуре Статут 1566 г. напоминает содержание Кодекса Юстиниана, при том, что в Статуте преобладают нормы публичного права и нашли отражение нормы церковного права. Сходство же просматривается при ознакомлении с нормами права собственности, где речь идет о свободном распоряжении имениями, и сервитутного права, а также соглашениями консенсуального характера: купли-продажи, найма и поручения. Фиксация указанных явлений — факт не случайный, так как в состав кодификационных комиссий по разработке Статутов Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1566 г. и 1588 г. входило много отечественных знатоков римского права, среди которых были Домановский, Наркусский, Островецкий, Ротундус, Роизий и др. В частности, виленский войт Августин Ротундус был доктором Виттенбергского университета. До нас дошли его предложения по унификации правовой терминологии и судопроизводства на основе римских законов [9, с. 73].

Анализируя процесс рецепции норм римского частного права в правовую систему средневековой Беларуси,

нами было выявлено уникальное явление, когда рецепированные институты начали использоваться в отечественном праве раньше, чем получили свое официальное закрепление в источнике права. Например, институты движимой и недвижимой собственности впервые свое юридическое закрепление получили в праве средневековой Беларуси посредством рецепции норм римского частного права в Статут 1566 г. В частности, нормы статей 20, 23, раздела VII Статута 1566 г. [11, с. 155, 156] были заимствованы из Дигестов Юстиниана (D.L, XVI, ICIII, CCXI.) [12, с. 475, 509]. Однако правоприменение указанных институтов права в судебной практике ряда судов средневековой Беларуси с использованием соответствующей терминологией и трактованием содержания началось значительно раньше. Об этом свидетельствует содержание ряда дел рассмотренных в Гродненском земском суде уже в 50-х годах XVI в. [13].

Следовательно, правовая система белорусского государства уже в XV–XVI вв. формировалась с учетом влияния передовых достижений теории и практики средневекового европейского правоведения, основу которых составляли нормы римского частного права.

Нормы Статутов Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского действовали на территории Беларуси до 40-х гг. XIX в. Однако и введение в действие «Свода законов Российской империи» не исключило правоприменения ряда норм римского частного права на территории нашего Отечества.

Не прервали этот процесс и события, связанные с Октябрьской революцией 1917 г. и последующее социалистическое строительство. Гражданский кодекс БССР (1923 г.), который не являлся шедевром отечественного законо-

дательного искусства, также заимствовал отдельные нормы и институты договорного, обязательственного и наследственного права из римского частного права. И даже как ни странно, ряд институтов права собственности.

ГК БССР (1964 г.) так же ощутил влияние норм и институтов римского частного права на разделы обязательственного и наследственного права.

Провозглашение суверенного, независимого государства Республики Беларусь в 1991 г. вызвало необходимость формировать отечественную гражданско-правовую систему, которая отвечала бы целям и задачам молодого государства. Принятый в 1999 г. новый Гражданский кодекс Республики Беларусь соответствовал принципам и нормам романо-германской правовой системы, а следовательно, в значительной степени базировался на нормах римского частного права. Однако практически вопрос рецепции норм зарубежного права, в том числе и римского частного права, в национальную правовую систему никогда серьезно не рассматривался.

Впервые в истории национального права Беларуси данный вопрос был исследован участниками республиканской научной конференции с международным участием «Римское частное право как источник развития гражданского права Республики Беларусь», которая проходила 23 ноября 2011 г. на факультете права Белорусского государственного экономического университета. На конференции прозвучала 32 научных доклада отечественных и зарубежных ученых, 20 из которых были посвящены вопросам сравнительно-правового анализа норм и институтов римского частного права и современного гражданского права Республики Беларусь [14, с. 54]. Весьма позитивным является то факт, что многие интересные доклады были прочитаны молодыми

учеными: аспирантами, магистрантами и студентами старших курсов БГЭУ, БГУ и Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

В ходе конференции был сделан важный вывод, что римское частное право оказало значительное влияние на развитие современного гражданского и хозяйственного права Республики Беларусь. При этом ряд докладчиков справедливо отмечали, что большинство норм и институтов римского частного права были рецепированы в национальную правовую систему из гражданского права стран романо-германской правовой системы: ГК Франции 1804 г., Германского гражданского уложения 1896 г., Гражданского кодекса Нидерландов, который принимался поэтапно в 70–90-е гг. XX в. и действующего ныне ГК Российской Федерации. Данное явление способствовало сближению национального гражданского права Республики Беларусь с действующими нормами и институтами права стран Европейского союза, что является весьма позитивным фактором для взаимного экономического сотрудничества.

Динамика развития института собственности и его норм в праве Древнего Рима создала уникальную классификацию вещей, делившую их на две группы:

1. Вещи, изъятые из оборота — предметы общего пользования, т. е. объекты государственной собственности.
2. Вещи, не изъятые из оборота — объекты частного права.

Право собственности в ГК Республики Беларусь как и в римском частном праве рассматривается в качестве категории владения, пользования и распоряжения. Институт собственности классифицируется как две формы: государственная и частная. И в данном случае римское частное право — весьма ценный источник с точки зрения теории и

практики развития экономики и права. Наряду с указанными формами собственности в законодательстве Республики Беларусь, римское частное право знало ещё и общинную собственность, которая в наше время трансформировалась в общественную форму собственности, которая существует фактически, но не зафиксирована юридически белорусским законодательством. Кроме того, результат проведенного сравнительного анализа норм римского частного права и гражданского законодательства Республики Беларусь позволил сделать вывод, что механизм защиты права собственности в обеих системах права в значительной степени схож между собой. Так, в гражданском праве Республики Беларусь, как и в римском частном праве, в качестве основного средства защиты используется виндикационный иск. По своей «природе» он однотипен для обеих изучаемых правовых систем. Механизм виндикационного иска изложен в ст. 282–287 ГК Республики Беларусь [15, с. 158–159], где истец, ответчик и предмет иска весьма схожи с аналогичными чертами в римском частном праве. Аналогичные нормы характерны и для гражданского права Франции, Германии, Голландии и России. В пользу наших доводов свидетельствует также и правоприменение негаторного иска в гражданском праве Беларуси, который не имеет существенных отличий от аналогичного института римского частного права.

Несмотря на тот факт, что механизм защиты права собственности в гражданском праве Республики Беларусь имеет в своем распоряжении и другие средства защиты, всё же основа данного механизма, по нашему мнению, была реципирована из римского частного права.

На основе сравнительного анализа норм римского частного права и гражданского права Беларуси мы приш-

ли к выводу, что в рассматриваемых нами отраслях права договор представляет собой уникальное средство правового регулирования взаимных интересов участвующих в нем сторон, где интерес каждой из сторон удовлетворяется по мере учета интереса его партнера. Именно данный факт порождает интерес сторон к заключению и реализации соглашений, который невозможно обеспечить административно-правовыми методами регулирования хозяйственной деятельности.

Для договора в римском частном праве и правовой системе Республики Беларусь характерно наличие трех главных условий для действительности заключенных соглашений:

1. Волеизъявление обеих сторон к заключению соглашения.
2. Законность содержания договора.
3. Способность лиц, заключающих договор, вступать в договорные обязательства.

В Республике Беларусь, также выделяют три главных условия заключения договора, механизм которого изложен в ст. 402–419 ГК Республики Беларусь:

1. Договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

2. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

3. Договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор в соответствии с нормой, изложенной в ст. 405 ГК Республики Беларусь [15, с. 212]) одной из сторон и ее акцепта (принятия предло-

жения, механизм которого изложен в ст. 408 ГК Республики Беларусь [15, с. 213]) другой стороной.

Кроме того, немаловажным элементом в обязательном праве Древнего Рима являлись сроки договоров, которые определяли начало реализации принятых к исполнению обязательств, которые назывались отлагательными или суспензивными (*ex die*), а сроки, определяющие прекращение их действия — отменительными или резолютивными (*ad diem*). Для утверждения срока начала или прекращения приуроченных актов требовалось определить способ расчета предусмотренного срока. Для этого применялись, в основном, две системы: *computatio naturalis* и *computatio civilis*. В соответствии с *computatio naturalis* время исчисления непрерывно с момента установления обязательств до момента истечения срока. По системе *computatio civilis* брались во внимание только целые дни, предусмотренные как период от полуночи до полуночи. Первым днем срока считался день заключения договора, а время истечения срока определялось с полуночи последнего дня, оговоренного в сроке соглашения, таким образом действовал принцип «начавшийся день считается минувшим». Если рассмотреть данную норму в контексте правовой системы Республики Беларусь, то договор вступает в силу и становится обязательным для сторон действующего договора со времени его заключения. Так в ст. 403 ГК Республики Беларусь установлен порядок определения начала заключения договора, которым считается время получения лицом, направившим оферту ее акцепта, а если для заключения договора в соответствии с действием норм законодательства необходима передача имущества, договор считается заключенным с момента передачи данного имущества [15, с. 211].

Стороны также вправе установить, что условия заключенного ими договора применяются к их отношениям, возникающим до заключения договора. Законодательным актом или договором может быть предусмотрено, что окончание действия срока договора влечет прекращение обязательств сторон по договору. Договор, в котором отсутствует такое условие, признается действующим до определенного в нем срока окончания исполнения обязательств сторонами. Из вышесказанного следует, что договор являлся и является одним из важнейших источников обязательственных отношений в римском частном праве и системе обязательственных отношений Республики Беларусь. При этом сохраняется правоприменение в правовой системе Республики Беларусь, которое было заимствовано из римского частного права, а именно: договор считается заключенным между сторонами соглашения только в рамках, установленных определенной формой соглашений. В национальном законодательстве Республики Беларусь — это письменная форма договора, которая определяет его правовую силу.

Из этого следует, что основания возникновения обязательственных отношений в римском частном праве и гражданском законодательстве Республики Беларусь во многом схожи между собой по форме и содержанию. В римском частном праве было принято выделять следующие основания для возникновения обязательств:

1. Договор (договорное обязательство).
2. Противоправное действие (деликт), т. е. деликтное обязательство.
3. Обязательство как бы из договора.
4. Обязательство как бы из деликта.
5. Обязательства, возникающие из действия нормы закона.

Ст. 7 ГК Республики Беларусь подтверждает совпадение большинства оснований по возникновению обязательств как в римском частном праве, так и национальном гражданском праве Беларуси: возникновение обязательств из договора, обязательства из деликтных правоотношений и обязательства, возникающие из действия нормативно-правового акта [15, с. 11].

При этом следует учитывать тот факт, что многие нормы римского частного права были рецепированы в правовую систему Республики Беларусь уже обогащенной теорией и практикой развития гражданского права стран романно-германской правовой системы в XIX — XX вв., в частности ГК Франции 1804 г., Германским гражданским уложением 1896 г. и Гражданским кодексом Нидерландов, который принимался поэтапно в 70–90-е гг. минувшего века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). СПб.: Императорская Академия наук, 1882.
2. Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978.
3. *Archiv Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti v Zagrebe.- F.3. — Op.1.- С.9: Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262 година.*
4. Библиотека Литовской академии наук. Ф.19. Оп. 1. Ед. хр. 243: Белорусская «Кормчая книга». Жировицкий список 1609 г.
5. Библиотека Литовской академии наук. Ф.19. Оп. 1. Ед. хр. 242: Белорусская «Кормчая книга». Пинский список 1634 г.
6. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1949. Т. 1.

7. Ермолович В. И. Рецепция норм римского права в правовую систему Великого княжества Литовского//Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции: Материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 11–12 марта 2008 г.) / Редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. Минск: Веды, 2008. С. 37–39.
8. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Под ред. Академика АН Литовской ССР К. И. Яблонскиса. Минск: Изд-во АНБССР, 1960.
9. Музыченко П. П. Рецепция римского права в Статутах Великого княжества Литовского // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года — падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму (да 480-годдзя прыняцця): Зб. навук. арт. Мінск: РІВШ БДУ, 2009. С. 71–76.
10. Дигесты Юстиниана / Пер. с латинского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: «Статут», 2002. Т. II.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Аўтары — складальнікі: Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; Рэдкалегія Т. І. Доўнар і інш. Мінск: Тэсей, 2003.
12. Дигесты Юстиниана/Перевод с латинского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. М.: «Статут», 2005.
13. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1755. Оп. 1. Д. 2: Гродненский земский суд. Книга записей актов о недвижимых имуществвах, о денежных обязательствах ... Начата 6 января 1559 г. — окончена 10 декабря 1559 г.
14. Ермолович В. И. Рецепция норм римского частного права как один из источников развития права Беларуси: история и современность // Юстыцыя Беларусі. 2012. № 4. С. 53–57.
15. Гражданский кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. По состоянию на 19 августа 2019 г. Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2019.

BRIEF

**THE INFLUENCE OF ROMAN PRIVATE LAW
ON THE PROCESS OF HISTORICAL EVOLUTION
OF THE CIVIL LEGISLATION OF BELARUS**

Yermalovich Viktor I.,

*Doctor of History, Associate Professor,
Belarusian State Economic University,*

Minsk, Republic Belarus, e-mail: jermalovich7@gmail.com

Abstract. *In the scientific article presented to your attention, based on a comparative analysis of the sources of Roman private law and the legislation of the Grand Duchy of Lithuania, Russian, Zhemoitian (the name of the Belarusian medieval state) and the Republic of Belarus, the process of the influence of the norms of Roman private law on the formation of the main institutions of civil law in Belarus is investigated. The author of this article has established the main ways of reception of the norms of Roman private law in the medieval and modern law of Belarus. The norms of Roman private law, which had a significant impact on the formation of modern civil legislation of the Republic of Belarus are revealed.*

Key words: *sources of law; Roman private law; Justinian's Legislation; Pilot Book; glossators; Statutes of the Grand Duchy of Lithuania; civil legislation of Belarus; property law; law of obligations.*

Взаимосвязь юридической ответственности, законности и справедливости

*Иванников Андрей Иванович,
независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону, Россия*

УДК 342.24

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме взаимосвязи юридической ответственности, законности и справедливости в решении некоторых сложных дел, когда гражданин, незаконно приобретая в собственность имущество, затем его отчуждает добросовестному приобретателю, который не знал, что стал собственником ранее незаконно приобретенного имущества. В таких случаях к юридической ответственности должны привлекаться виновные лица. Они должны возмещать ущерб, нанесенный добросовестному приобретателю имущества. Делается вывод о том, что субъекты применения права должны иметь возможность обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации с заявлениями о проверке конституционности законов и иных нормативно-правовых актов на предмет их справедливости.*

***Ключевые слова:** закон; законность; справедливость; юридическая ответственность; субъекты применения права.*

В жизни обычных граждан и субъектов, которые применяют право, иногда возникают сложные вопросы, на которые необходимо давать ответы. Субъект

применения права, основываясь на принципе законности, должен издавать акт применения права, который может завершаться привлечением лица к юридической ответственности, решая судьбу человека или группы лиц. В силу этого субъект применения права несет как юридическую, так и моральную ответственность за ошибочность своих действий. В праве порой не присутствует мораль, но мораль оказывает влияние на профессиональную деятельность всех субъектов применения права.

Можно ли повиноваться несправедливому закону? Этот вопрос актуален был ранее, остается он актуальным и в наши дни для большинства государств и народов мира. Популярный в середине XX века немецкий юрист и философ права Густав Радбрух отмечал, что «если невозможно установить, что справедливо, то необходимо постановить, что должно быть справедливо» [2, с. 87]. Этот тезис может стать действенным инструментом при разрешении дел, которые вызывают сомнение в законности и справедливости у субъекта применяющего право. Другой известный немецкий теоретик и философ права Роберт Алекси верно отметил, что «ответ на вопрос, что такое право, т. е. ответ на вопрос о понятии и природе права, в значительной мере зависит от того, существуют ли права человека» [1, с. 21]. В его понимании «права человека являются ядром справедливости. Любое нарушение прав человека — несправедливость, даже если не каждая несправедливость нарушает права человека» [1, с. 21]. Права человека универсальны, фундаментальны, абстрактны, моральны и «... имеют приоритет над всеми остальными правовыми нормами» [1, с. 24].

У человека есть естественное право на собственность. Если гражданин стал добросовестным приобретателем собственности (дома, квартиры, земельного участка), которая

была ранее приобретена незаконно, то, кто должен нести ответственность? Соответствующие должностные лица и органы власти? Кто компенсирует гражданину — добросовестному приобретателю собственности — его затраты?

Если субъект права незаконно приобрел в собственность имущество (квартиру, дом, земельный участок), а затем его продал добросовестному приобретателю, который не знал, что стал собственником ранее незаконно приобретенного имущества, то ответственность должен нести виновный и возместить ущерб, нанесенный добросовестному приобретателю имущества.

Если добросовестный приобретатель надеялся, что государство, его органы власти и должностные лица, муниципальные органы власти не допустят регистрации незаконно приобретенной собственности, то здесь часть вины лежит и на соответствующих органах публичной власти.

Если по вине государства, его органов и должностных лиц, гражданин стал добросовестным приобретателем собственности (дома, квартиры, земельного участка), то он не несет ответственности по итогам сделки. В случае признания сделки недействительной или ничтожной, его ущерб должен быть компенсирован за счет виновных.

Исполнение несправедливого закона, является не столько правовой, сколько нравственной проблемой. Поэтому несправедливый закон самим фактом своего существования порождает нравственные проблемы. Реализация такого закона может соответствовать принципу законности, но не соответствовать принципу справедливости. Видимо правоприменитель (следователь, прокурор) как и президент России, должен иметь право, в определенных случаях, обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации для проверки конституционности некоторых норм права или законов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алекси Р. Существование прав человека // Правоведение. 2011. № 4.
2. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.

BRIEF

THE RELATIONSHIP OF LEGAL RESPONSIBILITY, LEGALITY AND JUSTICE

Ivannicov Andrey I.,
researcher, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. *The article is devoted to the problem of the relationship of legal responsibility, legality and justice in solving some complex cases, when a citizen, having illegally acquired property, then alienates it to a bona fide purchaser who did not know that he became the owner of the previously illegally acquired property. In such cases, the guilty persons must be held legally liable and compensate for the damage caused to the bona fide purchaser of the property. It is concluded that the subjects of the application of law should be able to apply to the Constitutional Court of the Russian Federation with statements to verify the constitutionality of laws and other legal acts for their fairness.*

Key words: *law, legality, justice, legal responsibility, subjects of application of law.*

Российское государство и право: правовые особенности федеративной модели государственного устройства

Капустина Мария Александровна,

кандидат юридических наук, доцент,

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,

г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mkapustina@list.ru

УДК 342.24

Аннотация. В статье рассматриваются правовые особенности российской федеративной модели государственного устройства на основе историко-культурной преемственности и политико-юридической новизны Российского государства и права. Акцент сделан на характеристике федерации как сложной и децентрализованной организации публичной власти по национальному и территориальному принципам. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в федеративной модели РФ отражается российская государственная идентичность.

Ключевые слова: федеративная модель; государственное устройство; Российская Федерация; государственная власть; конституционное правопреемство; государственный язык.

Идея поиска идеальной модели государственного устройства сопровождает всю историю человечества и историю правовой мысли. Российская история и наука — не исключение. Со времен древнейших мыс-

лителей и до Нового времени обсуждались правильные и неправильные государства с точки зрения того, основана ли публичная власть на праве или на произволе, осуществляется ли государственное управление одним, немногими или большинством. Вопросы территориального устройства государства, распределения публичной власти по территории, на которой проживает население страны, не включались в орбиту изысканий наилучшей государственной формы. При этом государство мыслилось как организация жизнедеятельности людей, а не аппарат управления и принуждения. Например, хорошо известно определение государства как «общего правопорядка», данное когда-то Цицероном [3, с. 21, 35]. В рамках исследования государства как «публично-властным образом интегрированного, организованного и управляемого социально стратифицированного общества» [2, с. 4], модель государственного устройства не может быть отделена от культурно-цивилизационных процессов, происходящих в обществе-государстве (государственно организованном обществе).

Между тем, в российской юриспруденции государство часто ассоциируют с аппаратом управления и принуждения. Узкое понимание государства как механизма государственных органов и учреждений характерно для более позднего периода правовой и политической мысли — становления либеральной традиции после Великих революций Нового времени, осознания нетождественности общества и государства. На первом плане оказался не правовой порядок отношений, а глава государства — суверен, олицетворяющий собой государство. Формирование национальных государств в Европе актуализировало определение государства как политического института сосредоточения власти. Это положительно сказалось на развитии требований, предъ-

являемых к государственным служащим и должностным лицам государственного аппарата, которые на профессиональной основе реализуют властные полномочия. Однако проблемы распределения верховной власти в соответствии с историко-культурными традициями и административно-территориальными особенностями проживания людей не рассматривались в контексте поиска идеальной формы правления национального государства.

Между тем, правовая система государства во многом зависит от организации населения и публичной власти по территории государства. Поэтому с XX века в российской юридической литературе принято различать простые и сложные государства по характеру их внутренней структуры, т. е. административно- и (или) национально-территориальному делению. Простыми в таком смысле называют унитарные государства с полной централизацией публичной власти на всей территории страны. Здесь существует единственный законодатель — представительный орган государственной власти, формируемый всем населением страны, и единственное правительство. Форма государственного устройства унитарных государств представляет собой исключительно административно-территориальные единицы, которые несамостоятельны и подчиняются непосредственно центральным органам государственной власти. Население административных образований в простых государствах не формирует собственных законодательных органов власти. В результате, государственная власть предстает в форме иерархической системы соподчиненных органов государственной власти, осуществляющих свои полномочия на основе единой системы законодательства.

В сложных по форме государственного устройства странах, называемых федерациями, формируются относитель-

но самостоятельные от центральной власти территориальные субъекты, население которых избирает собственный парламент. Таким образом, при сложном государственном устройстве в стране складываются, можно сказать, две системы органов государственной власти и две правовые системы: федеральная — единая на всей территории государства и региональная — совокупность правовых систем всех субъектов федерации. Законодательство конкретного субъекта представляет собой систему нормативных правовых актов, принятых органами государственной власти данного субъекта и действующих в пределах его территории. Отсюда необходимость, во-первых, правового разграничения государственных полномочий между верховной федеральной властью и региональной властью субъектов, во-вторых, теоретико-практического обоснования способов разрешения и преодоления возможных коллизий между федеральным законодательством и нормативными актами субъектов в целях обеспечения единства сложно устроенного государства [1, с. 99–100].

Обсуждая в современных реалиях идеальное государство, нужно отметить промежуточную, в известном смысле, модель между простыми по государственному устройству унитарными странами и федерациями как сложно устроенными государствами. К такой модели, вероятно, следует отнести формально-юридически унитарные государства, не имеющие по конституции в своем составе суверенных субъектов, но включающие в себя автономные территориальные образования, которые обладают значительной самостоятельностью в решении вопросов местного значения. Это, например, сегодняшние Испания, Италия. Существование подобных форм государства позволяет прийти к выводу о необходимости переосмысления типологии

государственного устройства и различии не «просто» и «сложно» устроенных государств, а централизованных и децентрализованных государств по характеру централизации государственной власти, и степени самостоятельности власти, формируемой населением территориальных образований конкретных государств. При таком подходе к централизованным следует относить государства, в которых административно-территориальные единицы подчинены непосредственно центральным органам власти и только им, к децентрализованным — федерации и государства, в которых административно-территориальные образования могут быть подчинены одновременно и центральным, и местным представительным органам власти. В то же время федерации могут отличаться друг от друга степенью самостоятельности входящих в них субъектов. Другими словами, признавая федерации сложной формой государственного устройства, следует отдавать себе отчет в том, что децентрализация не является объективным и независимым от конкретных политико-правовых и социокультурных обстоятельств имманентным свойством федеративной модели. Децентрализация как принцип организации публичной власти нуждается в законодательной основе и требует конституционных гарантий правовой свободы субъектов.

Россия является правопреемником и правопродолжателем Союза ССР (часть 1 статьи 67.1 Конституции РФ). Согласно части 2 статьи 67.1 Конституции РФ Россия сохраняет преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Важно подчеркнуть, что в составе СССР она была единственным субъектом, который имел федеративную форму советской социалистической республики. Сам Советский Союз был организован как федерация, состоящая

из национальных республик. Россия уже тогда представляла собой многонациональное образование и являлась, таким образом, исключением из национального принципа государственного устройства Советского Союза.

Важной правовой особенностью современной федеративной модели государственного устройства России является то, что действующей Конституцией Российской Федерации 1993 г. предусмотрено шесть видов субъектов: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа (статья 5 Конституции РФ). Подобное разнообразие видов субъектов в совокупности с большим количеством самих субъектов Российской Федерации, несомненно, выделяет Россию из существующих в мире федеративных государств. Системное толкование конституционных положений, позволяет предположить, что по замыслу авторов текста Конституции, три вида субъектов (половина от шести видов), должны были, продолжая советскую традицию, формироваться по национальному принципу — республики, автономная область, автономные округа, другая половина — края, области, города федерального значения — по территориальному принципу. При этом, несмотря на разницу в принципе формирования, все субъекты Российской Федерации провозглашаются равноправными (часть 1 статьи 5 Конституции РФ).

Между тем республика, очевидно, имеет особый статус в составе Российской Федерации. В отличие от остальных видов субъектов, во-первых, республика названа в скобках государством и имеет свою конституцию (часть 1 статьи 5 Конституции РФ), статус республики определяется Конституцией РФ и собственной конституцией (часть 1 статьи 66 Конституции РФ); во-вторых, только республика вправе устанавливать свой государственный язык (часть 2 ста-

тьи 68 Конституции РФ). В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик государственный язык республики употребляется наряду с государственным языком Российской Федерации. Во всех республиках, кроме Карелии, национальные языки объявлены государственными наравне с русским.

Конституции СССР 1977 года не было известно такое понятие, как «государственный язык». Конституционное регулирование Советского Союза в языковой сфере опиралось на категории «родной язык» (например, статья 45 Конституции СССР 1977 г.), «язык союзной республики» (например, статьи 118, 159, 169 Конституции СССР 1977 г.), «языки народов СССР» (например, статья 36 Конституции СССР 1977 г.). Действующая российская Конституция 1993 года продолжает конституционно-правовую традицию СССР в сфере защиты родного языка и в Главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» закрепляет конституционное право каждого «на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (статья 26 Конституции РФ 1993 года). В 2005 году был принят Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Цель закона — определить общегосударственный статус русского языка на всей территории Российской Федерации, а также установить правила его использования в разных сферах общения в соответствии с языковой ситуацией и основными принципами национально-языковой политики. Закон устанавливает государственные гарантии поддержки и защиты государственного языка в различных сферах жизни общества — в сфере образования, культуры, средств массовой информации и др.

Обсуждая российскую федеративную модель государственного устройства, следует отметить, что интерпретация конституционных положений, закрепленных в части 2 ст. 5, ст. 66 и 68, во взаимосвязи с нормой части 1 ст. 5 Конституции РФ о равноправии всех видов субъектов Российской Федерации указывает на внутреннее противоречие конституционного текста. Кроме того, образование в составе Российской Федерации в 2014 году Республики Крым не соответствует положенному в 1993 году в основу российского государственного устройства принципу формирования республик по национальному признаку. Народ Республики Крым многонациональный, что отразилось и в установлении трех государственных языков Республики Крым — русского, украинского и крымскотатарского (часть 1 ст. 10 Конституции Республики Крым). Три государственных языка Республики Крым были установлены сразу при подписании Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (ст. 3 Договора).

Правовые особенности федеративной модели государственного устройства Российской Федерации отражаются в структуре российской правовой системы. Правовое регулирование не может осуществляться без учета культуры, традиций, которые сформировались у народов, населяющих субъекты Федерации и получили свое выражение в языке, на котором происходит правовое общение. По смыслу российской Конституции, законодательная деятельность должна определяться не только актуальными политическими и экономическими задачами, но и историко-культурными, цивилизационными и идеологическими основами проживающих в Российской Федерации народов. Целостность и единство государственного устройства России опирается на форми-

ровавшуюся на протяжении столетий общность территории проживания людей, принадлежавших к разным нациям и народам, но объединенных устойчивыми цивилизационными, языковыми, хозяйственными и другими гуманитарными связями, — российскую государственную идентичность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. *Договоры между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 18.03.2014.*
2. *Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, № 0001202210060013.*
3. *Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 12.10.1977 // Ведомости Верховного Совета СССР. № 41. 12.10.1977. ст. 619;*
4. *Конституция Республики Крым (с изменениями на 20 мая 2022 года) // Крымские известия. № 68 (5479), 12.04.2014.*
5. *Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 23. 06.06.2005. Ст. 2199.*

Библиография

1. *Капустина М. А. Право, общество, государство // Правоведение. 2008. № 5. С. 92–106;*
2. *Мамут Л. С. Государство в контексте глобализации // Право и политика. 2004. № 1. С. 4–13.*

3. Цицерон М. Т. О государстве. О законах / Пер. с лат. В. О. Горенштейна; Прим. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна; Послес. С. Л. Утченко. М.: Академический проект, 2016. 249 с.

BRIEF

**RUSSIAN STATE AND LAW:
LEGAL SPECIFICITIES OF THE FEDERAL MODEL**

Капустина Мария А.,

*Candidate of Legal Sciences, Ph. D. (Law), Associate Professor,
University associated with the Interparliamentary
Assembly of EurAsEC, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: mkapustina@list.ru*

Abstract. *The article deals with the legal specificities of the Russian federal model based on the historical and cultural continuity and political and legal novelty of the Russian state and law. Emphasis is placed on the characterization of the federation as a complex and decentralized organization of public authority according to national and territorial principles. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the federal model of the Russian Federation reflects the Russian state identity.*

Key words: *federal model; state structure; Russian Federation; state power; constitutional succession; state language.*

Духовность православная, западная и светская: системы ценностных ориентаций

Лебедев Владимир Дмитриевич,
кандидат филологических наук, доцент
Сочинский институт (филиал) РУДН
г. Сочи, Россия, e-mail: lebedev35@inbox.ru

УДК 993

Аннотация. На материалах русской литературной классики и литературной критики сделана попытка понять духовный раскол в русской культуре, условно систематизировав виды духовности по принципу «свое — чужое». Духовности традиционно православной, признающей небесное как Божью Истину, противопоставлены как антиномии земные духовности: светская, западная, религиозная, по нашей терминологии. В светской духовности в русской культуре к середине XIX века доминирующие позиции в обществе заняла радикальная западная социальная духовность, признавшая революцию единственным средством борьбы с бедами России. Этот вид духовности в литературной критике стал антиномией православной русской литературе. В итоге это и привело к духовному расколу всей русской культуры.

Ключевые слова: православная, светская, западная религиозная духовность; небесное; земное; гуманизм.

Современный мир начинает осознавать исчерпанность созидательного потенциала европейской цивилизации, а общественная мысль России сегодня в активных поисках на пути возвращения от чужого, западного, к своему, православному. В этом суть той идеологии, в которой так нуждается современная Россия. В центре этих поисков оказалось понятие духовности. Сегодня в русской культуре существуют (но не со-существуют!) две разные культуры: православная и светская, в которых системы ценностных ориентаций не разные, а противоположные. Соответственно, у них противоположные виды как духовности, так и гуманизма.

Автор статьи в своей многолетней практике изучения и преподавания литературы убедился в том, что русские и западные классики, как правило, были христианами — православными или католиками, но системы ценностных ориентаций в поэтике их художественных текстов разные: небесные или земные. Осмыслить это, а потом выразить в своих лекциях автору помогли наработки И. А. Есаулова в православном изучении русской литературы [1]. Православный литературовед взял за основу новые категории филологического анализа русской литературы: христианские традиции, соборность, пасхальность, христоцентризм, закон, благодать [2, с. 379–380]. Автор этой статьи в своих лекциях совмещал традиционные филологические приемы анализа произведений с православным дискурсом, положив за основу Православную Духовность. Как учебные пособия для студентов тексты этих лекций издавались им во внудтривузовских издательствах.

Начиная с 1990-х годов, каких-либо запретов руководства на это не было. Проблемы начинались с неподготовленности аудитории к православному разговору о духовности.

Это вообще типично для нашего современного общества. Не случайно, что сведения о Православной Духовности есть только в церковной литературе. Статьи «духовность» нет в светских словарях: Даль В. И. «Толковый словарь живого великорусского языка», Ушаков Д. Н. «Толковый словарь русского языка», Черных П. Я. «Историко-этимологический словарь современного русского языка», Степанов Ю. С. «Константы: словарь русской культуры».

Сегодня в словарях для широкого круга читателей, даже в тех, которые изданы религиозной общественностью, нет четкого определения идеалистической, небесной сущности Православной Духовности (синергизм) и её противоположности материалистическим, земным видам духовности.

В Словаре-справочнике (Библия для всех. СПб.: Гермента: Христианское общество, 1996), например, приводится 15 определений духовности, включая и его православный смысл — как стремление к единению Человека с Богом, с Метасознанием. Все остальные виды т. н. позитивной духовности, поясняют авторы, в материалистическом смысле, «связаны с ориентацией человека на высшие общечеловеческие ценности: любовь, доброту, сострадание, милосердие. А в Словаре-памятке различных религиозных терминов для использования учащимися в рамках освоения курса «Основы мировых религиозных культур» (опубликовано в интернете 12.10.2019) среди множества религиозных терминов духовность отсутствует вообще. Нет этого термина в Философском энциклопедическом словаре (1989 г.). Не случайным, а закономерным был столь долгим и тернистым путь формирования в отечественной философской терминосистеме современных значений таких основных для нашей темы терминов, как материализм и идеализм [3]. В XX веке православное содержание понятия духовности (но не сама

номинация этого термина) было вообще изъято из нашей культуры и заменено светским. Типичный пример: «Духовность — доминанта возвышенного в психике индивида» [4, с. 112].

Православие и православная духовность в нашем обществе стали всего лишь историческим культурным явлением. Православный дискурс изучения литературы в вузе впервые предложил Ю. Лебедев в 2007 г. [5]. Споры вокруг этой проблемы, начатые на рубеже века, продолжаются и сегодня, и для решения этой проблемы нужны специальные законы. Русская литература, как православная, изучается только в наших духовных учебных заведениях, благодаря исследованию М. М. Дунаева [6].

Показательны результаты социологического опроса в июле 2014 года 1500 жителей России Фондом общественного мнения (ФОМ) на тему «Как Вам кажется, что такое духовность? Как Вы понимаете это слово?» и опрос студентов — будущих журналистов, аналогичный вышеуказанному исследованию ФОМ, кафедрой социологии журналистики МГУ. Слово «духовность» знакомо всем без исключения студентам-журналистам, в то время как 9% опрошенных ФОМ россиян вообще никогда не слышали о нем. 5% от числа опрошенных студентов-журналистов заявили: «В таких высоких материях я не разбираюсь. Моя жизнь и задачи, стоящие передо мной, гораздо более приземленные». Среди опрошенных ФОМ россиян таких оказалось 20%. Только 10% опрошенных студентов-журналистов знают религиозное содержание этого понятия, а 6% заявили об отсутствии всякой связи между духовностью и религией. 25% респондентов связывали понятие духовности с верой в Бога, с религией, церковью, а 21% опрошенных считают, что духовность — это совокупность положительных мораль-

ных качеств человека. 8% участников опроса полагают, что духовность — это интеллектуальное богатство человека: ум, кругозор, культура, воспитанность.

Как видим, понятие духовности так и не стало однозначным термином в нашей культуре, потому что в его значениях включается земное и небесное, материалистическое и идеалистическое. Поэтому сегодня в русской культуре нет понятия духовности как константы (основополагающее понятие культуры), хотя константами стали такие понятия, как душа, совесть, нравственный закон, мораль, святые и праведники, правда и истина. Общеизвестно, что духовность — одно из самых неоднозначных понятий современного русского языка.

Естественно, первая наша студенческая лекция посвящается теме этой статьи по тексту «Слова о законе и благодати» Иллариона, чтобы у студента были сформированы соответствующие оценочные ориентиры. Истина одна, а правд много: «Истина выражает порядок вещей в мире, закономерность, закон, а правда — конкретный случай; истина поэтому выражает общие суждения, правила, а правда — частные суждения, главным образом о событиях и фактах» [7, с. 463].

Для православного русского писателя в системе ценностных координат Истина одна — Божия. Это Православная Духовность, центральное, основополагающее понятие христианской религии, смысл которого дан в Новом Завете, но по-разному трактуется на Западе и часто у нас. Божья Благодать Христа — это дар для человека от Бога, для царствования Божьего внутри нас, изменяющий сердце человека. Илларион учил, что Истину о превосходстве Благодати над «Законом, данным Моисеем» в Ветхом Завете для евреев, открыл нам Христос, призывая нас к совместным

действиям ради нашего спасения (синергизм). Человеку для этого нужна только воля. Нравственным может быть любой, духовным только тот, кто живет в Боге. Это его личный нравственный подвиг, когда он, уверовав в Бога, решил подчинить свою земную жизнь нравственным заповедям Христа. Все «земные» беды — вина самого человека, а не Бога (теодицея).

Ценностные ориентиры Православной Духовности стали первоосновой православного гуманизма. Всё духовное в жизни человека — только устремленность вверх, к Богу, а морально то, что направленно к благу и поддерживается в человеке Божьей Благодатью (Августин). В основе понятий православный гуманизм, христианский гуманизм, религиозный гуманизм — человеколюбие как любовь Бога к человеку и человека к Богу. Во всех иных видах гуманизма — ренессансного, демократического, социально-политического, эстетического, коммунистического, трансгуманизма — место Бога (христицентризм) занял человек (антропоцентризм).

Научная концепция нашей статьи строится на основе терминологического значения сущности Православной Духовности в русском богословии. В православном мировоззрении традиционно сформировалось однозначное понимание, что духовность — это откровение Бога, а не человека; «духовный человек имеет внутри себя Духа Святого», «это действия Святого Духа в человеке» (Архимандрит Иерофей (Влахос).

Русские писатели, как правило, были людьми православными, и в поэтике их художественных текстов всегда присутствует Православная Духовность как Божия Благодать. Поэтика художественного мира, например, повести «Капитанская дочка» построена на коллизиях обычной земной человеческой жизни. Это счастливый семейный быт Миро-

новых и Гриневых, любовь Петруши и Маши, исторические события и т. д. Но в этой земной истории у Пушкина есть тайное, скрытое от глаз небесное — Православная Духовность как совместные действия человека с дарованной ему Божией Благодатью. Дворянский офицер одаривает нищего пьяницу как человека, достойного уважения, — и происходит чудо: Божия Благодать озаряет души обоих, и они уже «вочеловечены» (А. А. Блок) на всю свою жизнь. Ключом для понимания авторского православного решения социального конфликта является синергизм. А. С. Грибоедов, для того, чтобы читатель понял, что он смеется над своим героем, в имени которого и ад, и чад, меняет название пьесы. И. А. Гончаров в своем романе для разъяснения своего замысла вводит в сюжет «Сон Обломова», и читателю ясно: у автора и его героя есть чудесная Родина — Обломовка. И это не «обломовщина» как несчастье крепостного права, а православный рай на земле, в котором сформирован внутренний мир героя, у которого «золотое сердце» и которому Бог подарил наследника-сына, чего не дано его сопернику Штольцу. У А. Н. Островского само название пьесы указывает, что Катерина, глубоко религиозная православная женщина, прекрасно осознает свою греховность и грозу, наветы старух, росписи на стенах церкви сцен ада понимает как предупреждение о неизбежности своего наказания. Понять авторский смысл преступлений и наказаний Раскольников (в романе два его преступления — перед Богом и перед людьми, соответственно и два наказания — гражданский суд и суд Божий, самый страшный) вне Православной Духовности невозможно у «апостола Церкви» Ф. М. Достоевского и т. д. [8].

Понимание Бога (или Христа) в Православной Духовности и духовности западной разное. Православный че-

ловец всегда был убежден в том, что есть правда земная и правда небесная, что Божеское и человеческое не только нераздельны, но и неслиянны. Земные блага, богатство, житейская суета не есть смысл жизни человека в идеологиях русского юродства во Христе, иночества, нестяжательства Нила Сорского, Сергия Радонежского, оправдания богатства милосердием у старообрядцев. Православная духовность традиционно признает небесное как Божью Истину. Духовным ориентиром Церкви для формирования основополагающих значений Православной Духовности стало своеобразие т. н. русской души, непонятной и до сих пор непонятой в мире Запада. Русский максимализм, по выражению православного философа Василия Зеньковского, утверждает, что духовная правда, а не житейская трезвость, есть высшая правда, что земное и небесное являются антиномией, что во имя небесного следует приносить в жертву земное. Эта нравственная дилемма диктует Русской Церкви необходимость заменить скульптуру — иконой, музыку — церковным пением [9, с. 40–43].

В секулярном понимании духовности, нравственности, гуманизма вообще нет понятия Бога, а разные виды светской духовности рождают варианты их идеологических систем, каждая из которых предлагает свой особый путь к земному счастью, следовательно, и свое понимание духовности (вне синергизма). Общим для них был идеал устроения счастливой жизни здесь, на земле. Идеал этот ими заимствован из христианского учения о Царстве Божием, но уже всецело земном и создаваемом людьми без Бога. Этот тип духовности (а также и гуманизма) автор статьи называет светским как антиномию православному, воспользовавшись характеристикой православного философа В. Н. Лосского. Православная Духовность — небесная, Бо-

жия, а разные виды земной духовности, которые следовало бы называть душевностью, — это антиномия ей в системе ценностных ориентаций В. Н. Лосского. Светский человек, отпавший от Бога, привык называть свою душевность тоже духовностью, но это не так, ибо в нем произошла деградация души и духа: «Отвратившись от Бога, дух, вместо того, чтобы давать пищу душе, начинает жить за счет души, питаясь её сущностью (тем, что мы обычно называем «духовными ценностями»); душа, в свою очередь, начинает жить жизнью тела» [10, с. 105]. Православный философ И. В. Киреевский в статье 1861 г. «Письма о материализме» писал, что в традиционном христианстве всегда четко различались понятия духовного и душевного, внутреннего и внешнего. В системе антропоцентризма это внешнее, душевное в человеческой природе, а в христоцентризме духовное — внутреннее [11, с. 152, 163, 164].

Этот дуализм в нашей культуре исторически связан с разным пониманием смысла духовности в самой русской культуре после принятия христианства и прихода христианской культуры на особом церковно-славянском языке. Этимологический экскурс показал, что ещё изначально корень этого понятия — дух — в древнерусском, как и общеславянском лексиконе и в старославянском языке хотя и был фактически одинаковым, но содержал смысловой дуализм, что выяснялось в последующем словообразовании: от духъ — дыхати (дохнуть, от него — душа), от дѣх- — дѣхати (дуновение, бесплотная сущность, дух). «Представление о душе в её отличии от духа, — комментирует автор словаря «Константы: словарь русской культуры» в разделе «Душа», как сущность, отличная от «Духа», — наиболее четко было концептуализовано в христианстве... идеалистическая философия оперирует главным образом с концептом Дух,

а русская повседневная духовная жизнь обладает концептом Душа, и эти концепты различные...» [7, с. 737].

Третий тип духовности в русской культуре XIX века мы назвали западным. На Западе другое понимание добра Христа (монергизм): воля искони присуща самому человеку. Самоценность (и самодостаточность) личности признаются как первооснова Бытия, и любой человек с европейской ориентацией уверен, что его система ценностных ориентаций единственно справедливая и правильная и заключена она в нем самом. Это основа западной духовности, которая стала популярной в России, в результате чего к середине XIX века в её культуре произошел раскол на две разные и несовместимые культуры, в каждой из которых сформировались разные системы ценностных ориентаций — своя и чужая, славянофильская и западническая. Начало расколу образованной части русского общества положил П. Чаадаев. «Царствие Божие, — пишет Чаадаев, — небо на земле». Такой «совершенный строй на земле» есть на Западе, а Россия «заблудилась на земле». «Надо усомниться в Православии, которым мы кичимся». Новое христианство должно быть «социальным» [9, с. 169, 170, 179, 182]. Призыв Чаадаева был услышан русскими западниками. И. С. Тургенев, к примеру, в письме от 19 декабря 1847 г. Полине Виардо признавался: «Я предпочитаю Прометея — я предпочитаю сатану, образец бунтаря и индивидуалиста. Пусть я всего лишь атом, но все-таки я сам себе господин, я хочу истины, а не спасения, я жду его от собственного ума, а не от Благодати» [12, с. 358]. Ф. И. Тютчев в 1848 г. так объяснял суть этого явления, пришедшего из Европы в Россию: «Человеческое Я, желая зависеть только от самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кроме собственного изволения, словом, человеческое Я, заменяя собою Бога...» [13, с. 214].

Русские западники в своей «реальной критике» православную литературу сделали предметом пропаганды своих идей, чтобы заменить в обществе православную систему ценностей на западную, сменить национальные традиции, национальный уклад жизни во имя совершения крестьянской революции. Речь идет о том, что философы называют системой и антисистемой. «Горячее желание развития жизни и просвещения в родной земле сильнее самой любви к русской литературе» (Чернышевский); «Прекрасным стремлениям души мы не придаем решительно никакого значения» (Добролюбов) «Произведения Пушкина в настоящую минуту устарели и сделались бесполезными» (Писарев). В этой системе ценностных координат Обломовка у Гончарова — всего лишь «обломовщина», Катерина Кабанова — «Луч света в темном царстве», Пушкин — это только «сладкие звуки и молитвы»... Для истории культуры России такая социальная утилитарная критика стала катастрофой [14, с. 81–127].

Четвёртый тип антиномии Православной Духовности в русской культуре XIX века мы назвали религиозной духовностью. Первый вариант — «Четвероевангелие» Л. Н. Толстого. Воскресение Христа — «выдуманное, ненужное чудо», — писал Толстой. «Жизнь не может иметь другой цели, как благо, как радость». Бог создал человека для земного счастья, все религии мира ложные, а люди этого не знают, и их надо научить, как сделать себя счастливым [15]. Своими художественными произведениями он хочет научить этому своих читателей [16].

Второй вариант — «евангелие» русских нигилистов, «Катахезис революционера» С. Г. Нечаева (1870 г.) как «новая религия» («Катахезис» — «краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов» — С. И. Ожегов), религия тех, кого Достоевский назвал «Бесами». Это духов-

ность человека, возомнившего себя богом и ради земного человеческого счастья посвятившего свою жизнь социальной (а не духовной) революции. «Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ему» [17].

Третий вариант — «новая религия» В. С. Соловьева и Д. С. Мережковского, в которой место Христа занял художник-теург. Так как Православие не выполнило своей миссии, не сделало счастливой земную жизнь человечества, то эту задачу должен решать «человекобог» — теург. «Серебряный век» русской литературы — век не Православной Духовности, а духовности теургической [18].

Из сказанного ясно, насколько актуальна сегодня необходимость законодательного введения православного дискурса в наше литературное образование. На рубеже прошлого века прошла бурная дискуссия по поводу религиозной интерпретации русской литературы. Дискуссия наглядно показала неподготовленность нашего общества к духовному переосмыслению сложившегося стереотипа официальной истории нашей культуры. Спорящие стороны к какому-то согласию так и не пришли [19]. «Каждая эпоха по-своему переакцентирует произведения ближайшего прошлого, — писал М. М. Бахтин. — Историческая жизнь классических произведений есть, в сущности, непрерывный процесс их социально-идеологической перекцентуации» [20].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есаулов И. А. *Тоталитарность и соборность: два лика русской культуры // Вопросы литературы. 1992. № 1; Есаулов И. А. Категории закона и благодати в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина*

- кина // *Русская культура и Восток: материалы III Крымских Пушкинских чтений*. Бахчисарай, 1993; Есаулов И. А. *Категория соборности в русской литературе*. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995; Есаулов И. А. *Пасхальность русской словесности*. М.: Кругъ, 2014; Есаулов И. А. *Духовная традиция в русской литературе // Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М.: НПК «Интелвак», 2001.
2. Есаулов И. А. *Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы // Литературоведческий журнал*. Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2007. № 21.
 3. Лебедева Е. И. *Развитие русской философской терминологии в первой половине XIX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук*. М., 1988.
 4. Бондырева С. К., Колесов Д. В. *Чувство. Психология и семантика*. М.: МОДЭК, 2007.
 5. Лебедев Ю. *История русской литературы XIX века*. В 3 ч. М.: Просвещение, 2007.
 6. Дунаев М. М. *Православие и русская литература*. В 6 ч. 2-е изд., испр. и доп. М.: Христианская литература, 2004.
 7. Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. 3-е изд. М.: Академический проспект, 2004.
 8. Лебедев В. Д. *Фёдор Михайлович Достоевский: учебно-методическое пособие*. 4-ое изд. Сочи: СГУТиК, 2010.
 9. Зеньковский В. В. *История русской философии*. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1. Ч. 1. *На пороге философии*. Глава 1. До эпохи Петра Великого. Разделы 4, 5.
 10. Лосский В. Н. *Очерк мистического богословия восточной церкви // Богословские труды*. 1972. № 8.
 11. Киреевский И. В. *Избранные статьи*. М.: Современник, 1984.
 12. Тургенев И. С. *Полное собр. соч. в 28 т. Т. 4*. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962.

13. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 4. Письма 1820–1849. М.: Издательский центр «Классика», 2004.
14. Лебедев В. Д. Русская литературная критика XVIII–XIX вв. Часть 1. Курс лекций. 4-е издание. Сочи: СГУТУК, 2009.
15. Толстой Л. Н. Четвероевангелие: Соединение и перевод четырех Евангелий. Предисловие А. Меня. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
16. Лебедев В. Д. Л. Н. Толстой: современное прочтение: учебно-методическое пособие, 2-е издание. Сочи: Изд. СГУТУК, 2010.
17. Трифонов Ю. В. Нечаев, Верховенский и другие // Ю. В. Трифонов. Как слово наше отзовется. М.: Советская Россия, 1985. — С. 41; Сараскина Л. И. Бесы: Роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990.
18. Лебедев В. Д. Теософские основы русского модернизма. В. С. Соловьев как теоретик «нового искусства» и автор «философской критики» // В кн.: Лебедев В. Д. Русская литература рубежа веков (1890–1917 гг.) Издание 3-е. Сочи, 2010; Лебедев В. Д., Лебедева Е. И. М. Ю. Лермонтов и А. С. Пушкин в оценках В. С. Соловьева, В. В. Розанова, Д. С. Мережковского: Проблема духовности в религиозно-философской критике «Рубежа веков» // В кн.: М. Ю. Лермонтов в контексте литературы и культуры народов Евразии. Материалы Международной научной лермонтовской конференции 12–14 мая 2021 г. Пятигорск, 2022.
19. Долгушин Д. Религиозная интерпретация русской литературы: между доктринологией и персонологией. — URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_dolgushin.pdf.
20. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975.

BRIEF

**ORTHODOX, WESTERN AND SECULAR SPIRITUALITY:
SYSTEMS OF VALUE ORIENTATIONS**

*Lebedev Vladimir D.,
Ph. D. in Philological Science,
Peoples' Friendship University of Russia, Sochi Department
Sochi, Russia, e-mail: lebedev35@inbox.ru*

Abstract. *Based on the materials of Russian literary classics and literary criticism attempt has been made to comprehend the spiritual split in Russian. Traditionally Orthodox spirituality opposing as antinomy to earthly spirituality: secular or Western religious, in our terminology. In the secular spirituality of the Russian culture radical Western social spirituality occupied a dominant position in society in the middle of the 19th century, thus recognizing the revolution as the only means of combating misfortunes in Russia. This kind of spirituality in literary criticism became the antinomy of Orthodox Russian literature. As a result, this led to the spiritual split of the entire Russian culture.*

Key words: *orthodox; secular; western; religious spirituality; heavenly; earthly; humanism.*

Роль конституционной реформы 2020 года в РФ в вопросе перспектив развития и гармонизации законодательства Приднестровья с законодательством России

Малярчук Оксана Анатольевна,

старший преподаватель,

Приднестровский государственный университет

им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, e-mail: oxmalyarchuk@mail.ru

УДК 342

Аннотация. Автор рассматривает проблематику обновления и проведения конституционных реформ с точки зрения эволюционных процессов развития общества и государства и необходимости приведения юридической конституции и конституционных правоотношений в соответствие. В данном контексте рассматривается проведенная в России в 2020 году конституционная реформа, практика проведения которой и ее содержание могут иметь важное значение для конституционного развития Приднестровья и конституционного законодательства других стран.

Ключевые слова: конституция; конституционная реформа; поправки к конституции; отраслевое законодательство; конституционный процесс; стабильность конституции; правовые предпосылки реформирования; гражданское общество.

Одна из аксиом конституционного права состоит в том, что в правовом государстве недопустим разрыв между конституцией и общественной практикой. Управлять государством и обществом можно только на основе конституции, в тех формах и теми методами, которые предусмотрены в ней. Однозначно, что обновление и соблюдение конституции — две стороны единого конституционного процесса. С течением времени основные законы претерпевают определенные изменения: вносятся поправки, принимаются новые конституционные тексты. Исследования подтверждают, что практически все действующие в современных государствах конституции корректировались: это коснулось и «старейших» конституций, и самых новых основных законов. Изменения имеют разный характер и часто достигают степени конституционных реформ.

В истории цивилизации есть немало ярких правовых образцов Конституции, но даже самые прогрессивные для своего времени правовые акты имеют недостатки. Ни одна конституция в мире не является совершенной, причем неурегулированность тех или иных проблем основным законом не всегда стоит рассматривать как ее дефект и даже конституционный пробел. Это связано с тем, что определить исчерпывающий перечень вопросов, требующих конституционной регламентации, бывает очень сложно, в то время когда планка конституционных идеалов задается высоко, а ее достижение обусловлено временными и другими существенными факторами.

Итак, мы согласимся в этой части с Т. Хабриевой о том, что «Конституция — это развивающаяся правовая материя, она поддается давлению обстоятельств и должна быть изменена, если этого потребует сложившаяся ситуация» [7].

Внимательный анализ изменений, которые претерпела система федерального законодательства России за последние полтора десятка лет, говорит об их комплексном и всеобъемлющем характере, так как эти изменения затрагивают почти все отрасли законодательства, конструирующие систему и структуру публичной власти, характер взаимодействия государства и гражданского общества. Речь идет о существенных изменениях системы органов исполнительной власти, избирательного законодательства, порядка формирования Совета Федерации и высших органов власти субъектов РФ, порядка назначения аудиторов Счетной палаты; учреждение таких территориальных единиц, как федеральные округа, принятии нового законодательства о местном самоуправлении, а также налоговых и финансовых законов, о судебной реформе и др.

Некоторые специалисты, в свете таких преобразований правовой системы, приходили к выводу, что столь качественные изменения текущего конституционного и отраслевого законодательства постепенно вывели правовую систему России из конституционного поля. (При этом, по их мнению, можно говорить о том, что с начала 2000-х гг. фактически проводилась поэтапная конституционная реформа. С этим трудно не согласиться, хотя в отличие от Казахстана, Туркменистана и других государств СНГ, Россия эти изменения официально не позиционировала в качестве конституционной реформы).

Таким образом, можно констатировать, что главным принципом российских реформ первых 20 лет XXI века являлась поэтапная модернизация законодательства без изменений самой Конституции. Такая латентность конституционной реформы в России воспринималась неоднозначно. Так, существовало мнение о недопустимости таких

внешне «мягких» форм воздействия на законодательство в виду того, что вся правовая система незаметно отрывается от Конституции. В то же время другие специалисты, наоборот, усматривали в этом обеспечение стабильности Конституции.

В 2020 году впервые за всю историю действия Конституции Российской Федерации изменения были внесены во все шесть глав Конституции, в которые в принципе допустимо вносить поправки: это главы с третьей по восьмую.

Масштабность изменений подтверждаются тем, что они затронули примерно две трети структуры Конституции. Если исходить из объема только изменяемых глав, то их содержание обновлено более чем на 40%. Ранее в текст Конституции уже вносились поправки, — дважды в 2008 году, и дважды в 2014 году. Однако эти изменения были «точечными, затрагивали не более трех глав Конституции. При этом до сих пор обновленный текст Конституции продолжает оставаться в фокусе внимания доктрины» [6].

Если постараться лаконично выразить суть и особенности конституционной реформы в России 2020 г., то укажем на следующее:

- реформа не прервала и не нарушила конституционной стабильности, она только актуализировала конституционное регулирование политических, социальных и экономических процессов согласно их позитивной динамике;
- реформа, по сути, изменила модель Конституции без принятия нового Основного закона;
- реформа была проведена с помощью нетипичных инструментов, технологий и процедур — она состоялась при самом широком участии граждан и институтов гражданского общества в их творческом взаимодействии с государственными органами;

— реформа не была проведена спонтанно, без должной подготовки: она имела правовые предпосылки, созданные Конституционным Судом РФ, законодательством и документами стратегического планирования;

— в результате реформы Основной закон получил новое свойство, новую черту — Конституцию РФ можно назвать социально-ценностной.

В свое время, анализируя Конституцию России 1993 г., многие подчеркивали, что она формирует образ будущего, и в этом видели одно из ее важнейших достоинств и свойств [5]. Исследование эмпирики конституционной реформы 2020 г. дает основания для смещения акцента в такого рода характеристике. В результате реформы Конституция в большей степени приобрела качества «рабочего документа», правового инструмента для граждан, не только направляющего их взор «за горизонт» — вперед к светлому будущему, но и позволяющего удовлетворять их волне насущные, повседневные потребности.

На встрече с сенаторами 23.09.2020 г. Президент России В. В. Путин емко и содержательно определил глубину тогда еще предстоящей реформы «суть, смысл конституционных новаций состоит в том, чтобы на десятилетия вперед зафиксировать фундаментальные основы устойчивого развития страны. А это историческая преемственность, моральные ценности, это надежные социальные гарантии, повышение роли гражданского общества. Наконец, это укрепление и совершенствование баланса, равновесия между всеми ветвями власти при сохранении России как сильной президентской республики» [4].

Но реформа еще не окончена, завершилась только ее формальная часть. По сути, в России происходит перенастройка правовой системы (включая ее институциональную

основу, в частности, систему органов публичной власти) в унисон с обновленной Конституцией. Предстоит большая работа в части приведения законодательства в соответствие с конституционными новеллами.

Сейчас, когда уже ведется соответствующая законодательная работа, важно учитывать появление нового формата воздействия Конституции на законодательство. В ряде случаев конституционные новеллы формируют стратегию развития целых отраслей законодательства, например, социального, отчасти — конституционного. Это происходит впервые с момента принятия Конституции РФ в 1993 г.

Эти уроки, прогрессивность прошедшей реформы должны, безусловно, стать образцом, стандартом для Приднестровья, для нашей Конституции и всей правовой системы.

Законодательство Приднестровья всегда было сориентировано на правовые традиции России. Однако официально курс на гармонизацию с правовым полем России был объявлен после референдума 2006 года. В 2006–2011 годах было подготовлено и принято более 70 законопроектов, направленных на то, чтобы приблизить приднестровские нормы права к российским, и нормы Конституции не стали исключением. Но в этой части важно подчеркнуть, что унификация норм конституционного законодательства ПМР и РФ практически невозможна ввиду существенных различий между государственно-политическими институтами обеих стран, установленной формой государства. Польза, практическая значимость российской реформы 2020 для Приднестровья должна заключаться во внедрении, использовании методов подготовки такого рода реформ, «скорости» воплощения в жизнь проводимых конституционных изменений, а также возможной адаптации технологий и процедур ее проведения.

В этой связи следует напомнить, что действующая Конституция нашего государства 1995 г. претерпевала существенные изменения, вносимые в результате реформ 2000 г., 2006 г, 2011 г. Эти изменения неоднократно коренным образом меняли систему органов государственной власти в республике, правила их взаимодействия. В 2009 г. депутаты Верховного Совета инициировали очередные изменения Конституции в части пересмотра полномочий высших органов государственной власти и системы местного самоуправления в ПМР. В противовес предложениям приднестровского парламента у Президента ПМР появился альтернативный проект новой Конституции ПМР. В обществе начались острые дискуссии относительно необходимости, своевременности и содержания конституционной реформы. В результате, в Конституцию ПМР были включены новые нормы, даже новые главы, вновь появился такой орган как правительство, соответственно, претерпели изменения полномочия президента и Верховного совета. Рассуждая об истинной сути предпринятых усилий по изменению конституционных полномочий высших органов государственной власти, небезосновательно высказывалось мнение о глубинных политических причинах и последствиях, имевших место в приднестровском обществе того времени: «Ясно одно: на наших глазах уходит эпоха личностей, политических тяжеловесов, которые смело брали на себя «ответственность за всё». На ее смену приходит другая эпоха, эпоха корпоративного менеджмента, эпоха назначенцев и выразителей командного духа» [3]. По сути, данная реформа оказалась «примирительной», «половинчатой», поскольку она отразила «объективный итог компромисса главных политических игроков» [3]. На наш взгляд, ориентация на решение исключительно политических задач отрицатель-

но сказалась на результатах проведенных преобразований, выполненных бессистемно, в отсутствие определенной концепции, которая бы четко обозначила цели, основные направления и предполагаемые результаты. Более того, политические силы, соглашаясь на такого рода юридико-конституционные компромиссы, не получили и планируемых политических результатов, уступив власть третьей силе. Сложившаяся на тот момент ситуация очередной раз подчеркивает необходимость комплексного подхода к проводимым конституционным преобразованиям, который предполагает глубокое изучение научно-теоретических и практических аспектов и подходов к конституционному реформированию, выработанных и апробированных в странах мира. Очевидно, что для Приднестровья наиболее ценным является опыт России.

В итоге, в тексте Конституции ПМР сохранился целый ряд имевшихся коллизий и пробелов, требующих своего преодоления, и обнаружилось в результате произведенных изменений новые нестыковки и противоречия. В частности, ст. 55 Конституции ПМР четко закрепила президентскую форму республики, но одновременно, скорректированные полномочия Президента ПМР, Верховного Совета ПМР, создание института правительства, формы их взаимодействия и взаимного контроля говорят в пользу смешанной модели, в которой глава государства возвышается над всей системой органов государственной власти, не входит ни в одну из ее ветвей, обеспечивая их согласованное функционирование. Обратим внимание еще на некоторые несоответствия заявленной дуалистической модели управления: Президент ПМР получил право распускать Верховный совет после неоднократного отклонения представленной им кандидатуры Председателя Правительства ПМР, а прави-

тельство, министры стали политически ответственны перед парламентом, который вправе выразить органам исполнительной власти недоверие [2].

Проведенная реформа не решила проблему неисполнения бланкетной конституционной нормы, требующей регулирования статуса Президента ПМР конституционным законом: с 2000 г. до 2011 г., да и до настоящего времени соотвествующий акт не разработан и не принят.

Не была внесена ясность и в вопрос соотношения ст. 7 и ст. 77 Конституции ПМР, согласно которым местное самоуправление признается и гарантируется, и в то же время его органы входят в единую систему Советов, подчинены Верховному совету, который вправе отменять решения и другие акты местных Советов народных депутатов [2].

В тексте действующей Конституции ПМР можно обнаружить и иные, в том числе юридико-технические ошибки, дефекты, требующие скорейшего устранения. Следовательно, проведение конституционных изменений и реформ не утрачивают своей актуальности в условиях укрепления государственности Приднестровья и необходимости отвечать на новые вызовы времени, что должно находить отражение в Основном законе нашего государства. Поэтому тщательное изучение результатов и уроков российской реформы 2020 года, анализ и оценка проводимой работы по реализации конституционных поправок продолжаются и в России, и у нас в Приднестровье. На наш взгляд, реформа и ее сегодняшнее претворение в жизнь оказывают существенное влияние на современную конституционную доктрину и практику проведения государственных преобразований. Прогрессивность используемых поистине демократических технологий в этом процессе убеждают нас

в том, что именно в России появились инструменты для проведения реформ и создания Конституций нового поколения. Приднестровская Молдавская Республика, опираясь на собственные правовые традиции и опыт, в русле процесса гармонизации с российским законодательством, должна использовать наработанный положительный опыт конституционных реформ для формирования и совершенствования собственной научной школы конституционного права и устойчивого конституционного законодательства, создающего прочную основу для развития всей правовой системы. Первоочередных и системных изменений в конституционном законодательстве и в самой Конституции ПМР требуют институты: основ конституционного строя, формы правления, гарантий прав и свобод личности, местного самоуправления, которые окажут принципиальное влияние и обеспечат преобразования остальных конституционных норм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Конституция Приднестровской Молдавской Республики. Принята на всенародном референдуме 24 декабря 1995 г.
- Гузенкова Т. С. Конституционная реформа в Приднестровье как политический компромисс. Российский институт стратегических исследований. — URL: <https://riss.ru/article/2987/>.
- Путин назвал изменение Конституции достойным ответом на новые вызовы. <https://www.interfax.ru/>
3. Системообразующая роль Конституции РФ: актуальные проблемы теории и практики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика.

- Управление. Право». 2017. № 1 (7). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemoobrazuyuschaya-rol-konstitutsii-rf-aktualnye-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 20.11.2022).
4. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И. В. Воронцовой. — Казань: Отечество, 2020. — 415 с. ISBN 978-5-9222-1435-3.
5. Хабриева Т. Я. Парадигмы конституционной реформы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5 (54). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-konstitucionnoy-reformy> (дата обращения: 20.11.2022).

BRIEF

**THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL REFORM 2020
IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE QUESTION
OF THE PROSPECTS FOR DEVELOPMENT
AND HARMONIZATION OF THE LEGISLATION
OF PRIDNESTROVIE WITH THE LEGISLATION OF RUSSIA**

Malyarchuk Oksana A.,

Senior Lecturer, departments of constitutional,
administrative and municipal law,
Pridnestrovian State University

T. G. Shevchenko, Tiraspol, e-mail: oxmalyarchuk@mail.ru

Abstract. The author examines the problems of substantiating and carrying out constitutional reforms from the point of view of the evolutionary

processes of the development of society and the state and the need to bring the legal constitution and constitutional legal relations into line. In this context, the constitutional reform carried out in Russia in 2020 is considered, the practice of which and its content may be important for the constitutional development of Pridnestrovie and the constitutional legislation of other countries.

Key words: *constitution; constitutional reform; constitutional amendments; industry legislation; constitutional process; constitutional stability; legal preconditions for the reform; civil society.*

Основные направления укрепления суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации

Михайлов Анатолий Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия, г. Симферополь, Россия;
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Россия, e-mail: aemihaylov@yandex.ru

УДК 342.3

Аннотация. В статье анализируется правовое обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации. Приводятся показатели финансово-экономического и информационного суверенитета страны, а также обзор их динамики в последние годы. Рассматривается современное российское законодательство, регламентирующее государственный суверенитет. Автор считает, что в нынешних условиях государство приняло меры, связанные с ослаблением фискального и административного контроля. В связи с этим сделан вывод о необходимости поддержки реального сектора экономики, разработки новой экономической модели, при которой государство не будет столь зависимым от конъюнктуры мирового рынка, что в дальнейшем послужит основой укрепления государственного суверенитета Российской Федерации. В ходе исследования были использованы следующие методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и аналитический.

Ключевые слова: государственный; финансово-экономический и информационный суверенитет; фискальный и административный контроль; глобализация.

«Само понятие «национальный суверенитет» для большинства государств стало относительной величиной; по сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире, тем выше легитимность того или иного правящего режима».

В. В. Путин [10]

Государство предпринимает множество мер для обеспечения своего суверенитета, — в частности политических, военных, экономических и правовых. В рамках данного исследования нас будет интересовать правовое обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации. При этом наиболее уязвимыми и важными сторонами государственного суверенитета являются финансово-экономический и информационный суверенитет. Именно в целях их укрепления принимается наибольшее количество правовых норм.

Согласно п. 7 Указа Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [11] экономический суверенитет обеспечивается состоянием, при котором национальная экономика защищена как от внутренних, так и от внешних угроз. Другими словами, меры, принимаемые в рамках обеспечения экономической безопасности, также способствуют обеспечению финансово-экономического суверенитета РФ. Так, согласно

вышеуказанному нормативно-правовому акту, угрозами являются:

1. Изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие «зеленых» технологий.

2. Отсутствие российских несырьевых компаний на международном рынке.

3. Исчерпание экспортно-сырьевой модели экономики и др.

Противоречащим являются два положения: об угрозе изменения климата, которое приведет к продовольственной катастрофе и недостатку питьевой воды, и угроза установления избыточных требований для хозяйствующих субъектов в области экологической безопасности. На наш взгляд, установление экологических требований для всех субъектов, вовлеченных в хозяйственный процесс, является не только желательным, но и необходимым, поскольку позволит остановить изменение климата, предотвратить множество природных катаклизмов, которые отрицательно влияют на национальную экономику, а также не допустить продовольственной катастрофы, в условиях которой возможен дефицит еды и питьевой воды.

В этом плане очень важным является суверенитет государства на его природные ресурсы. Согласно ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ [12] под природными ресурсами понимают компоненты природного происхождения либо компоненты природного происхождения, которые были подвержены изменению со стороны человека и при этом используются для производственных или хозяйственных целей и имеют потребительскую ценность. В частности, под природными ресурсами понимают землю, реки, подводные воды и т. д., которые являются базовыми для жизнеобеспечения человека, а также в глобальном смысле

обеспечивают экономический суверенитет государства, то есть его независимость по отношению к другим государствам. Так, ч. 1 ст. 9 Конституции РФ [4] закрепляет, что земля и иные природные ресурсы сохраняются и используются в РФ как основа жизни и жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Даже при отнесении природопользования к совместному ведению Федерации и ее субъектов на федеральном уровне были приняты соответствующие законы, устанавливающие и закрепляющие основополагающие положения [1, с. 10–25].

На экономическую безопасность государства также влияет и уровень инфляции, для контроля которого Банк России наделен определенными полномочиями. Так, согласно ст. 35 Федерального закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ [13], ЦБ РФ может устанавливать ставку рефинансирования, а также обязательные резервные требования. Ставка рефинансирования представляет собой ставку процента при предоставлении ЦБ РФ кредитов коммерческим банкам. На уровень инфляции она влияет следующим образом: когда Банк России повышает ставку рефинансирования, коммерческие банки в свою очередь также повышают ставку кредитов для своих клиентов, что способствует понижению спроса на кредитные продукты. В результате люди не так активно берут кредиты, вследствие чего денежная масса, задействованная в обороте, уменьшается, а, следовательно, и темп инфляции также снижается. В это время ЦБ как бы повышает ценность денег, однако возможна ситуация, когда требуется, наоборот, понизить ценность денег, это происходит в условиях дефляции (обратного процесса инфляции). Что касается обязательных резервных требований, то это тот резерв, который должен быть у всех коммерческих банков (он предназначается как

гарантия исполнения обязательств банка). При увеличении размера обязательных резервных требований Банком России коммерческие банки начинают выдавать меньше кредитов, что также способствует уменьшению денежной массы, которая задействована в обороте, вследствие чего уровень инфляции снижается.

В отличие от двух предыдущих мер, используемых ЦБ РФ, Банк России также имеет исключительное право эмиссии денег. Это право используется, в том числе, для контроля уровня инфляции, а именно — при росте инфляции ЦБ РФ перестает выпускать банкноты и монеты, тем самым, приостанавливая увеличение денежной массы и разгон темпов инфляции.

Еще одним показателем состояния экономической безопасности государства является ВВП на душу населения. Этот показатель отражает рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг, произведенных за год во всех отраслях экономики на территории государства. Для увеличения данного показателя одним из главных является увеличение численности юридических лиц, которые будут заниматься производством товаров и услуг. Есть множество способов сделать это: к примеру, привлечь иностранные инвестиции либо создать условия, благоприятствующие интенсивному росту числа вновь образующихся хозяйствующих субъектов. Если второе решение является рискованным (так как есть вероятность стать зависимым от тех, кто предоставляет инвестиции), то создание благоприятной бизнес-среды способствует также поддержанию конкуренции, благодаря чему население будет обеспечено качественными товарами и услугами, так как при множестве производителей будет идти борьба за потребителя.

Так, в РФ принят Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предприниматель-

ства в Российской Федерации» [14], который предусматривает следующие меры поддержки малого и среднего бизнеса:

1. Финансовые — предоставление финансовой помощи [5, с. 1–6].

2. Специальные налоговые режимы.

3. Упрощенные способы ведения бухгалтерской отчетности, налогового учета.

4. Меры по развитию инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего бизнеса.

Помимо всех вышеперечисленных мер, также стоит отметить развитость правового регулирования, при котором обеспечиваются банковские, страховые системы, а также функционирование рынка ценных бумаг, бюджетные правоотношения и др.

Еще одной мерой обеспечения экономической безопасности является финансовый контроль [3, с. 8–14], который осуществляется в разных областях общественных правоотношений, таких как налоговые, таможенные, валютные, бюджетные, а также правоотношения в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

Методами осуществления финансового контроля являются проверка, ревизия, анализ, обследование и экспертиза. Проверка представляет собой наиболее простой метод и выражается в сравнении данных о фактической финансовой деятельности субъекта с информацией, которая отражена в бухгалтерской отчетности, с целью пресечения правонарушений, если таковые имеются [8, с. 57–59]. Проверки являются либо камеральными, либо выездными, либо встречными. В соответствии со ст. 267.1 Бюджетного Кодекса РФ [2] камеральная проверка проводится государственными органами в месте их нахождения, выездная проверка проводится по месту нахождения подконтрольного лица, чьи

бухгалтерские документы подлежат исследованию, а встречающаяся проверка проводится в рамках камеральной или выездной с целью установления или подтверждения фактов, связанных с осуществлением финансовой деятельности подконтрольного лица. Ревизией является исследование финансовой деятельности субъекта на соответствие правовым нормам, которое осуществляется по всей совокупности финансовых операций, которые были осуществлены субъектом [7, с. 1–5]. Обследование — это анализ и оценка текущей финансовой деятельности субъекта. Анализ, в свою очередь, это прием исследования, при котором объект разделяется на составные части, каждая из которых рассматривается самостоятельно, но при этом учитывается то, что все части составляют единое целое.

Таким образом, финансово-экономический суверенитет государства представляет собой свойство государства, при котором оно способно самостоятельно принимать решения в сфере экономики и проводить экономическую политику. При этом стоит отметить, что именно финансово-экономический суверенитет наиболее подвержен ограничению, связанным с глобализацией. В частности, государство для более эффективного экономического сотрудничества добровольно передает свои полномочия в сфере экономики, заключая международно-правовые договоры, которые устанавливают иное правовое регулирование, нежели предусматривает национальное законодательство. При этом правовое регулирование направлено на баланс интересов, что является очень важным во взаимодействии с другими хозяйствующими субъектами.

Именно такое положение дел заставляет государство принимать определенные меры для охраны своего финансово-экономического суверенитета, ведь в условиях

глобальной экономической деятельности, в которой задействованы не только государства, но и различные компании, включая транснациональные, финансово-экономический суверенитет государства наиболее подвержен различным угрозам. Данное положение подтвердили события, связанные с применением экономических санкций по отношению к Российской Федерации некоторыми странами Запада.

В данных условиях меры, принимаемые государством, немного поменяли направление и больше связаны с сохранением экономической безопасности, в том числе экономического суверенитета, в условиях большого давления и экономической изоляции. Так, государством было принято множество мер, но хотелось бы выделить наиболее значимые:

1. Введение тотального моратория на банкротство [9]. Данная мера стала необходимостью в сложившейся ситуации, так как позволила многим организациям и физическим лицам восстановить свою платежеспособность, и сохранить действующий рынок. Мораторий сохранял свое действие до 1 октября 2022 года. Данное ограничение также является разумным, так как долгое сохранение моратория на банкротство может дать обратный эффект при его снятии. Может произойти волна банкротств, связанная с тем, что хозяйствующие субъекты все же не смогли сохранить либо восстановить свою платежеспособность в период введения моратория.

2. Разрешение параллельного импорта [15]. Параллельный импорт — это ввоз в страну востребованных оригинальных товаров иностранного производства без согласия правообладателей. Другими словами, если говорить с правовой точки зрения, узаконивается нарушение прав на товарный знак. Однако государство было вынуждено принять данные меры, чтобы сохранить более или менее при-

вычный уровень экономики, чтобы обеспечить сохранение экономического суверенитета страны.

3. Изменения в корпоративном праве, связанные с возможностью ПАО не раскрывать сведения о себе, с возможностью реорганизовывать филиалы и представительства иностранных компаний в ООО, с возможностью не уведомлять предварительно ФАС о совершаемой сделке с долями либо акциями и т. д. Все эти меры направлены на поддержку отечественного бизнеса и экономики.

4. Иные меры.

Государством было принято множество мер экономического характера, подкрепленных правовой базой. Перечислять все меры в данном исследовании, по нашему мнению, не имеет смысла. Однако стоит указать на то, что они были необходимы в сложившейся ситуации, так как в противном случае это могло негативно повлиять на экономический суверенитет государства, а значит и на суверенитет Российской Федерации в целом. Таким образом, основные направления укрепления суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации связаны именно с экономической составляющей, ведь в современных условиях государства тесно связаны друг с другом в первую очередь благодаря экономическим связям, что и создает глобальную экономическую систему. Однако последние события, связанные с санкционным давлением на Российскую Федерацию и попытками ее политической и экономической изоляции, показали, что глобализация несет угрозу, ведь экономика государства становится зависимой от действий иных стран.

Как уже было ранее нами отмечено, Россией был принят ряд мер, способствующих защите экономического суверенитета страны, в основном связанных с ослаблениями фискального и административного контроля. Также меры

были связаны с поддержкой внутреннего производства, для того чтобы ослабить негативные последствия от введенных санкций. Всё вышесказанное указывает на то, что политика государства на данный момент направлена на создание новой экономической модели устойчивого развития, при которой оно не так будет зависимо от глобального рынка, что и является основой сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации.

Государственный суверенитет представляет собой фундаментальную категорию, на основании которой строятся современные взгляды и представления о государстве. Само понятие государственного суверенитета появилось в условиях феодальной раздробленности и потребности в едином сильном центре, который сможет обеспечить благополучие народа и его дальнейшее развитие. Другими словами, именно нужда и потребность людей в стабильной и мирной жизни привели к тому, что вновь создаваемые государства обладали суверенитетом. Это явно иллюстрирует природу государственного суверенитета, подкрепленного именно волей людей (подданных, граждан), выражающейся в передаче части своей свободы и независимости своему государству.

Понятие государственного суверенитета прошло долгий путь своего развития и до сих пор не получило однозначного определения. Однако на данный момент ученые едины во мнении, что государственный суверенитет — это независимость и верховенство государственной власти. При этом первое обозначает то, что государство в рамках своей территории может совершать любые действия, и иные субъекты не имеют права вмешиваться в его внутренние дела. Но стоит указать, что действия государства во внутренней политике должны соответствовать принципам уважения и соблюдения прав и свобод человека. В противном случае такое госу-

дарство считается не правовым, и его граждане имеют право на смену лиц, занимающих руководящие должности. Верховенство обозначает, что законодательные акты государства обладают высшей юридической силой на его территории, и никакая иная власть не может стоять выше власти государственной. Также стоит отметить, что с нашей точки зрения, государственный суверенитет и государство — категории взаимосвязанные: одно без другого существовать не может, поэтому при изучении государственного суверенитета никак нельзя игнорировать понятие государства, и наоборот.

Государственный суверенитет является одним из признаков государства, представляющим собой верховенство государственной власти в пределах его территории и независимость при принятии решений как внутреннего, так и внешнего характера при взаимодействии с иными государствами. Помимо государственного суверенитета, выделяют национальный и народный суверенитеты, которые, по нашему мнению, проявляются только в рамках, заданных государственным суверенитетом. Также выделяют различные стороны государственного суверенитета, такие как финансово-экономический, политический, информационный суверенитет и иные. Основным здесь является то, что государственный суверенитет по своей природе неделим, и поэтому нельзя говорить о его видах, ведь в противном случае это значило бы, что отдельные виды могут существовать самостоятельно без друг друга. Однако государственный суверенитет существует только тогда, как в него включены все его стороны, так как они проявляются в определенных сферах общественной жизни.

Стоит отдельно отметить, что теоретические знания о государственном суверенитете с течением времени подвергались изменению, однако изменялись именно представ-

ления человека об этом явлении, а сама сущность государственного суверенитета оставалась неизменной. Вероятно, в будущем исследователи привнесут что-то новое в понимание суверенитета государства, однако с уверенностью можно сказать, что, пока государство существует как политико-правовое образование, целью которого является наиболее эффективное существование людей и обеспечение их прав и свобод, суверенитет будет также существовать, ведь государство без последнего не может являться таковым.

В современных условиях обозначились процессы, которые, по мнению некоторых ученых, несут в себе определенные угрозы государственному суверенитету, одним из них выступает глобализация [6, с. 195–204]. Глобализация представляет собой древний процесс, характерный для развития человеческой цивилизации в целом. Однако стоит отметить, что для античной глобализации были характерны несколько иные признаки и принципы, и глобализация в условиях сегодняшнего дня представляет собой несколько иной процесс, менее изученный и исследованный. Поэтому сложно правильно дать определение данному понятию, однако смело можно утверждать, что глобализация — это процесс объединения и интеграции людей в различных областях жизни общества различных государств, посредством которых происходит унификация мировых тенденций развития и функционирования. При этом глобализация затрагивает чуть ли не все сферы жизни общества и самого человека.

Можно выделить несколько видов глобализации, а именно: экономическая, политическая, культурная. Экономическая глобализация представляет собой глобализацию производства, финансов, рынков, технологий, организационных режимов, институтов, корпораций и рабочей силы. Можно сказать, что именно экономическая

глобализация и является одним из первоначальных видов глобализации, ведь объединение и интеграция в древнем мире строилась именно на основе экономических взаимодействий народов в виде торговли. Политическая глобализация представляет собой создание международных органов, которые существуют и функционируют самостоятельно, вне зависимости от интересов тех или иных стран, и направлены на обеспечение и защиту прав человека. Культурная глобализация выражается в том, что объединяются и интегрируются различные проявления социальной культуры различных государств, такие как язык, образование, этические ценности и т. д.

Глобализация является неотвратимым процессом, особенно сейчас, когда современные технологии позволяют делать то, что было невысказано еще полвека назад. Данный процесс невозможно остановить, но можно задать ему правильное направление, чтобы минимизировать его негативные последствия и издержки.

Мы не можем согласиться с мнением некоторых ученых о существовании серьезных угроз государственному суверенитету, выражающемуся в верховенстве и независимости государственной власти внутри страны и его независимости на международной арене, в условиях глобализации. Стоит исходить из самого понятия и сущности государственной власти, которая выражается в том, что она является верховной, неделимой и абсолютной. Другими словами, при ограничении государственной власти затрагиваются лишь отдельные полномочия государства, но никак не его верховенство или независимость. Об угрозах государственному суверенитету в условиях глобализации можно говорить только в контексте исследования политики государства, которая направлена на расширение глобализации в раз-

личных сферах без укрепления собственных основ государственного суверенитета. Ведь данная политика и делает государство уязвимым, а значит, и несамостоятельным, что, безусловно, ограничивает государственный суверенитет.

На сегодняшний день суверенитет современной России включает в себя две стороны: внутреннюю, которая характеризуется федеральным устройством государства, и внешнюю, связанную с независимостью и самостоятельностью при принятии политических решений на международной арене. При этом внешняя сторона суверенитета включает в себя финансово-экономический и информационный суверенитеты.

Основные направления укрепления суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации связаны именно с экономической составляющей, ведь в современных условиях государства тесно связаны друг с другом как раз благодаря экономическим связям, что и создает глобальную экономику. Однако последние события, связанные с наложением экономических санкций на Российскую Федерацию и попытками стран коллективного Запада изолировать нашу страну, показали, что глобализация несет серьезные угрозы, ведь экономика государства становится зависимой от глобального рынка и международной кооперации. Однако благодаря правильной политике руководства нашей страны удалось минимизировать негативные последствия, в результате чего это никак не затронуло государственный суверенитет Российской Федерации, а наоборот укрепило его. В данных условиях государством был принят пакет мер, способствующих сохранению экономического суверенитета страны, в основном связанных с ослаблениями фискального и административного контроля. Также определенные решения были связаны с поддерж-

кой внутреннего производства, для того чтобы ослабить негативные последствия от введенных Западом санкций. Всё вышесказанное указывает на то, что политика государства на данный момент направлена на создание новой экономической модели развития, при которой оно (государство) будет не столь зависимо от глобального рынка, что, несомненно, выступит основой сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбов С. А. Суверенитет России на ее природные ресурсы // *Lex Russia*. Июнь 2016. № 6 (115). С. 10–25.
2. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г.) // *СЗ РФ*. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823; *СЗ РФ*. 18.07.2022. № 29 (часть III). Ст. 530.
3. Догадайло Е. Ю. Юридические формы реализации экономического суверенитета Российской Федерации на современном этапе // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017. № 6. С. 8–14.
4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // *СЗ РФ*. 2020. № 11. Ст. 1416.
5. Левченко К. А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. 2018. № 1 (12). С. 1–6.
6. Михайлов А. Е., Бостанов Р. А. Сущность феномена глобализации: многообразие подходов (общетеоретическое измерение) // *Сибирский антропологический журнал*. 2022. № 3 (9). С. 195–204. DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-3-195-204.

7. Пенчук А. В. Государственный финансовый контроль в Российской Федерации и направления его совершенствования // Концепт. 2014. № 7 (июль). С. 1–5.
8. Полещук Т. А., Баженова М. О. Государственный финансовый контроль: понятие и анализ основных методов // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 57–59.
9. Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 г. № 497 (ред. от 13.07.2022 г.) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» // СЗ РФ. 04.04.2022. № 14. Ст. 2278.
10. Путин сравнил США с нуворишами, «наломавшими дров». URL: <https://www.ng.ru/news/483283.html> (дата обращения: 01.11.2022).
11. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2902.
12. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022 г.) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г.) // СЗ РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133; СЗ РФ. 28.03.2022. № 13. Ст. 1960.
13. Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2022) // СЗ РФ. 15.07.2002. № 28. Ст. 2790; СЗ РФ. 15.07.2002. № 28. Ст. 2790.
14. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4006; СЗ РФ. 04.07.2022. № 27. Ст. 4598.
15. Федеральный закон от 08.03.2022 г. № 46-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 14.03.2022. № 11. Ст. 1596; СЗ РФ. 18.07.2022. № 29 (часть III). Ст. 5299.

BRIEF

**THE MAIN DIRECTIONS OF STRENGTHENING
THE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION**

Mikhailov Anatoly E.,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of Law and State Crimean Branch of the
Russian State University of Justice
Simferopol, Russia;
Associate Professor of the Department of Theory of State
and Law of the Saratov State Law Academy
Saratov, Russia, e-mail: aemihaylov@yandex.ru*

Abstract. *The article analyzes the legal support of the state sovereignty of the Russian Federation in the context of globalization. The data on financial, economic and information sovereignty are presented, as well as an overview of the statistics of their application in recent years. The modern Russian legislation regulating state sovereignty is considered. The author states that in the current conditions, the state has taken measures related to the weakening of fiscal and administrative control. It sums up the need to support domestic production, to create a new economic model of development in which the state will not be so dependent on the global market, which is the basis for preserving and strengthening the state sovereignty of the Russian Federation. In the course of the study, the following methods were used: comparative legal, formal legal and analytical.*

Key words: *state; financial; economic and information sovereignty; fiscal and administrative control; globalization.*

Бюджетный метод ведения государственного хозяйства в контексте становления и модификации государства

Пешкова (Белогорцева) Христина Вячеславовна,

доктор юридических наук, доцент,

Воронежский институт ФСИН России

г. Воронеж, Россия, e-mail: peshkova1@yandex.ru

УДК 342.536.5

***Аннотация.** В статье рассматриваются понятие и содержание категории «бюджетный метод ведения государственного хозяйства» с позиции ее значения и значения базовых категорий в области публичных финансов для становления государства, модификации форм проявлений государственной власти. Обосновано, что бюджет и соответствующие финансово-правовые понятия, категории, правоотношения присущи всем государствам, характеризующимся правовой организованностью, и с экономической точки зрения обеспечивают суверенитет, функции и задачи государства.*

***Ключевые слова:** бюджет; финансы государства; публичные финансы; бюджетный метод; государственное хозяйство; бюджетное устройство государства.*

Предпосылкой организованности публичных финансов, доведения их с юридической и организационной точек зрения до бюджетного устройства как характеристики государства являются «способы присвоения»,

реализующиеся в ранние периоды становления государства. Экономическая наука такие «способы» рассматривает в аспекте способов присвоения различных имущественных благ — изначально натуральных товаров — правительством, королем [6, с. 95; 11, с. 408–409]. Эти способы имели сложное содержание, подразумевали целый клубок экономических отношений публичного характера, со временем приобретших черты юридически оформленных отношений собственности, опосредующих управление публичными финансами.

Экономист-классик А. Смит историю становления публичных финансов характеризовал в аспекте власти короля и его собственности: «В те отдаленные времена король представлял собой почти не больше, чем крупнейшего землевладельца в своем государстве, которому в целях совместной защиты против общих врагов остальные землевладельцы оказывали известное уважение» [11, с. 408]. Следовательно, власть и юрисдикция «вырастали» на основе отношений собственности. Дж. С. Милль также рассматривал формирование собственности как фактор усиления организованности финансов и управления ими: правительства «редко оставляли земледельцам что-то сверх их насущных потребностей, ... вследствие чего оказывались вынужденными, забрав у землепашца весь его урожай, вернуть ему часть в долг... Значительная часть богатства распределяется ... Некоторая его часть ... направляется на сооружение общественно полезных объектов ... все эти сооружения не могли быть созданы на скудные средства тех, кто ими пользовался, и обязаны своим существованием ... почерпнутым прямо или косвенно из государственных доходов» [6, с. 95].

Приведенные высказывания характеризуют цепочку знаменательных моментов становления финансов, публич-

ных финансов — а именно формирование собственности правительства, короля (в тот период она отождествлялась с собственностью государства, публичной собственностью) и в последующем осознание объективной необходимости использовать публичные средства на общественные нужды, тем самым оказывая влияние на общество.

На протяжении столетий финансовая практика показала, что управление государственными «делами», обществом целесообразно основывать на сосредоточении и использовании денежных средств посредством заключения их в специальные централизованные фонды, а также распределении бремени финансирования и реализации задач и функций государства между территориями в целях организации эффективного государственного управления [4, с. 489; 2, с. 6–7]. Сбережение обогащает государство. Однажды произведенное сбережение становится фондом [6, с. 170, 171]. Это и предполагает ведение государственного хозяйства особым методом, присущим исключительно государству как публично-правовому субъекту. Им выступает бюджетный метод, заключающийся в формировании и функционировании специальных фондов — бюджетов, находящихся в ведении государства и входящих в его состав территориальных (публично-правовых) образований.

Организация бюджета позволила государству перейти от ведения хозяйства посредством присвоения к сбережению, управляемому государством. Сформировалось убеждение, что бережливость «сохраняет существующий капитал народного богатства и способствует к увеличению его» [7, с. 24]. В последующем было доказано, что «количество поставляемых денег равняется удерживаемому количеству» [12, с. 421]. Это поставило необходимость юридической организации удерживания аккумулированных государством

средств — опять же юридической защиты собственности. Как следствие — возник вопрос о государственных расходах на защиту суверенного и имущественного статуса главы государства, т. е. юридическую организацию расходов на содержание главы государства. В «деле защиты собственности» требовалась особая подготовленность, поэтому стал развиваться государственный аппарат управления, на профессиональной основе позволяющий реализовать необходимые для государства функции. Т. Мальтус, исследовавший «опыт народонаселения», высказал утверждение, что «всякое улучшение государственного управления должно происходить от людей», которых «естественнее всего искать среди класса собственников» [5, с. 63]. В последующие периоды финансовой и финансово-правовой науки управление стало рассматриваться как неотъемлемый атрибут государственной деятельности в сфере финансов.

Таким образом, *бюджетный метод ведения государственного хозяйства прошел сложные вехи становления, самым тесным образом связанные со становлением и модификацией, развитием государственности. И такой вывод справедлив абсолютно для любого государства, если анализировать свойства государственности с позиций фундаментальных основ теории государства и права. Формулируя приведенные выводы, автор опирается на ранее проведенные исследования, касающиеся теоретико-правовых основ бюджетного устройства государства, их историко-правовой составляющей (по материалам: Пешкова Х. В. Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2017).*

В основу терминологии «бюджетный метод ведения государственного хозяйства» положено понятие «бюджет». Оно происходит от английского слова «budget»

— «кошелек», «сумка», «расчет приходов и расходов». В аспекте деятельности государства это понятие приобретает публично-правовой смысл. Государство концентрирует в своем распоряжении значительную часть национального дохода для выполнения публично значимых задач и функций — финансирования возникающих затрат в режиме расходов. «Государство не может развиваться, не рассчитав свои доходы и расходы на следующий год» [1, с. 105]. Расчет доходов и расходов, выявление причин нехватки средств имеют информационную роль, присущую публичным финансам.

Отмеченная роль бюджета прослеживается в юридическом регулировании соответствующих финансовых и связанных с ними отношений, в которые вступает государства и сформированные им органы и учреждения.

Бюджет в литературе рассматривается в трех аспектах: материально-правовом, экономическом, публично-правовом. Многостороннее понимание бюджета сформировалось к концу XIX в. — началу XX в.; до этого бюджет рассматривался как акт одобрения доходов и расходов государства (Р. Штурм) [14, с. 3], «зависимость доходов от расходов», «закон государственного хозяйства» (Л. Штейн) [13, с. 5–50], «экономический план» (И. Х. Озеров) [10, с. 37–38], «по форме закон; по содержанию ... административная мера» (М. Коркунов) [4, с. 130].

Как материально-правовая категория, «бюджет» — это фонд денежных средств, находящийся в ведении государства. Бюджетом (как фондом) также наделяются входящие в состав государства публично-правовые образования в соответствии с разграничением их компетенции, которое «работает» на обеспечение наличия у них денежных средств для выполнения возложенных функций и задач. Более того,

материально-правовой аспект бюджета характеризует его с позиций гражданско-правового института собственности, сложившегося абсолютно во всех государствах с учетом их исторического развития. Сосредоточенные в бюджете денежные средства приобретают статус казны.

В ответ на усложнение форм и направлений государственной деятельности, усложняется и государственное хозяйство. В связи с этим бюджет постепенно приобрел структуру, отвечающую дифференциации подходов к отношениям по его формированию и использованию. В обеспечение узкоспециализированных функций и задач выделяются «части» — целевые бюджетные («внутрибюджетные») фонды в соответствии с особенностями государства. В России практикуется обособление внутри бюджета фондов для поддержки субъектов Российской Федерации, фондов для поддержки мероприятий в области экологии, дорожного строительства и др. Аналогично и в зарубежных странах с учетом особенностей свойств их государственности. Бюджет Великобритании включает Консолидированный фонд (для покрытия расходов королевского двора, поддержки Северной Ирландии), бюджет правительства (для финансирования расходов государственного аппарата), национальный фонд займов. Бюджет Индии — Консолидированный фонд для выплаты жалованья судьям Верховного Суда, президенту, погашения долговых обязательств; текущий бюджет и бюджет развития.

Структура бюджета имеет информационное значение, позволяя судить о процессах модификации свойств государственности и иных происходящих в государстве процессах в тот или иной период. Как в свое время заметил Дж. С. Милль, каждая из стран располагает «ресурсами, которая она может направить на достижение каких-либо непредусмотренных

целей, ... мероприятия, требующие издержек, причем не принося в жертву насущные потребности» [7, с. 103].

С материально-правовым аспектом бюджета тесно связана его экономическая составляющая. Бюджет имеет экономическое содержание, будучи финансовым планом, разрабатываемым и реализуемым в связи с распределением национального дохода путем мобилизации и использования денежных средств в пользу общегосударственных нужд. Однако понимание бюджета исключительно как «плана» не отражает его характеристики в качестве основы государственного хозяйства. Еще Г. Жез утверждал, что не всякая «таблица доходов и расходов» может быть обозначена «бюджетом». Особенность бюджета — его нацеленность на «предвидение», сопоставление доходов и расходов на предстоящий промежуток времени, объема имеющихся у государства средств и их недостаток, выражение в нем юридической воли государства на управление финансами. Это отличает бюджет от баланса, отчета [3, с. 16]. Следовательно, бюджет несет в себе черты государственно значимой финансово-экономической информации, а также опосредует управленческое воздействие государства на общество.

Понимание бюджета как планируемого в централизованном порядке денежного фонда подтвердило необходимость упорядочения отношений по его составлению в порядке государственного нормотворчества. «Правила, которые определяют распределение богатства (читай — *богатства государства, централизованного фонда государства* — Авт.), таковы, какими их делают мнения и желания правящей части общества» [6, с. 338]. Это значит, что экономические категории, к которым относится «бюджет», объективны по содержанию и субъективны по форме [9, с. 9].

Объективность заключается в условиях их функционирования — необходимости для общественной, государственной деятельности; субъективность — формирования в результате сознательной деятельности уполномоченных субъектов понятийного аппарата нормативных актов, научных концепций, опосредующих общественные отношения. В науке признано, что «везде, где возникает юридическое отношение», имеется «необходимая связь фактического общественного отношения и конкретной нормы права, опосредующей данное отношение» [15, с. 55]. Поэтому следует констатировать, что нормы финансового права, выражая экономические основы государства, имеют материальное, объективное экономическое основание.

Говоря с позиций теории государства и права, в результате правового упорядочения объективно необходимых экономических отношений возникают правоотношения. Это выступило основой публично-правового понимания бюджета: бюджет — финансовый план государства (публично-правовых образований), разрабатываемый в установленной нормами права форме (правовой акт, закон) и утверждаемый уполномоченными органами в ходе бюджетного процесса, регулирующий разнородные отношения, возникающие в связи с функционированием централизованного денежного фонда, учитывающий экономические потребности государства и общества.

Следовательно, бюджет приобрел правовую форму в результате совершенствования государственного хозяйства, точнее, связанных с ним отношений, доведения их до уровня предмета правового регулирования. Бюджетное право стало выступать «орудием в руках законодательной власти» [8, с. 244]. Это знаменовало становление отрасли финансового права, обособление в его составе бюджетного права.

В государствах развитие бюджетного права, совершенствование природы бюджета как правового акта, соответственно, и содержание бюджетного метода ведения государственного хозяйства, происходило в различные периоды. Например, бюджет Великобритании приобрел статус финансового правового акта в XVII в., когда парламент принял «Билль о правах 1689 года», закрепивший право утверждать доходы и расходы страны и управлять ими ежегодно. Позднее конституционные акты подтвердили форму бюджета «закон» (ст. 1 Акта о парламенте Великобритании 1911 г.). Конституция Франции 1791 г. провозгласила ежегодное утверждение парламентом бюджета как закона, при этом закон трижды менял формулировку бюджета (ст. 5 Декрета о государственном бухгалтерском учете от 31 мая 1862 г.: бюджет — акт, предусматривающий расходы государства и учреждений; ст. 1 Декрета от 2 января 1956 г.: бюджет утверждает в законодательной форме потребности государства; ст. 1 Ордонанса от 2 января 1959 г.: бюджет — совокупность счетов, отражающих ресурсы и затраты государства, дефицит публичных средств).

Систематизация подходов к бюджету как финансово-правовой основе государственного хозяйства свидетельствует, что в мировой практике сложились два способа оформления правового акта о бюджете в зависимости от системы права — англосаксонской или континентальной. В государствах с континентальным правом бюджет принимается в виде единого акта, терминологически обозначаемого «законом». Как правило, закон о бюджете структурирует информацию о доходах и расходах государства. Например, согласно ст. 110 Основного закона ФРГ, «все доходы и расходы Федерации должны включаться в бюджет». В англосаксонских странах (Великобритания, США, Канада)

бюджет как таковой не имеет комплексного характера: основывается на нескольких правовых актах; расходы и доходы бюджета утверждаются раздельно: Билль об ассигнованиях (расходах), Финансовый билль (доходная часть бюджета).

Таким образом, бюджет и соответствующие финансово-правовые понятия, категории, правоотношения, присущи всем государствам, характеризующимся правовой организованностью, с экономической точки зрения обеспечивают суверенитет, функции и задачи государства. В общем виде целью бюджетного метода ведения государственного хозяйства является создание гарантий финансовой обеспеченности государства и публично-правовых образований в его составе. Бюджетный метод ведения государственного хозяйства, выражая особенности отраслевого статуса государства, имеет публично-правовые (юридические) и экономические основы, взаимосвязанные между собой, обусловленные проанализированными свойствами бюджета. Бюджетный метод ведения государственного хозяйства — это способ управления формированием и использованием бюджетных ресурсов государства и иных публично-правовых образований с целью финансового обеспечения задач и функций государства на различных территориальных уровнях и предоставления общественно значимых услуг в связи с реализацией бюджетно-правового статуса государства как субъекта публичного права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбунова О. Н. *Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России* / О. Н. Горбунова. М.: Элит, 2012. 296 с.
2. Градовский А. Д. *Начала русского государственного права. В 3 ч.* / А. Д. Градовский. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1904. Ч. III. 599 с.

3. Жез Г. *Общая теория бюджета* / Г. Жез/перевод с франц.; под ред. Г. Г. Соловья и К. К. Шмелева. М.: Госфиниздат, 1930. 348 с.
4. Коркунов Н. М. *Русское государственное право* / М. Коркунов. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1913. 739 с.
5. Мальтус Т. *Опыт о законе народонаселения. Шедевры мировой экономической мысли* / Т. Мальтус. Петрозаводск: Петроком, 1993. Т. 4. 136 с.
6. Милль Дж. С. *Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии: в 3 т / Дж. С. Милль. Т. 1 / пер. с англ.* М.: Прогресс, 1980. 496 с.
7. Милль Дж. С. *Размышления о представительном правлении* / Дж. С. Милль/перепечатка с издания Яковлева, Санкт-Петербург, 1863. Published by chalidze publications. Benson, Vermont 05731 Manufactured in USA. 264 с.
8. *Народная энциклопедия научных и прикладных знаний.* М.: типография товарищества И. Д. Сытина, 1911. Т. XII. 407 с.
9. Никольский П. С. *Финансы в системе хозяйственного механизма управления промышленностью* / П. С. Никольский. М.: Финансы и статистика, 1982. 128 с.
10. Озеров И. Х. *Основы финансовой науки: Бюджет. Формы взимания. Местные финансы. Государственный кредит* / И. Х. Озеров. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2008. 622 с. (серия «Научное наследие»).
11. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов* / А. Смит/пер. с англ. В. С. Афанасьева. М.: Эксмо, 2009. — 960 с. (серия «Антология экономической мысли»).
12. Хейне П., Боутке П., Причитко Д. *Экономический образ мышления* / П. Хейне, П. Боутке, Д Причитко. М.: Изд. дом «Вильямс», 2005. 544 с.
13. Штейн Л. *Финансовая наука. Вып. 1: Государственное хозяйство* / Л. Штейн / пер. с немецкого; под ред. А. П. Суб-

- ботина. СПб.: Типография Северного телеграфного агентства, 1885. 53 с.
14. Штурм Р. Бюджет / Р. Штурм. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. 600 с.
15. Явич Л. С. К вопросу о предмете и методе правового регулирования / Л. С. Явич // Вопросы общей теории советского права: сборник статей / под ред. С. Н. Братуся. М.: Юридическая литература, 1960. С. 44–66.

BRIEF

**THE BUDGETARY METHOD OF STATE ECONOMY MANAGEMENT
IN THE CONTEXT OF THE FORMATION AND MODIFICATION
OF THE STATE**

Peshkova (Belogortseva) Hristina V.

Doctor of Law, Associate Professor,

The Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Voronezh, Russia, e-mail: peshkova1@yandex.ru

Abstract. *The article examines the concept and content of the category “budgetary method of state economy management” from the standpoint of its significance and the significance of basic categories in the field of public finance for the formation of the state, modification of forms of manifestations of state power. It is proved that the budget and the corresponding financial and legal concepts, categories, legal relations are inherent in all states characterized by legal organization, from an economic point of view, ensure the sovereignty, functions and tasks of the state.*

Key words: *budget; state finances; public finances; budget method; state economy; budget structure of the state.*

Дифференциация
досудебного производства
в уголовном процессе:
поиск эффективной формы
расследования преступлений

Ратьков Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Аннотация. Проводится краткий экскурс в историю становления форм досудебного производства в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Исследуется содержание видов предварительного расследования преступлений, сложившихся в УПК РСФСР 1960 г. и закрепленных в УПК РФ 2001 г. Рассматриваются положения Концепции судебной реформы в Российской Федерации о перспективах предварительного расследования и некоторые суждения известных процессуалистов на природу дифференциации досудебного производства.

Ключевые слова: предварительное следствие; дознание; производство неотложных следственных действий; сокращенное дознание; дифференциация досудебного производства.

Начиная с 2014 г., ежегодно 25 июля у нас в стране отмечается День сотрудника органов следствия Российской Федерации, который учрежден Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2013 г. № 741. В пояснительной записке к этому документу указано, что 25 июля 1713 г. именным указом Петра I была основана следственная канцелярия М. И. Волконского, которая стала первым государственным органом России, подчиненным непосредственно главе государства и наделенным полномочиями по проведению предварительного следствия. Таким образом, если отсчитывать с этой даты, органам предварительного следствия России уже более 300 лет. И можно утверждать, что с тех пор продолжается поиск наиболее эффективной формы расследования преступлений.

Из специальной литературы можно увидеть, что в истории становления порядка осуществления предварительного следствия в России выделяют разные направления развития. Петровская эпоха связывается с концепцией вневедомственного предварительного следствия. На протяжении второй четверти XVIII — начала XIX вв. формируется административная модель организации следственного аппарата. После Судебной реформы 1864 г. закрепляется судебная модель. В советское время организацию предварительного расследования принято относить опять к административной модели. С созданием Следственного комитета РФ (Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации») в организации расследования преступлений увидели восстановление петровской вневедомственной концепции [1, с. 75–102]. Но с учетом того, что помимо Следственного комитета РФ своим следственным аппаратом обладают еще такие ведомства, как МВД РФ и ФСБ РФ, считать реализованной вневедомственную модель орга-

низации предварительного следствия рано. Тем более, когда речь заходит о досудебном производстве в уголовном процессе, то к названным органам надлежит добавить еще целый ряд других правоохранительных органов, наделенных правом осуществлять предварительное расследование преступлений в форме дознания. Так что приходится констатировать смешанную административную форму или модель организации современного досудебного производства по уголовным делам.

Рассредоточенность субъектов досудебного производства по различным правоохранительным структурам вряд ли способствует независимому и объективному следствию или дознанию, хотя качество и эффективность расследования должны основываться не на принадлежности субъекта к тому или иному ведомству, а на выверенном процессуальном порядке осуществления предварительного расследования, обеспечивающем достижение объективного результата в короткий промежуток времени и с наименьшими затратами, но с сохранением гарантий соблюдения прав и свобод вовлеченных в уголовный процесс лиц. Пытаясь обеспечить достижение именно такой цели, законодатель и в прежнем УПК РСФСР (возьмем отрезок времени, начиная с 1960 г.), и в действующем УПК РФ конструирует различные процедуры расследования (дифференцирует досудебное производство). При этом в отступление от предостережения авторитетных ученых о недопустимости упрощения процессуальной формы, что ведет к стиранию гарантий соблюдения прав участников процесса¹, «придумывались» варианты

¹ См., например: Элькин П. С. Цели и средства их достижения в современном уголовно-процессуальном праве. Л.: Издательство Ленинградского университета им. А. А. Жданова, 1976. С. 73, 75; Уголовный процесс: Учебник. М.: Зерцало, 1997. С. 454 (автор главы: В. И. Басков); Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М.: Инфра-М, 2010. С. 24 и др.

расследования, именно упрощающие (ускоряющие, сокращающие) порядок производства по уголовным делам.

Оглянемся на УПК РСФСР 1960 г. Расследование преступлений допускалось в форме предварительного следствия и дознания. Дознание, в свою очередь, имело два вида: дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно, и дознание по делам, которые согласно закону не требовали их расследования в форме предварительного следствия. Этот второй вид дознания являлся основным, поскольку в этом случае дело расследовалось в полном объеме и дознаватель, за некоторыми исключениями, имел такие же полномочия, как и следователь. При характеристике данного вида производства подчеркивалось, «... когда предварительное следствие не обязательно, лицо, производящее дознание, осуществляет полномочия следователя, т. е. принимает все предусмотренные законом меры для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, вступая примерно в такие же правоотношения, как и следователь. При этом все производство по делу ведется в соответствии с требованиями УПК, материалы дознания являются основанием для рассмотрения дела в суде» [2, с. 88].

И тогда, и сейчас, поскольку этот вид дознания сохранился и в действующем УПК РФ, актуальным являлся и является вопрос: зачем нужен вид производства по делу, дублирующий, повторяющий предварительное следствие? В. М. Тертышник, например, анализируя закрепленные полномочия применительно к системе МВД, констатировал: «По существу, это равносильно созданию в МВД еще одного непрофессионального следственного подразделения, сотрудники которого «уже не оперативники и еще не следователи» призваны работать на самом ответственном этапе расследования» [3, с. 218]. Б. Т. Безлепкин последовательно

проводит в своих работах мысль о том, что закрепление за органом дознания сугубо процессуальных полномочий по расследованию уголовных дел « ... означает наличие органа расследования внутри органа дознания, причем с чисто следственным характером деятельности (еще один ведомственный следственный аппарат, только «второго сорта»)» [4, с. 69–70; 5, с. 27]. Практика применения УПК РСФСР 1923 г., 1960 г. и положений действующего УПК РФ показывает, что описанный регламент производства дознания приводит к полному слиянию предварительного следствия и дознания, но, тем не менее, продолжает существовать на протяжении длительного времени.

Еще один вид дознания, закреплявшийся в УПК РСФСР: по делам, по которым предварительное следствие обязательно, перестал относиться к дознанию вообще и в УПК РФ среди видов предварительного расследования ему места не нашлось, то есть он остался вне дифференциации досудебного производства. Хотя прежнее уголовно-процессуальное законодательство детально регламентировало это производство. В соответствии с ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания уполномочивался возбудить уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно — процессуального закона, произвести неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления. Статья 119 к числу следственных действий, которые в качестве неотложных может производить орган дознания, относил осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей. В соответствии со ст. 121 УПК РСФСР дознание в этом виде должно было быть закончено не позднее десяти суток со дня

возбуждения уголовного дела. Продлению этот срок не подлежал. Прокурор мог дать указание о направлении дела следователю и до истечения десятидневного срока. Если орган дознания выполнял неотложные следственные действия ранее этого срока, он обязывался немедленно направить дело следователю, не ожидая указания прокурора или истечения десятидневного срока. Кроме того, ст. 127 УПК РСФСР наделяла следователя правом по делам рассматриваемой категории в любой момент приступить к производству предварительного следствия, не дожидаясь выполнения органами дознания неотложных следственных действий. Другими словами, следователь мог в любой момент изъять из производства органа дознания возбужденное им дело, по которому производство предварительного следствия являлось обязательным, и принять его к своему производству на чем, собственно, этот вид дознания и оканчивался.

Содержание данного вида дознания включало в себя:

- 1) возбуждение уголовного дела;
- 2) предупреждение готовящегося и пресечение совершаемого преступления;
- 3) осмотр места происшествия и следов преступления;
- 4) установление и закрепление других доказательств, могущих быть утраченными в случае промедления, путем производства необходимых и разрешенных следственных действий, именуемых неотложными;
- 5) задержание в случае необходимости при наличии к тому оснований виновного лица;
- 6) направление уголовного дела в установленные сроки следователю для производства дальнейшего расследования.

Сегодня аналогичная деятельность регламентируется ст. 157 УПК РФ, получившей название: «Производство неотложных следственных действий». Оставление этого

вида производства вне форм предварительного расследования вызывает обоснованные вопросы. Н. А. Гусейнов, например, по этому поводу замечает, что деятельность по расследованию обстоятельств, входящих в предмет доказывания, не может быть ни «обесформленной», ни гибридно-надуманной. Закон устанавливает две легитимные формы расследования: следствие и дознание; все, что за рамками этого, — не процессуальная деятельность и не процессуальный ее результат. В завершение анализа регламента производства неотложных следственных действий он констатирует: «нормы ст. 157 УПК РФ — однозначно третий вид дознания, при условии, конечно, что субъектом реализации указанной деятельности выступает должностное лицо органа дознания, а средства познания конвенционально основаны на нормах ст. 157 и гл. 32 УПК РФ» [6, с. 234].

Завершая обзор видов досудебного производства по УПК РСФСР, нельзя не отметить, что помимо упомянутых прежнему УПК была известна и такая форма производства, как протокольная форма досудебной подготовки материалов. Она представляла собой упрощенную и ускоренную процедуру установления обстоятельств совершенных преступлений, виды которых специально закреплялись в законе, направленную на обеспечение быстроты и эффективности уголовного судопроизводства. В российский уголовный процесс она была введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 года¹ и рассматривалась как одна из форм дифференцированного уголовного судопроизводства в отношении преступлений, не представляющих повышенной опасности и совершенных, как правило, в условиях очевидности. До этого нововведения наш

¹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163.

процесс уже знал ускоренные режимы производства. В первоначальном виде аналог такой формы расследования был включен в УПК РСФСР в 1966 году Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство»¹, согласно которому упрощенное производство допускалось по делам о хулиганстве без квалифицирующих признаков. В 1977 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно — процессуальный кодексы РСФСР»² такой же порядок был распространен на дела о мелком хищении государственного и общественного имущества.

Протокольная форма уголовного судопроизводства, которая осуществлялась до суда, по своей процессуальной природе не являлась разновидностью ни дознания, ни предварительного следствия. Подчиняясь общим уголовно-процессуальным правилам, она содержала ряд особенностей, отличающих ее от предварительного расследования. Протокольная форма осуществлялась без производства следственных действий. Она предусматривала иные процессуальные средства для сбора и установления фактических данных о наличии (отсутствии) преступления и виновности правонарушителя. Принимаемое на основании собранных материалов решение и по форме, и по существу отличалось от решений, принимаемых по возбужденному уголовному делу. При необходимости проведения следственных действий должно было возбуждаться уголовное дело, которое затем расследовалось в общем порядке либо органом дознания, либо следователем. Субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности по протокольной форме, уголовно-процессуальный закон называл правонару-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 595.

² Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 51. Ст. 1217.

шителем. Это не случайно, так как такое лицо не являлось по своему статусу ни подозреваемым, ни обвиняемым, в отношении которых, как известно, установлен особый порядок признания их таковыми. Специфика протокольной формы состояла еще и в том, что производство всегда возникало в отношении конкретного лица, совершившего преступление. Протокольная форма досудебной подготовки материалов по делам частного обвинения не применялась. Специфичны были и сроки ее проведения. В отличие от других форм досудебного производства (дознания и предварительного следствия), закон для рассматриваемой формы устанавливал десятидневный срок. Это имело свою цель. Протокольное производство было направлено на максимальное приближение момента совершения преступления к назначению судом уголовного наказания. Если в закрепленный срок не было возможности выяснить существенные обстоятельства совершения преступления, возбуждалось дело и производилось дознание.

После поступления уголовного дела в суд оно должно было быть рассмотрено судьей единолично не позднее чем в 14-дневный срок (ст. 419 УПК РСФСР). До внесения изменений в 1992 году судебное разбирательство дел такого рода осуществлялось в 10-дневный срок судом в составе судьи-профессионала и двух народных заседателей.

Назначение судебного заседания, подготовка уголовного дела к судебному заседанию и судебное разбирательство происходили с соблюдением общих правил.

Таким образом, досудебное производство по УПК РСФСР могло проводиться четырьмя разными способами:

1. Предварительное следствие.
2. Дознание по делам, по которым предварительное следствие не обязательно.

3. Дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно.

4. Протокольная форма досудебной подготовки материалов.

На протяжении всего периода применения этих форм производства по делу они подвергались критике, за исключением, пожалуй, предварительного следствия. В принятой в октябре 1991 года Концепции судебной реформы в Российской Федерации предусматривается ликвидация дознания как особой формы предварительного расследования преступлений и создание единого следственного аппарата. В ней же признается, что «... остается нерешенным вопрос о доктринальном обосновании критериев дифференциации форм уголовного судопроизводства. Ни те, кто ратует за упрощение процесса по некоторым делам, ни их противники, отстаивающие унификацию, не привели пока убедительных аргументов в пользу того или иного подхода» [7, с. 90, 106].

Надо признать, что полемика о дифференциации и досудебного, и судебного производства продолжается. Сторонники дифференциации путем упрощения формы производства (П. Ф. Пашкевич, В. И. Курляндский, А. С. Кобликов, В. Д. Арсентьев, А. П. Гуляев, Ю. М. Грошевой, В. С. Зеленецкий) разработали даже критерии, основываясь на которых можно допустить такое упрощение. К таким свойствам М. Л. Якуб, например, отнес:

- 1) степень общественной опасности преступления и тяжесть меры наказания, предусмотренной за него законом;
- 2) степень сложности дел в разрешении как фактической, так и правовой стороны;
- 3) общественно-политическое значение дел;
- 4) значение, которое имеет преступление для интересов отдельных лиц, организаций и предприятий [8, с. 66–67].

Однако противники такой дифференциации обоснованно возражали против предлагаемого подхода.

П. С. Элькин, например, в этой связи указывала: «Предлагаемые критерии расширения указанных форм судопроизводства («несложность» уголовных дел, их «ясность», «очевидность» преступных проявлений, их большая или меньшая общественная опасность и др.) оказываются по общему правилу в сфере эмпирического восприятия тех или других лиц и поэтому не могут быть формализованы в той мере, в которой это необходимо для закрепления в нормах права как общих и обязательных правилах поведения... Любой из выдвигаемых критериев расширения суммарных форм судопроизводства не может быть признан оправданным ни в теоретическом, ни в практическом отношении, и даже, получив свое нормативное закрепление, он оказался бы не в состоянии устранить свободу соответствующих органов в использовании по их собственному усмотрению суммарных форм судопроизводства и тем самым в ограничении процессуальных гарантий правосудия, прав и гарантий личности» [9, с. 73, 75].

«Шаткость» критериев отбора дел для упрощенного производства и сложность разрешения проблемы сохранения при этом гарантий получения достоверного результата и сохранения прав участников процесса понимают и процессуалисты, допускающие дифференциацию путем упрощения уголовно-процессуальной формы. Г. Н. Ветрова, например, в этой связи отмечает такую трудноразрешимую задачу: «при упрощенных процедурах обеспечить достижение цели достоверно установить обстоятельства совершения преступления при сохранении высокого уровня гарантий прав участников процесса. Сложность вопроса заключается в том, что невозможно упростить процедуру расследования

на досудебном этапе, не пожертвовав принципиальными положениями, которые в итоге являются гарантиями справедливого правосудия» [10, с. 41].

Однако, несмотря на выводы, закрепленные в Концепции, признание сторонниками дифференциации опасности упрощенных форм производства для достоверности расследования и гарантий соблюдения прав участников уголовного процесса, в УПК РФ 2001 г., сменившего УПК РСФСР 1960 г., дифференциация досудебного производства сохранилась, как и упрощенные (ускоренные, сокращенные, суммарные) виды производства: дознание в общем порядке и дознание в сокращенной форме.

Нарекания в адрес дознания в общем порядке остаются те же самые, что были и ранее, так как процедура его производства практически не изменилась по сравнению с прежним порядком. Сегодня остается отмечавшийся и прежде параллелизм этой формы расследования предварительному следствию. Хотя в новом формате положение привлекаемого к уголовной ответственности лица даже ухудшилось, потому как на протяжении всего расследования оно остается в статусе подозреваемого. О сформулированном в отношении него обвинении подозреваемый узнаёт только на завершающем этапе производства, когда ему предъявляются все материалы оконченого производством уголовного дела вместе с обвинительным актом, в котором он впервые видит в чем его обвиняют. И если на этом этапе и можно выдвинуть доводы в свою защиту, то времени на их проверку уже не остается.

О трудностях соблюдения прав и свобод лиц, вовлеченных в расследование уголовного дела в сокращенной форме дознания, об отсутствии гарантий при этом виде дознания получить достоверные результаты и установить истину по

делу, говорилось и говорится в достаточно большом количестве публикаций, в том числе и автора этой статьи¹. Здесь можно обратить внимание лишь на то, что стремление соблюсти базовые принципы, которые сторонники дифференциации путем упрощения производства предлагают в качестве сохранения таких гарантий, как правило, ни к чему не приводит. По их мнению, в основу возможного упрощения (сокращения) и досудебного, и судебного производства должны быть положены процедуры, обеспечивающие, во-первых, наличие определённого набора гарантий, позволяющих находиться в русле демократических принципов процесса, которые закреплены в гл. 2 УПК РФ. Во-вторых, указывают они, — необходим контрольный механизм, обеспечивающий предотвращение и исправление ошибок в процессуальной деятельности. В-третьих, в Законе должны быть сформулированы конкретные условия для «запуска» упрощённых процедур, которые минимизировали бы социальные риски уголовного преследования без достаточных оснований. В-четвертых, соответствующими правилами должна предусматриваться возможность вернуться на путь полноценной процессуальной деятельности, как по волеизъявлению заинтересованных участников процесса, так и по усмотрению должностных лиц [10, с. 41].

¹ См., например: Ратьков А. Н. Дознание: прошлое, настоящее, будущее: монография. Сочи, 2009. 251 с.; он же: Недостатки регламента дознания в сокращённой форме, отрицательно влияющие на качество расследования // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2. С. 68–72; Обоснованность некоторых предложений по изменению порядка производства на досудебных стадиях уголовного процесса // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики — 2016: сборник тезисов ежегодной международной научно-практической конференции. Ростов-н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 449–452.

Представляется, что хотя бы частично эти принципы учитывались при конструировании дознания в сокращенной форме, но на практике они не работают.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 года)/под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. 311 с.*
2. *Уголовный процесс. Общая часть. Учебник для учащихся вузов. М.: Спарк, 1997.*
3. *Тертышник В. М. Уголовный процесс: Учебное издание. Харьков: Арсис, 1997. 528 с.*
4. *Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2006.*
5. *Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М: ТК Велби, Проспект, 2008.*
6. *Гусейнов Н. А. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства // Общество и право. 2015. № 4. С. 231–235.*
7. *Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992. 111 с.*
8. *Якуб М. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать // Социалистическая законность. 1975. № 1. С. 63–68.*
9. *Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в современном уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленинградского университета им. А. А. Жданова, 1976.*
10. *Ветрова Г. Н. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства // Государство и право. 2015. С. 39–45.*

BRIEF

**DIFFERENTIATION OF PRE-CRIMINAL PROCEEDINGS
IN THE CRIMINAL PROCEDURE: SEARCH
FOR AN EFFECTIVE FORM OF INVESTIGATION OF CRIMES**

Ratkov Alexander N.,

PhD in Law, Associate Professor

Sochi branch of the All-Russian State

University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),

Sochi, Russia

Abstract. *A brief excursion into the history of the formation of forms of pre-trial proceedings in the Russian criminal procedure legislation is carried out. The content of the types of preliminary investigation of crimes established in the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960 and enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 2001 is being searched.*

Key words: *preliminary investigation; inquiry; conduction of urgent investigative actions; reduced inquiry; differentiation of pre-trial proceedings.*

Британский и американский
конституционализм
как модель устойчивой
государственности
в контексте российского
конституционного опыта

*Сидорова Тамара Анатольевна,
доктор исторических наук, доцент,
Сочинский институт (филиал) РУДН,
г. Сочи, Россия, e-mail: tasidorova-05@mail.ru*

УДК 342.4

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию опыта российского конституционализма IX — начала XXI вв. в его основных тенденциях и проявлениях и с учетом влияний, носивших опосредованный и кратковременный характер. Акцентирована линия преемственности российского и византийского конституционализма. Рассмотрены элементы заимствований британского конституционализма в части оформления конституционной монархии в России и американского конституционализма в части отражения в Конституции РФ демократических конституционных принципов. Отмечена тенденция эволюции формы правления современной России в направлении президентской/суперпрезидентской республики, подобной США. Выделен аксиологический характер Конституции РФ 1993 г. Показано, что российский конституционализм обеспечил устойчивое развитие государства на протяжении всей его истории.*

Ключевые слова: российский конституционализм; византийский конституционализм; британский конституционализм; американский конституционализм; модель устойчивой государственности; историко-правовой анализ; аксиологический подход.

«Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»

Ст. 67.1. Конституции РФ

Конституционализм как политико-правовая и философско-правовая категория является цивилизационной ценностью.

Несмотря на двухсотлетнюю историю бытования понятия «конституционализм», возникшего в американской политико-правовой мысли на рубеже XVIII — XIX вв., юридическая наука не выработала его канонической дефиниции. В отличие от отцов-основателей США, использовавших термин «конституционализм» для акцентирования верховенства писаной конституции 1787 г. над издаваемыми законами и иными правовыми актами [12, с. 370], российские правоведы придали ему более широкую трактовку: конституционализм понимается как теория и практика организации государственной и общественной жизни в соответствии с конституцией; как система норм, институтов и социальной практики, направленной на гарантии расширяющихся прав личности в обществе; включает в себя особую правовую идеологию, нацеленную на предотвращение деспотизма и

гарантирующую индивидуальные свободы [10]. Широта толкования феномена «конституционализм» объясняется спецификой российской юридической парадигмы, обусловленной особенностями развития национального государства и права России, и исходящей из сущности конституционализма как многокомпонентной философско-правовой системы [11, с. 19].

В условиях глобализованного мира конституционализм присущ всем государствам, имеющим уникальный конституционный опыт, и в силу этого обстоятельства — полисемичен и полипарадигмален по содержанию.

В современном правоведении идет процесс исследования понятия «конституционализм» с позиций его понимания как мега-парадигмы. «Концепция мега-парадигмы возникает вследствие инкорпорирующего эффекта достижений отдельных парадигм конституционных исследований на базе сочетания и доктринальной конвергенции научных гипотез, конституционной лексики, осмысления разнообразных практик, формирующихся вокруг явления конституционализма» [20, с. 45].

Особенности конституционализма в России во многом объясняются ее евразийским геополитическим положением. Евразийство — географическое, правовое, ментальное — породило цивилизационный антагонизм между Западом и Востоком, между Европой и Киевской Русью, особенно после монголо-татарского нашествия, когда огромная территория к востоку от Центральной Европы, в том числе Россия, считалась цивилизационно иной [34, с. 577]. Несмотря на многовековое противостояние по принципу «Запад — Восток», российский конституционализм инкорпорирован в концепт конституционной мега-парадигмы и является частью процесса международной конституцио-

нализации, основанной на либерально-демократической доктрине, которая теоретически учитывает мировой и национальный опыт, модели конституционного регулирования и конституционное разнообразие [19, с. 5]. Российский конституционализм с его многовековым опытом разработки собственных конституционных идей, парадигм и норм и опытом зарубежных заимствований, адаптированных к национальной традиции, невозможно «отменить», как это пытается сделать сегодня «коллективный Запад» в отношении всего, что касается России. Более чем тысячелетняя история России является подтверждением реализации в государственном праве идей российского конституционализма, оформившихся в разные периоды её истории.

Российские исследователи выделяют три этапа в развитии отечественного конституционализма — дореволюционный, советский и постсоветский, — но общепризнанной периодизации развития конституционализма в российской юридической науке пока не выработано. Нет единого мнения и по вопросу начала конституционного развития нашей страны: точкой отсчета считают либо 1918 г., когда была принята первая советская Конституция, либо 17 октября 1905 г., либо начало XIX в., когда возникли идеи конституции и конституционализма, либо XVIII в., связывая это с появлением первых конституционных актов таких как Закон о престолонаследии 1797 г., Учреждение об Императорской фамилии того же года [25]. Данная периодизация дополняется вариантом, в котором содержится конкретизация его социально-философской направленности: 1) с IX до XVII вв. — период протоконституционализма, связанный с формированием основ российской государственности; 2) с XVIII в. до 1855 г. — период дворянского, или правительственного, конституционализма; 3) с 1855 по 1905 г. — период,

сочетавший правительственный, либеральный, земский и радикальный конституционализм; 4) с 1905 до октября 1917 г. — конституционализм думской монархии; 5) с 1917 до конца 1980-х гг. — развитие конституционализма в советской юриспруденции; 6) с 1991 до 12 декабря 1993 г. — переходный период от советского номинального конституционализма к современному российскому конституционализму; 7) с 1993 г. — современный и принципиально новый период становления конституционализма [18, с. 49].

Представляется правомерным сопрягать начало российского конституционализма не только с датой образования Древнерусского государства в IX в., подтверждаемого сведениями «Повести временных лет», дающими основание для исчисления российской государственности в течение тысячелетия (862–2022 гг.), но и с ранней фиксацией «Русской Правды» в XI в., древнейшего русского правового кодекса, по аналогии с британской конституционной традицией, ведущей отсчет своего конституционализма от англосаксонских правд — Правды Этельберта (около 600 г.), Правды Инэ (VII в.), Правды Альфреда Великого (IX).

В процессе развития конституционализма Россия аккумулировала конституционный опыт разных государств, и прежде всего Византийской империи, от которой унаследовала не только государственную символику, но и имперскую идею, теологическую, историософскую и политическую концепцию «Москва — третий Рим», идею самодержавности и симфонию властей (церковной и светской власти; высшей духовной и светской властью обладает избираемый император, в лице которого и согласуется политика двух видов власти) [13, с. 205], менталитет, каноническое православие. С Византией Россию роднит также отсутствие писаной конституции до 1918 г. В Византии на протяжении десяти веков

(VI — XV вв.) действовал «Corpus juris civilis» — Свод гражданского права, в Российской — «Свод законов Российской империи» (1832–1906), в котором раздел «Основные государственные законы» в усеченном виде выполнял некоторые функции конституции: Закон о престолонаследии 1797 г., Учреждение об императорской фамилии 1797 гл. 2. [28, с. 62; 27, с. 47; 6, т. 1, ч. 1, с. 1–28].

В обеих империях неписанные конституции представляли собой совокупность различных актов и указов, юридических постановлений, правовых норм и укоренившихся обычаев, определяющих правила политической игры [33, с. 17]. Византийскую неписаную конституцию правомерно считать конституцией «обычного конституционного права», так как в империи не было конституционных документов или законов в формальном и точном значении этого слова, т. е. «основного закона государства».

Византийскую и российскую (имперского периода) модели конституционализма роднит также и особый статус Короны в империях. В государственной жизни и праве Византии огромное внимание уделялось роли императора как человека и личности, существовал культ василевса-самодержца, пантократора, избранника Божьей милостью. Тяжким конституционным грехом считалось отсутствие закона о престолонаследии. [23; 33, с. 18–20; 15, с. 62]. С 1721 по 1917 г. монархи Российской империи носили титул «Император и Самодержец Всероссийский». До 1906 г. статья 1 Основных законов Российской империи гласила, что «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». В новой редакции Основных государственных законов 1906 г. прежняя статья 1 стала статьей 4 и, сохраняя признак са-

модержавия и верховенства, признака неограниченности. Согласно новому тексту, «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» [6]. Со времени Петра I единственным источником «закона» в системе российского самодержавия являлась воля монарха [14, с. 288].

В Византии, Британии, России не конституция, а «Корона» символизировала верховную власть, с учетом различия статусов в этих государствах. В идее «Короны» сочетаются и те элементы конституции, которые силой традиции сакрализируют и мифологизируют власть, и те, которые обеспечивают эффективную работу правительства [33, с. 18].

В Англии Корона в лице главы государства отождествляется с понятием суверенной государственной власти, ее правовая сущность раскрывается через понятие «Corporation sole» (корпорация одного лица). Английская правовая доктрина, наделявшая монарха двумя телами, естественным и политическим, объединяла их в одном лице, одном теле — короля. На почве доктрин «двух тел» и «corporation sole» возникла доктрина о никогда не умирающих королях, которые не подвластны времени, о королях, которые не бывают неправы, которые не могут неправильно думать. Тезис о том, что «король никогда не умирает» [24, с. 343] определял преемственность и континуитетность монархической формы правления в Великобритании. Он закреплен Актом 1701 г. Суверенитет власти в Великобритании осуществляется не через разделение властей, а согласно принципу «Корона-в-Парламенте», при этом сохраняются не ограниченные законом королевские прерогативы, что позволяет говорить об огромном объеме властных прав, носящих летаргический характер.

Великобритания, которую принято считать родиной конституционализма, оказала определенное влияние на развитие конституционализма в России. Британская модель конституционализма характеризуется действием неписаной конституции, неcodифицированностью, несистематизированностью и комбинированностью, а также отсутствием точного перечня документов, относящихся к Конституции. В основе этой модели лежит тезис о правлении, ограниченном парламентом, и доктрина министерализма. Но «неписаная» форма британской Конституции, сообщающая ей гибкость и подвижность нормативных актов, в отличие от американской «жесткой» Конституции, позволяет ей восполнять недостаток нормативных актов посредством издания новых законов и интерпретации уже существующих (глоссирование). Кроме того, немалое количество актов «исторических» частей британской Конституции являются действующими в настоящее время [31, с. 215].

Британский опыт конституционализма был использован в России в начале XX в. в связи с учреждением конституционной монархии после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г., которая обрела на российской почве свою специфику «октроированного конституционализма», «правительственного конституционализма», т. е. дополнения самодержавия совещательным учреждением представительного или квазипредставительного характера [30].

Советский опыт развития конституционализма — один из сложных с позиций выяснения преемственности/«разрыва» в истории российского конституционализма [14, с. 289]. Однозначного решения вопроса нет. В советскую эпоху идеи и теории конституционализма отвергались по существу и подлежали жесткой критике как «буржуазные»: «... для Советского государства концепция конституциона-

лизма признавалась неприемлемой, поскольку большевики были противниками основных ее ценностей» [21, с. 103], в частности — теории разделения властей [32], парламентаризма, на смену которому должны были прийти органы народного представительства модели Парижской коммуны [22, с. 342]. Принцип разделения властей отвергался Конституцией 1918 г.: Всероссийский съезд Советов был высшей властью в РСФСР, его ведению подлежали все вопросы — (ст. 49). Элементы принципа разделения властей были отражены в Конституции 1936 г.: законодательная власть принадлежала Верховному Совету СССР (ст. 32); Исполнительная власть — Совету министров (ст. 64), судебная — судам (ст. 102, 112). Принцип разделения властей не соблюдался в Конституции 1977 г.: Верховный Совет СССР как высший орган государственной власти мог решать все вопросы, отнесенные к ведению СССР, власть его была ничем не ограничена.

Однако в целом в этот период был выработан научный подход к пониманию конституционализма как теоретической доктрины, идейно-политического движения и государственно-правовой практики. Теоретические подходы советского времени к определению конституционализма нашли отражение в разработке и принятии семи Конституций РСФСР и СССР: 1918, 1924, 1925, 1936, 1937, 1977, 1978 гг., которые отражали реальную политико-социальную ситуацию на разных этапах исторического развития. Конституции советского периода являлись отражением принципов «советской демократии». В Конституции 1918 г. она реализовалась в форме диктатуры пролетариата, полнота власти закреплялась за трудящимися массами и Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эксплуататорские элементы лишались права

участия в отправлении власти; декларировались и гарантировались государством демократические свободы [Конституция 1918 г. ст. 7, 23, 65, 14].

Конституция 1936 г. подчеркивала социалистический характер Советского государства, по форме правления оно признавалось республикой Советов, говорилось о победе социализма, экономической основой которого являлась социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность, личная собственность также допускалась; гарантировались все зафиксированные в ней права и свободы [Конституция 1936 г. гл. 1, ст. 10, 119, 125, 127, 126].

Конституция 1977 г. констатировала построение «развитого социалистического общества» и создание общенародного государства, провозглашалось, что «вся власть в СССР принадлежит народу, который осуществляет ее через Советы народных депутатов», закреплялась руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, которая являлась ядром политической системы, государственных и общественных организаций [Конституция 1977 г. гл. 1, ст. 2, ст. 6].

Влияние Американской конституции 1787 г., старейшей и кратчайшей из всех писаных конституций, на действующую Конституцию РФ 1993 г. принято считать весьма значительным, что не соответствует действительности. Сравнительно-правовой анализ двух конституций свидетельствует, что это влияние ограничено включением в текст Конституции РФ общепризнанных демократических конституционных принципов — народовластие, права и свободы человека и гражданина, федерализм, суверенитет, разделение властей, которые, не являясь строго американскими конституционными идеями, были заимствованы отцами-основателями в основном из французско-

го Просвещения и конституционализма XVIII в., и являются цивилизационно-правовым достоянием человечества. Развиваясь и совершенствуясь, Конституция РФ 1993 г. дополняется положениями, отвечающими запросам времени: Российская Федерация по форме правления эволюционирует в направлении президентской республики, подобной США, и даже суперпрезидентской республики [17], но при этом учитывается не только американская модель, но и многовековой опыт сильной власти главы государства; Россия пошла по пути внесения поправок в Конституцию (206 поправок против 27 в Конституции США), как это принято в американском конституционализме. Следует также подчеркнуть, что Россия является не менее демократичным государством, нежели Великобритания или США; что американская Конституция архаична и функционирует благодаря поправкам и так называемой «живой конституции»; что российская Конституция является более лаконичным, структурированным и кратким законом, по сравнению с конституциями многих стран [35, с. 86].

Кроме того, Конституция РФ 1993 г. обладает выраженной аксиологической направленностью. Под конституционными ценностями понимаются закрепленные в Конституции РФ или выводимые в процессе толкования ее норм основополагающие общественно значимые идеалы, блага, идеи и приоритеты, определяющие содержание правовой политики государства, юридической практики. К абсолютным ценностям Конституция РФ относит человека, его права и свободы, безопасность государства и общества. В целом 48 статей второй главы Основного закона России посвящены определению и описанию прав и свобод человека и гражданина, а остальные нормы конкретизируют их. Можно сказать, что все конституционные нормы являются

формой выражения определенных социальных ценностей [1, ст. 64, ст. 2, ст. 65, ст. 48, гл. 2; 26, с. 63–65; 16].

Неписанные конституции — византийская, британская, российская эпохи империи, — сочетавшие писанный и неписанный компоненты, соответствовали конституционному устройству, условиям и традициям устойчивого развития государственности этих держав, показателем которых является продолжительность их функционирования в пространственно-временном континууме. Заложенный этими конституциями фундамент обеспечил преемственность государственной истории Соединенного Королевства и России на всех этапах эволюции вплоть до настоящего времени и позволил преодолеть трансформационные изменения (революционные и системные) без «разрывов». Советский конституционный опыт является частью истории российского конституционализма и отражает этап строительства социалистического государства, не имевшего аналогов в мировой истории и требовавшего разработки и практического воплощения соответствующих конституционных норм, не во всем совпадавших с классическими фундаментальными принципами конституционализма.

Влияние английского и американского конституционализма на российский носили опосредованный и кратковременный характер, модифицировались на российской почве, обретали иную трактовку и реализацию в российских условиях. Конституция США оказала известное влияние на разработку основных положений действующей Конституции РФ в части отражения в ней демократических конституционных принципов, заимствованных американцами из идей европейского Просвещения; Российская Федерация по форме правления развивается в направлении президентской/суперпрезидентской республики, подобной США,

но и с учетом многовекового опыта сильной власти главы государства; учтена также американская практика совершенствования российской Конституции посредством введения поправок. Но в целом Конституция США архаична и в немалой степени является памятником американского конституционализма, жизненная сила которого обеспечивается 27 поправками и так называемой «живой конституцией». Конституция РФ более структурирована и современна по сравнению с конституциями многих стран, а Российская Федерация является не менее демократичным государством, нежели Великобритания или США.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ, от 4.10.2022 № 5-ФКЗ, от 4.10.2022 № 6-ФКЗ, от 4.10. 2022 № 7-ФКЗ, от 4.10.2022 № 8-ФКЗ).
2. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. //Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты: Перевод с английского / Сост.: Лафитский В. И., под ред. и со вступ. ст.: Жидков О. А. М.: Прогресс-Универс, 1993.
3. Конституции РСФСР и СССР: 1918, 1924, 1925, 1936, 1937, 1977, 1978 гг.
4. Великая хартия вольностей / Перевод и введение академика Д. М. Петрушевского // Памятники истории Англии XI–XIII вв. М., 1936.
5. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.

6. Свод Законов Российской империи. СПб., 1912.
7. Российское законодательство X–XX веков: в 9 Т./Отв. Ред. Чистяков О. И. М.: юрид. лит., 1994.
8. Акт о престолонаследии Российской империи от 5 апреля 1797 г.
9. Алебастрова И. А. Фундаментальные принципы конституционализма: понятие, система, соотношение//Актуальные проблемы российского права, 2014. № 10 (47). С. 2114–2118.
10. Баев В. Г. Конституционализм как понятие и научная проблема // Ленинградский юридический журнал, 2008. № 3 (13). С. 44–62.
11. Белешов А. А. Определение конституционализма в российской юридической парадигме // Проблемы права, 2020. № 5 (79). С. 17–20.
12. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. — 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998. 624 с.
13. Бичехвост А. Ф. Политическая мысль Византии // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2017. № 4 (117). С. 202–210.
14. Булдаков В. П. Разрыв и преемственность в исторической судьбе советской государственности // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2013. С. 287–299.
15. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1947. 183 с.
16. Иванников И. А. Государственно-правовые ценности России: монография / Ростов-н/Д — Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 97 с.
17. Кондрашев А. А. Суперпрезидентская республика в России: миф или реальность? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018. № 6. С. 34–42.

18. Корецкая Т. П. Становление Российского конституционализма // Вестник Омского университета. Серия «Право», 2013. № 3 (36). С. 49–56.
19. Кравец И. А. Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика, 2019. № 10. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27293.
20. Кравец И. А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигма // Государство и право, 2018. № 12. С. 44–55.
21. Кутафин О. Е. Избр. тр.: в 7 т. Т. 7. Российский конституционализм. М.: Проспект, 2011.
22. Ленин В. И. Государство и революция // ПСС. Т. 33.
23. Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи/И. П. Медведев. СПб.: Алетейя, 2001. 575 с.
24. Maitland F. W. *Constitutional History of England: A Course of Lectures. Maitland's Lectures for Undergraduates, drawn mainly from Hallam, Stubbs, Dicey, and Anson.* Ed. by H. A. L. Fisher. Cambridge. 1908; 1993. 547 p.; *The Corporation Sole* // *The Law Quarterly Review*. 1900. № 16. P. 335–354; *The Crown as Corporation* // *The Law Quarterly Review*. 1901. № 17. P. 131–146.
25. Морозова Л. А. Теоретические проблемы становления и конституционные особенности российского конституционализма: понятие и периодизация // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2016. Вып. 15. С. 165–181.
26. Овчинников А. И. Конституционно-правовая аксиология в современном мире // Философия права. 2015, № 5 (72). С. 63–67.
27. Осавелюк А. М. Конституционное право зарубежных стран: Учебное пособие. СПб.: Лань, 2019. 404 с.
28. Осавелюк А. М. Конституция Российской империи: понятие и сущность // Вестник Московского университета МВД России. № 6/2020. С. 61–64.

29. Посадский А. В. Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44).
30. Румянцев А. С. Влияние зарубежного опыта на становление российского конституционализма начала XX века // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/07/1011> (дата обращения: 19.10.2022).
31. Сидорова Т. А. Британский конституционализм и система государственного управления. Историко-историографический аспект // XII Научно-образовательный форум Сочинского института РУДН. Научно-практическая конференция. Круглый стол. «Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации». Персоналистика в междисциплинарных научных исследованиях». 2019, Сочи. Вып. 3 / под редакцией В. В. Бобылева. М., Издательство Перо». С. 214–224.
32. Скуратов Ю. И. Разделение властей или распределение функций // Разделение властей и парламентаризм. М., 1992. С. 60–73;
33. Устьян А. Р. Неписанные конституции Византии и Великобритании и конституция США: политологический анализ // Вестник РУДН, серия «Политология». 2008. № 5. С. 17–21.
34. Шилов В. С. Европа и Россия в постсоветский период // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2013. 591 с. С. 576–587.
35. Эриашвили Н. Д., Сарбаев Г. М., Кухарев А. В. Сравнительно-правовой анализ конституции Российской Федерации и конституции Соединенных Штатов Америки // Образование и право. 2021. № 9. С. 83–87.

BRIEF

**BRITISH AND AMERICAN CONSTITUTIONALISM
AS THE MODEL OF SUSTAINABLE STATEHOOD
IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL
PRACTICE**

Sidorova Tamara A.,

Doctor of Historical Science, Associate Professor,
Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia,
Sochi, Russia, e-mail: tasidorova-05@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of the experience of Russian constitutionalism in the IX — the beginning of the XXI centuries in its main trends and manifestations and taking into account the influences that were of an indirect and short-term nature. The line of succession of Russian and Byzantine constitutionalism is emphasized. The elements of borrowings of British constitutionalism in terms of the design of the constitutional monarchy in Russia are considered and of American constitutionalism in terms of the reflection of democratic constitutional principles in the Constitution of the Russian Federation. The tendency of the evolution of the form of government of modern Russia in the direction of a presidential/super-presidential republic similar to the USA is noted. The axiological character of the Constitution of the Russian Federation of 1993 is highlighted. It is shown that Russian constitutionalism has ensured the sustainable development of the state throughout its history.*

Key words: *Russian constitutionalism; Byzantine constitutionalism; British constitutionalism; American constitutionalism; the model of sustainable statehood; historical and legal analysis; axiological approach.*

Государственно-правовая форма России конца XX — начала XXI вв. через призму трансформации правоотношений государственной (общенародной) собственности

*Толмачева Екатерина Николаевна,
адвокат, Сахалинская адвокатская палата,
аспирант ИГСУ РАНХиГС,
г. Москва, Россия, e-mail: entolmacheva@bk.ru*

УДК 342.22

Аннотация. В статье анализируются положения Конституции РФ, Устава Сахалинской области, Уставы муниципальных образований Сахалинской области на предмет внесения изменений в части управления государственной и муниципальной собственностью.

Автор приходит к выводу о том, что последствиями реформ 1990-х гг., связанных со статусом государственной собственности, явилось отсутствие упоминания собственника, собственников государственной собственности России, государственной собственности субъектов Федерации и собственности муниципальных образований в Конституции РФ, нормативных правовых актах субъектов Федерации и муниципальных образований.

Ключевые слова: государственная собственность; траст; СССР; советский народ.

Традиционно для характеристики государства используют категории содержания и формы. Содержание выражается в выполнении созданными органами управления функций для решения общественно значимых задач. Форма — внешнее проявление деятельности органов управления. Органы управления, как единая система государственного управления, функционируют через лиц, замещающих государственные должности, должности государственных и муниципальных служащих, и иные должности, не являющиеся должностями государственной службы.

Деятельность перечисленных лиц в правотворчестве и правоприменении заключается, в том числе, в формулировании правил общественного поведения и механизмов их реализации, которые, в свою очередь, должны представлять консенсус общества, общественных отношений (объект управления) и органов управления (субъект управления).

Применяя формально-юридический метод, исследуем положения Конституции Российской Федерации 1993 г., законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения собственности.

В силу ч. 2 ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности [6].

Слово «собственность» в Конституции РФ встречается 13 раз в различном контексте, в том числе для определения вопросов ведения Российской Федерации в отношении федеральной государственной собственности и управление ею (п. «д» ст. 71), совместного ведения РФ и субъектов РФ в части разграничения государственной собственности (п. «г» ч. 1 ст. 72). Согласно ст. 132 Конституции РФ органы

местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью.

Федеральное законодательство, законодательство субъектов РФ и нормативные правовые акты муниципальных образований раскрывают положения, лежащие в основе конституционного строя.

В соответствии с п. 11 ст. 18 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» полномочиями Правительства Российской Федерации в области экономики является управление федеральной собственностью [13].

Подпунктами 3, 4 п. 1 ст. 12 Устава Сахалинской области от 9 июля 2001 г. № 270 (далее — Устав) установлено, что в совместном ведении Российской Федерации и Сахалинской области находятся: вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; разграничение государственной собственности [22].

В ведении Сахалинской области находится государственная собственность Сахалинской области (п. 6 ст. 13 Устава), которая является формой государственной собственности в Российской Федерации (п. 1 ст. 65 Устава).

В действующей редакции Устава, с 19.06.2022 г., в п. 2 ст. 65 указано, что в собственности Сахалинской области может находиться имущество, указанное в статье 26.11 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10].

В редакции Устава, вступающей в силу с 01.01.2023 г., ссылка на закон изменена на ст. 55 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

В ранее действующей редакции в силу Закона Сахалинской области от 23.09.2013 № 88-ЗО п. 2 ст. 65 содержал следующее: в составе государственной собственности Сахалинской области находятся средства областного бюджета и земельные участки, участки недр, природные объекты, объекты инженерной инфраструктуры и другие объекты, имеющие областное значение, предприятия, учреждения народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, науки и культуры, другие учреждения, созданные или приобретенные за счет средств Сахалинской области, в том числе на долевых началах, или переданные Сахалинской области другими органами государственной власти и органами местного самоуправления, ценные бумаги и финансовые активы [9].

Законом Сахалинской области от 26.10.2009 № 94-ЗО «О внесении изменений в Устав Сахалинской области» исключены из п. 2 ст. 65 слова «участки недр», а также внесены изменения в части предприятий [8]; Законом Сахалинской области от 14.10.2005 № 67-ЗО исключены слова «внебюджетных, в том числе валютных, фондов Сахалинской области» [7].

Перечисленные в ретроспективе положения Устава позволяют проследить изменение состава собственности: от прямого перечисления объектов до отсылки к ст. 55 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ.

В соответствии с ч. 1 указанной статьи в собственности субъекта РФ может находиться: имущество, предназначенное для осуществления органами публичной власти субъекта РФ полномочий, которые осуществляются в соответствии с данным федеральным законом; имущество, предназначенное для обеспечения деятельности органов государственной власти субъекта РФ, государственных органов субъекта РФ, государственных гражданских служащих

субъекта РФ, работников государственных органов, работников государственных унитарных предприятий субъекта РФ и работников государственных учреждений субъекта РФ в соответствии с законами субъекта РФ; иное имущество, предназначенное для осуществления органами государственной власти субъекта РФ своих задач и публичных функций [18].

Нормы данного закона обособляют имущество в составе собственности субъекта РФ в целях выполнения возложенных на органы публичной власти субъекта РФ полномочий и обеспечения деятельности перечисленных лиц.

В нормативных правовых актах, регулирующих отношения муниципальной собственности, отражен аналогичный порядок.

Так, в ст. 50 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон о местном самоуправлении) обозначено какое имущество *может* находиться в собственности муниципальных образований [17]. В редакции Закона о местном самоуправлении, действовавшей до 21.10.2007, ч. 2 ст. 50 содержала перечень имущества, которое может находиться в муниципальной собственности.

Обратившись к уставам муниципальных образований РФ, например Углегорского городского округа и городского округа «Город Южно-Сахалинск» Сахалинской области, то в п. 1 ч. 3 ст. 55 увидим положение общего характера, а именно: в собственности городского округа находится, в том числе, имущество, предназначенное для решения уставовленных Законом о местном самоуправлении вопросов местного значения [21, 23].

Частью 3 ст. 40 Устава Углегорского городского округа и п. 7 ч. 1 ст. 42 Устава городского округа «Город Южно-

Сахалинск» предусмотрена компетенция администрации округа в части *управления* муниципальной собственностью.

Из содержания обозначенных нормативных правовых актов следует, что органы местного самоуправления управляют муниципальной собственностью, осуществляя при этом права владения, пользования и распоряжения имуществом, перечень которого из норм закона и уставов исключен. Законодательные (представительные) органы ограничились формулировкой с указанием на предназначение имущества: для решения вопросов местного значения, иных вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения, для обеспечения деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, муниципальных служащих, работников муниципальных предприятий и учреждений. Употребление слова «может» означает как наличие в составе муниципальной собственности того или иного имущества, так и его отсутствие. При этом наличие перечня имущества показывает прозрачность деятельности органов местного самоуправления и одновременно возможность их контроля. Поэтому исключение пообъектного состава муниципальной собственности следует расценивать отрицательно с точки зрения подотчетности деятельности органов местного самоуправления жителям муниципальных образований.

Таким образом, в Российской Федерации организована система управления государственной и муниципальной собственностью, которая представляет собой разграничение прав владения, пользования и распоряжения имуществом, предназначенном для выполнения полномочий органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления РФ.

В отличие от ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», согласно которой органы в системе публичной власти в РФ осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, формулировка идентичного содержания, например, в целях обеспечения жизнедеятельности граждан, проживающих на территории субъекта РФ и муниципального образования, в правоотношениях по управлению государственной и муниципальной собственностью не применяется.

Право муниципальной собственности у муниципальных образований, право федеральной собственности у Российской Федерации, право государственной собственности у субъектов Федерации возникло в порядке разграничения государственной собственности на основании Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 3020–1 «О разграничении государственной собственности в РФ на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краёв, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» [15].

Государственной или общенародной собственностью являлась в силу положений Конституции РСФСР от 1978 г. и Конституции СССР от 1977 г.

В соответствии со ст. 10 Конституции СССР от 1977 г. в первоначальной редакции основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности [4].

В ст. 11 Конституции СССР от 1977 г. провозглашено: государственная собственность — общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности. В исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства.

Исходя из данных положений Конституции СССР следует, что перечисленное имущество государства, земля, недра, воды, леса и связанные с ними права владения, пользования, распоряжения имуществом и иные вещные права, являются собственностью народа СССР.

Изменения, внесенные в Конституцию СССР Законом СССР от 14.03.1990 № 1360-I, позволили в составе государственной собственности выделить общесоюзную собственность, собственность союзных республик, собственность автономных республик, автономных областей, автономных округов, краев, областей и других административно-территориальных единиц (коммунальная собственность), а земля, ее недра, воды, растительный и животный мир стали находиться в ведении Советов народных депутатов, допустив возможность их предоставления для использования гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям [20].

Аналогичные положения содержала ст. 11 Конституция РСФСР от 1978 г. до внесения изменений Законом РСФСР от 15.12.1990 [5]. В редакции данного Закона введена ст. 11.1, в которой указывалось, что государственная собственность РСФСР является достоянием многонационального народа

РСФСР. Здесь же перечислен состав государственной собственности [16].

В результате внесения изменений в Конституции СССР и РСФСР государственная собственность, принадлежащая советскому народу, трансформировалась в федеральную (государственную), государственную, муниципальную, правами на которую владеют субъекты — Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования соответственно.

Таким образом, в юрисдикции Российской Федерации функционируют субъекты, управляющие федеральной государственной собственностью, государственной собственностью субъектов Федерации, муниципальной собственностью, и субъекты права частной собственности.

Существенным отличием положений Конституции РФ от Конституций РСФСР и СССР является отсутствие прямого указания на собственника государственной собственности.

В связи с этим, управляя трансформировавшейся государственной (общенародной) собственностью, органы государственной власти РФ и местного самоуправления, а также граждане и юридические лица, обладая правами частной собственности, являются доверительными управляющими или доверительными собственниками по аналогии с концепцией траста.

Трасты широко известны в странах Западной Европы, особенно в Англии. В законодательстве Российской Федерации явно не упоминается о трастах, но «отсутствие в национальном законодательстве института траста не препятствует его использованию» [3].

«Применительно к Российской Федерации, то впервые упоминание о трастовых отношениях появилось в связи с осуществлением приватизации государственных и муниципальных предприятий. В соответствии с п. 6 Указа Пре-

зидента РФ от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» Российскому фонду федерального имущества, фондам имущества республик в составе РФ, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов и районов было рекомендовано передавать на договорной основе находящиеся в их владении *пакеты акций до момента их продажи в соответствии с планами приватизации в доверительную собственность (траст) физическим и юридическим лицам*, признаваемым покупателями в соответствии со ст. 9 Закона РФ от 03.07.1991 № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» [14]. Содержание траста как сделки было определено чуть позже Указом Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» (далее — Указ о трасте) [12]. Указ о трасте предусматривал, что до вступления в силу нового ГК РФ «передаче в траст подлежат исключительно пакеты акций акционерных обществ, созданных при приватизации государственных предприятий» (п. 21). С вступлением в 1996 г. в действие части второй ГК РФ Указ о трасте считается утратившим свое действие, но формально он отменен не был.

Указ о трасте вводил траст, отвечающий основным классическим характеристикам¹.

¹ Высокую оценку конструкции траста в России дает М. Лупой (Lupoi M., Op. cit., p. 311–312), хотя и отмечает недостаточную проработку деталей (ibid., 288–289). Иное мнение у Дж. Кордеро Мосс, которая, указывая на недостаточность средств защиты бенефициария, делает вывод об искусственной и поверхностной имитации в Указе № 2296 отдельных элементов иностранного института. См.: Cordero Moss G. Lectures on Comparative Law of Contracts. Oslo. 2004. P. 36.

«Широта функций доверительного управления, которое помимо договорных отношений обслуживает и квазидоговорные (ст. ст. 37, 38, 41, 43, 62 ГК), когда заключению управляющим «договора» (не с собственником имущества) предшествует акт публичной власти, — показывает, что этот институт носит системообразующий характер. В. А. Дозорцев интегрирует доверительное управление в проблематику осуществления права собственности — в контексте традиционного для нашей юридической науки вопроса об управлении государственной собственностью (наряду с правом оперативного управления и хозяйственного ведения) — как аспект содержания права собственности: «Смысл этого института в том, чтобы право собственности могли осуществлять лица, определяемые не на административной, а на гражданско-правовой основе, чтобы они были заинтересованы в эффективном осуществлении правомочий собственника и несли ответственность перед ним за свою ненадлежащую деятельность. Это — принципиальное новшество в законодательстве. При этом оказывается, что наряду с правомочиями собственника необходимо четко выделить еще и более широкую категорию — управление собственностью...» [2, с. 241]» [1, с. 251–286].

Согласно п. 14 Указа о трасте имущество, переданное в траст, строго отделяется от имущества самого доверительного собственника, так что даже в случае его банкротства оно не включается в конкурсную (ликвидационную) массу. Доверительный собственник также не вправе приобретать в собственность имущество, которым он владеет в силу договора об учреждении траста, до момента прекращения указанного договора (п. 12).

Поскольку Указ о трасте предусматривал «передачу в траст исключительно пакетов акций акционерных обществ, создан-

ных при приватизации государственных предприятий», то это типичный инновационный проект, выделяющий «свободную экономическую зону» за рамками гражданского законодательства. Тот факт, что траст предполагалось использовать как инструмент приватизации (в качестве бенефициария должен был выступать исключительно федеральный бюджет — п. 21 Указа о трасте) существенно сужает сравнительно-правовое значение российского опыта как формы рецепции института в гражданско-правовой системе» [1, с. 251–286].

Конструкция траста, содержащаяся в Указе о трасте, последовательно воспроизводит следующие типичные и необходимые его черты [1, с. 251–286]:

1) *Односторонний характер учредительного акта, которым является акт публичной власти.* Проведение реформ в части изменения форм собственности: трансформация государственной собственности происходила путем последовательного внесения изменений в Конституции СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. и разграничения государственной собственности, личная собственность советских граждан не упоминается в законодательстве РФ,

2) *Переход собственности к управляющему трастом и утрата учредителем каких-либо прав на имущество траста, обособление имущества, переданного в траст от имущества самого управляющего.*

Многонациональный народ, указанный в Конституциях РСФСР и СССР, имел правовую связь с РСФСР и СССР (гражданство). После возникновения в правовом пространстве Российской Федерации, правовая связь на основании Закона РФ от 28.22.1991 № 1948-I «О гражданстве Российской Федерации», была изменена на связь с РФ, то есть актом публичной власти в одностороннем порядке произведена замена гражданства РСФСР и СССР на гражданство РФ.

Поскольку в силу перечисленных выше положений Конституций РСФСР и СССР собственником государственной собственности является многонациональный народ РСФСР и СССР, и отсутствие упоминания такового в Конституции РФ, уставах субъектов РФ (на примере Сахалинской области), муниципальных образований РФ, но введение при этом права частной собственности и права собственности на доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций, созданных за счет государственной собственности, а также, поскольку созданы правовые механизмы по управлению государственным имуществом посредством деятельности государственно-публичных образований РФ, то это означает, что многонациональный народ РСФСР и СССР, утратив прежний статус собственника, обладает иным набором прав собственника в отношении государственного имущества.

Государственное имущество передается в управление субъектам частного права — РФ, субъектам РФ, муниципальным образованиям, гражданам РФ и физическим лицам в форме прав на объекты государственной собственности, тогда как граждане РСФСР и СССР пользовались, например, жилыми помещениями, земельными участками и могли иметь в личной собственности дома (ст. 13 Конституции РСФСР).

Юридические лица и граждане РФ обладают правом собственности. Заключая сделки, предметом которых являются права на объекты, юридические лица, граждане РФ, а также органы государственной власти и местного самоуправления РФ, действующие от имени государственно-публичных образований, управляют правом собственности, но не собственностью — предметами материального мира.

Такое обособление имущества и прав собственности на него в конструкции траста сопровождается специаль-

ной квалификацией личности управляющего, которому от-казывают в наличии собственных интересов и ставят на службу другому лицу. Особый характер положения управляющего в отношении переданного в траст имущества согласуется с изъятием его личности из гражданского оборота и заменой ее на «должность», особую роль «доверительного собственника».

Учитывая изложенное, управляющими трастом или доверительными собственниками являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, юридические лица и человек, у которого изъята личность в части гражданства РСФСР и СССР и заменена на «должность» гражданина Российской Федерации и физического лица.

Указанные лица в результате изменений основных законов и законодательства в отношении преобразований форм государственной собственности стали обладателями прав на нее. При этом жители территории СССР и РСФСР утратили имущество государственной собственности в значении собственника достояния, принадлежавшего советскому народу.

В связи с тем, что изменено государственно-публичное образование с РСФСР на РФ, установлена правовая связь с ним актом публичной власти, но как земля, предметы материального мира, так и их обладатели — жители земли с правовой связью с РСФСР и СССР (советский народ), оставаясь неизменными в своём физическом местонахождении и пребывании, последние, имея права на собственность в форме доверительной собственности, являются её учредителями.

Таким образом, наделенные полномочиями собственника государственной собственности, находящейся в управлении РФ, субъектов РФ, муниципальных образова-

ний, юридических лиц, граждан РФ и физических лиц, люди с правовой связью с РСФСР и СССР (советский народ), являются учредителями доверительного (трастового) имущества — государственной собственности РФ.

3) *Отсутствие представительских отношений, отстранение учредителя от управления трастом.*

По условиям Указа о трасте на доверительного собственника возлагается неограниченная ответственность по обязательствам, возникающим у него в связи с исполнением договора об учреждении траста (п. 13 Указа о трасте), что принципиально отличает его от лица (поверенного и т. п.), действующего в режиме прямого представительства.

Особенностью права пользования является его функциональность, выражающаяся в возможности передавать его одновременно разным лицам — доверительным собственникам, которые пользуются и управляют доверительной собственностью. Основные обязанности доверительных управляющих или доверительных собственников в таком случае заключаются в надежном и безопасном хранении трастового имущества, правильно инвестируя в него и распределяя его.

Граждане РФ, являясь акционерами и учредителями организаций, владеют ценными бумагами и долями, которые подтверждают право на часть уставного капитала, находящегося в управлении юридического лица. Учредитель (многонациональный народ с правовой связью с РСФСР и СССР) доверительной собственности не принимает участие в пользовании предметами материального мира — имуществом, входящим в состав государственной собственности, которая в результате процедур приватизации в виде пакетов акций, паев в уставных (складочных) капиталах организаций оказалась в руках держателей акций и долей.

4) *Отсутствие обязательственных отношений между управляющим и бенефициарием.*

РФ, субъекты РФ, муниципальные образования, граждане РФ, юридические лица не связаны обязательствами с обладателями прав на акции, паи в уставных (складочных) капиталах организаций, созданных за счет государственной собственности, — акционерами, участниками обществ, которые получают доходы от оборота государственного имущества в виде прибыли, распределяемой на выплату дивидендов или остающейся нераспределенной в распоряжении юридических лиц. Обязанность возникает лишь у граждан РФ и юридических лиц перед РФ в виде уплаты налога с полученного дохода (дивидендов и прибыли).

Соответственно, бенефициары, в первую очередь — это должностные лица государственных органов Советского Союза и РСФСР, занявшие должности в Государственном комитете Российской Федерации по управлению государственным имуществом, председателем которого являлся А. Б. Чубайс, комитетах по управлению имуществом республик в составе Российской Федерации, края, области, автономной области, автономного округа, должности в Российском фонде федерального имущества, фондах имущества республик в составе РФ, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов и районов, должности директоров новых созданных юридических лиц на основе имущества трестов, которые в Советском Союзе не были имущественно обособлены от государственных органов СССР и т. д.

Законодательство РФ допускает владение гражданскими и муниципальными служащими ценными бумагами, предусматривая, однако, обязанность передавать на время замещения должности находящиеся в их собственности

ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством РФ (см., например, п. 2 ч. 4 ст. 6 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» в части такой обязанности члена Правительства РФ).

К бенефициарам сейчас относятся кредиторы организаций, созданных за счет имущества государственной собственности, именуемые инвесторами. Последние напрямую не участвуют в управлении указанными организациями, но заинтересованы в получении дохода от вложенных в них, а фактически — в государственную собственность, средств.

5) Связанность доверительного собственника положениями учредительного документа, его подчиненность интересам бенефициария.

Указ о трасте предусматривает заключение договора об учреждении траста. Подчиненность граждан РФ, юридических лиц, муниципальных образований, субъектов РФ и РФ как субъектов частного и публичного права положениям Конституции РФ и изданных во исполнение основных конституционных начал федеральным конституционным законам, федеральным законам, нормативным правовым актам РФ позволяет сделать вывод о том, что Конституция РФ является документом, устанавливающим (учреждающим) основные правила взаимоотношений по управлению государственной собственностью. Вовлеченность перечисленных субъектов в систему управления государственной собственностью, приносящей доход инвесторам, владельцам ценных бумаг организаций, свидетельствует о подчинении первых интересам последних посредством исполнения Конституции РФ и нормативных правовых актов РФ.

б) *Полная ответственность управляющего за нарушения траста, высочайшая степень защиты интересов бенефициария.*

Исполнение обязанностей граждан РФ, физических, юридических лиц возложенных на них Конституцией РФ, гарантируется мерами ответственности, приводящихся в исполнение правовыми механизмами принудительного воздействия.

Таким образом, государственно-правовой формой Российской Федерации по содержанию является траст, где субъекты, наделенные полномочиями собственника государственной собственности, находящейся в управлении РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, юридических лиц, граждан РФ и физических лиц, выполняют функции доверительного управляющего (доверительного собственника), руководствуясь положениями Конституции РФ и изданных во исполнение основных конституционных начал федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов РФ, в интересах инвесторов, владельцев ценных бумаг, паев (бенефициары) в уставных (складочных) капиталах организаций, созданных в результате трансформации форм государственной (общенародной) собственности. При этом собственниками и одновременно учредителями доверительного (трастового) имущества — государственной собственности РФ — являются жители России с правовой связью с РСФСР и СССР (советский народ).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Работа впервые опубликована в издании: Человек и его время: Жизнь и работа Августа*

- Рубанова / Сост. и отв. ред. О. А. Хазова. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 251–286.
2. Дозорцев В. А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. Сборник памяти С. А. Хохлова / Под ред. Маковского А. Л. М., 1998, с. 241.
 3. Касаткина А. С., Максимов Д. М. Некоторые вопросы применимости конструкции завещательного траста в российском правопорядке // Законодательство. 2017. № 10.
 4. Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 07.10.1977 (в ред. Закона СССР от 21.12.1989 № 974-I) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
 5. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978 (в ред. Закона РФ от 09.12.1992 № 4061-I) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
 6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 7. О внесении изменений в Устав Сахалинской области: закон Сахалинской области от 14.10.2005 № 67-ЗО. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 8. О внесении изменений в Устав Сахалинской области: закон Сахалинской области от 26.10.2009 № 94-ЗО. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 9. О внесении изменения в статью 28 Устава Сахалинской области: закон Сахалинской области от 23.09.2013 № 88-ЗО. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 10. О внесении изменений в Устав Сахалинской области: закон Сахалинской области от 09.06.2022 № 41-ЗО. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

11. О гражданстве Российской Федерации: Закон РФ от 28.11.1991 № 1948-I // Ведомости СНД РФ и ВС РФ 1992. № 6. Ст. 243.
12. О доверительной собственности (трасте): указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 // Собрание актов Президента и Правительства ПФ. 1994. № 1. Ст. 6.
13. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
14. О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: закон РФ от 03.07.1991 № 1531-I // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.
15. О разграничении государственной собственности в РФ на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краёв, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 3020-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 55.
16. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: Закон РСФСР от 15.12.1990 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1991. № 29. Ст. 395.
17. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40 ст. 3822.
18. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
19. Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества: указ Президента РФ от 01.07.1992 № 721 // Собрание актов Президента и Правительства ПФ. 1992. № 1. Ст. 3.
20. Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР: Закон СССР от 14.03.1990 № 1360-I // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

20. Устав городского округа «Город Южно-Сахалинск» (утв. решением Городского Собрания городского округа «Город Южно-Сахалинск» Сахалинской области от 22.02.2006 № 180/13-06-3) — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
21. Устав Сахалинской области от 09.07.2001 № 270 (принят Сахалинской областной Думой 28.06.2001) — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
22. Устав Углегорского городского округа (утв. Решением Собрания Углегорского муниципального района Сахалинской области от 16.03.2017 № 354) — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

BRIEF

**THE STATE-LEGAL FORM OF RUSSIA OF THE LATE XX —
EARLY XXI CENTURIES. THROUGH THE PRISM
OF TRANSFORMATION OF LEGAL RELATIONS
OF STATE (PUBLIC) PROPERTY**

Tolmacheva Ekaterina N.,
lawyer, member of the Sakhalin Bar Association
graduate student Institute of public service
and management RANEPА, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Charter of the Sakhalin region, the Charters of municipalities of the Sakhalin region for amendments to the management of state and municipal property. The author comes to the conclusion that the consequences of the reforms of the 1990s. with state property, there was no mention of the owner, owners of state property of Russia, state property of the subjects of the federation and property of municipalities in the Constitution of the Russian Federation, regulatory legal acts of the subjects of the Federation and municipalities.

Key words: dormitory state property; trust; USSR; soviet people.

Уголовно-правовая охрана конституционного строя Республики Абхазия

Хазба Ефрем Гарриевич,

Абхазский государственный университет,

г. Сухум, Республика Абхазия, e-mail: khagba@mail.ru

УДК 342.41

***Аннотация.** Основы конституционного строя являются базовым институтом в конституционном праве как отрасли права. Учитывая непрекращающиеся усилия, предпринимаемые со стороны Республики Абхазия, по защите своей независимости и территориальной целостности, вопрос уголовно-правовой охраны конституционного строя стоит остро, как никогда. Данная работа посвящена изучению проблем охраны конституционного строя уголовно-правовыми средствами.*

***Ключевые слова:** конституционный строй; основы конституционного строя; уголовная охрана; уголовная охрана основ конституционного строя.*

Конституционный строй — система общественных отношений, устанавливаемых Конституцией и другими конституционно-правовыми актами [4, с. 302]. Такие общественные отношения заложены в главе 1 Конституции Республики Абхазия, которая именуется «Основы конституционного строя». Особую значимость имеет статья 1, в которой говорится, что «Республика Абхазия — суверенное, демократическое, правовое государство, исторически

утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение». В отличие от государственного строя, конституционный — предполагает обязательное наличие конституции. По мнению ряда ученых-правоведов, в том числе и Н. А. Михалева, конституционный строй в системе институтов конституционного права занимает центральное место [6, с. 162]. Таким образом, являясь базовым институтом, основы конституционного строя закладывают фундаментальные начала организации государственной власти, правового статуса государственного языка Республики Абхазия, правового положения личности, международной правосубъектности Абхазии и государственного устройства.

Следует также отметить, что понятие конституционного строя является относительно новым для теории и практики конституционного права Абхазии, так как до принятия Конституции 1994 года подобная формулировка не применялась. В советский период вместо этого использовались термины «общественное устройство» или «основы общественного строя и политики» [9, с. 104–105]. Например, раздел I Конституции (Основного закона) Абхазской АССР 1978 года именовался «Основы общественного строя и политики» [8, с. 114]. В советской законодательной практике первое официальное упоминание конституционного строя относится к 1990 году, когда были внесены изменения в статьи 6 и 7 Конституции СССР 1978 года. Данные нововведения, среди прочего, регламентировали запрет на создание организаций, имеющих своей целью насильственное изменение «советского конституционного строя».

Учитывая важность общественных отношений, охватываемых конституционным строем, необходимость уголовно-правовой охраны последнего очевидна. Подобное утверждение рождает вопрос о том, что есть в данном

случае «охрана» и нуждается ли в этом конституционный строй, если да, то в какой форме?

Как следует из толкового словаря русского языка, глагол «охранять» означает, что-либо оберегать, стеречь, принимать меры для защиты [7, с. 1028]. В рамках данной работы попытаемся обосновать, что в подобной защите, в том числе и уголовно-правовыми средствами, нуждается конституционный строй Республики Абхазия.

М. В. Баглай, под конституционным строем понимал такой порядок, при котором без каких-либо ущемлений обеспечены права и свободы человека и гражданина, а государство не предпринимает каких-либо действий кроме как тех, которые соответствуют конституции страны [3, с. 115]. В этой связи, охрана конституционного строя — архиважнейшая задача любого государства, особенно такого молодого, как Абхазия, живущая в условиях непрекращающейся внешней, в том числе и военной угрозы. Эта мысль содержится и в концепции внешней политики Республики Абхазия (далее также РА), в котором говорится о том, что «сохраняется угроза возобновления вооруженного конфликта и посягательства на независимость, суверенитет, территориальную целостность и основы конституционного строя Республики Абхазия». Охрана конституционного строя заложена в самой Конституции, в том числе. Так, статья 18 запрещает создание и деятельность партий, движений и объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя. Более того, статья 35 Конституции дает возможность идти на такие крайние меры, как отдельные ограничения прав и свобод, если это диктуется необходимостью защиты конституционного строя нашей страны. Таким образом, актуальность охраны конституционного строя нашей страны от внутренних и внешних угроз на лицо.

Отправную точку уголовно-правовой охраны конституционного строя, на наш взгляд, следует искать в Общей части Уголовного кодекса Абхазии, статья 9 которого устанавливает задачи Уголовного кодекса, в числе которых говорится и об охране конституционного строя страны. Как нам известно, принципы и другие основополагающие начала, содержащиеся в Общей части УК Республики Абхазия, являются его фундаментом, который оказывает влияние на всё остальное содержание Уголовного кодекса страны.

Задачи УК Абхазии находят свое воплощение в содержаниях глав и статей этого уголовного закона. Так, глава 29 Уголовного кодекса Абхазии посвящена преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства. В данной главе речь идет о двух объектах уголовно-правового посягательства: «конституционный строй» и «безопасность государства». Факт того, что оба объекта объединены в одну главу, как нам представляется, является красноречивым подтверждением их взаимообусловленности, так как в современных условиях конституционный строй — важное условие безопасности государства.

Однако наличие одноименной главы совсем не означает, что только статьи данной главы охраняют основы конституционного строя [5, с. 46]. Как известно, отдельные общественные отношения, составляющие конституционный строй, формируют ценности, уголовно-правовая защита которых обеспечена различными статьями разных глав УК Абхазии. Например, преамбула Конституции провозглашает утверждение прав и свобод человека и гражданина. Так, право человека на жизнь и здоровье обеспечивается введением уголовной ответственности за покушение на них в главе 16 УК Абхазии. Защиту права на свободу, честь и достоинство обеспечивает глава 17 и т. д. Также,

статья 8 Конституции РА устанавливает основы местного самоуправления, а глава 30 УК Абхазии среди прочего регулирует вопросы ответственности за преступления против интересов службы в органах местного самоуправления. Статья 10 Конституции Республики Абхазия устанавливает государственную символику, а статья 334 УК РА предусматривает ответственность за надругательство над государственным гербом или государственным флагом Республики Абхазия. Таким образом, охрана конституционного строя — задача УК РА, которая проходит красной нитью через весь Уголовный кодекс.

В виде отдельного объекта уголовно-правовой охраны конституционный строй выступает в таких статьях Уголовного кодекса, как насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 276), а также вооруженный мятеж (ст. 277). Признание конституционного строя в качестве объекта связано с тем, что преступный умысел направлен на его насильственное изменение или свержение. Кроме того, родовым объектом данных преступлений принято считать совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение безопасности государства. Это особо тяжкие преступления, за которые устанавливается наказание в виде лишения свободы на длительные сроки (свыше 10 лет).

В случае вооруженного мятежа (восстания) законодатель установил возможность освобождения от уголовной ответственности, если лицо своевременным сообщением органам власти способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Абхазии.

Как уже было сказано, к основным признакам конституционного строя относятся форма государственного устройства, разделение властей, народовластие, суверенитет

и т. д. Необходимость обеспечения их всесторонней охраны привела к закономерным поправкам в УК Абхазии, в котором появились новые составы преступлений. Из них особо внимания заслуживает статья 273.3, которая устанавливает уголовную ответственность в виде лишения свободы сроком до пяти лет за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности и неприкосновенности Республики Абхазия. Это преступление считается оконченным в момент публичного призыва, в том числе с использованием всемирной глобальной сети-Интернет. С учетом активности вражеских провокаторов на просторах интернета, считаем, что подобные меры охраны небезосновательны.

Таким образом, уголовно-правовая охрана конституционного строя Республики Абхазия обеспечивается установлением ответственности за посягательство на него. Данные преступления обладают повышенной общественной опасностью, в связи с чем в статье 52 УК Абхазии говорится о том, что пожизненное лишение свободы, помимо всего прочего, устанавливается за совершение особо тяжких преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем констатировать, что законодатель, через которого народ выражает свою волю, предпринял ряд серьезных мер для предотвращения посягательства на конституционный строй страны. В дополнение к этому, мы предлагаем включить в Уголовный кодекс Абхазии еще одну статью, которая будет предусматривать ответственность в виде лишения свободы на срок до трех лет за публичные призывы к изменению статуса Республики Абхазия как независимого государства. Кроме того, для конкретизации конституционного строя в качестве объекта

уголовно-правовой охраны, по примеру Уголовного кодекса ФРГ [5, с. 45], предлагаем дополнить Уголовный кодекс Абхазии специальной статьей, которая бы определила группу общественных отношений, входящих в основы конституционного строя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Абхазия. Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия XII созыва 26 ноября 1994 г., одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г., с изменениями от октября 1999 г., 30 апреля 2014 г., 29 марта 2016 г. — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Концепция внешней политики Республики Абхазия, утвержденная указом Президента РА от 04.12.2020 г. № 316.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. Учеб. для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.
4. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.
5. Ковяров М. Ю. Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны основ конституционного строя. М.: Вестник МГЛУ. №15 (701). 2014. С. 104.
6. Михалева Н. А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. 368 с.
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. 1040 с.
8. Шанава Т. А., Возба С. З. Конституции Абхазии. XX век. Сухум: Дом печати, 2015. 192 с.
9. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2003. 624 с.

BRIEF

**CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION
OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM
OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA**

Khagba Efrem G.,

Abkhazian Stat University,

Sukhum, Abkhazia, e-mail: khagba@mail.ru

Abstract. *The foundations of the constitutional system are the basic institution in constitutional law as a branch of law. Considering the incessant encroachments towards the independence and territorial integrity of the Republic of Abkhazia, the issue of criminal law protection of the constitutional system is more acute than ever. This work is devoted to the study of the problems of protecting the constitutional system by criminal law means.*

Key words: *constitutional order; foundations of the constitutional order; criminal protection; criminal protection of the foundations of the constitutional order.*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ЭКОНОМИКИ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Серия

«Вузовская наука: от теории к практике»

Сборник статей в двух томах

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн обложки — © Д. В. Нефедов. Верстка — © Спутник науки.

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Стар-трейд» (ИП Гудкова К. А.).

Сдано в набор 29.11.2022 г. Подписано в печать 13.12.2022 г. Формат 64х80/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура MinionPro. Усл. печ. л. 12,1. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-6049066-2-0

9 785604 906620